

**ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

4

ИЮЛЬ-АВГУСТ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ю.Д. Апресян (Москва). О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций	3
Ю. Канeko (Токио), Е.В. Петрухина (Москва). Аспектуальная семантика в глагольных системах русского и японского языков (сопоставительный анализ фрагментов языковой картины мира)	19
Г.Е. Крейдлин, Е.Б. Морозова (Москва). Внутриязыковая типология невербальных единиц: бытовые поклоны.....	34
Ю.В. Николаева (Москва). Функциональные и семантические особенности иллюстративных жестов в устной речи (на материале русского языка).....	48
А.Д. Кошелев (Москва). О концептуальных значениях приставки <i>o-lob-</i>	68
Ж. Багана (Белгород). Морфолого-синтаксическая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма	102
О.В. Ханина (Москва). Желание: когнитивно-функциональный портрет.....	122

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Т.Я. Елизаренкова (Москва). <i>M. Mayrhofer. Die Personennamen in der Rgveda-Samhitā. Sicheres und Zweifelhaftes</i>	156
И.Б. Иткин (Москва). <i>D.Q. Adams. A dictionary of Tocharian B</i>	159
В.М. Алпатов (Москва). <i>В. Успенский. Труды по нематематике</i>	165
Н.Ю. Зайцева, К.Р. Пиотровская (Санкт-Петербург). <i>М.А. Марусенко, Б.Л. Бессонов, Л.М. Богданова, М.А. Аникин, Н.Е. Мясоедова. В поисках потерянного автора: Этюды атрибуции</i>	169
В.Ю. Гусев (Москва). <i>Z. Frajzyngier. A Grammar of Lele</i>	171

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки	174
----------------------------	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, В.А. Виноградов (зам. главного редактора),
В.Г. Гак, Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев,
Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов,
А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский (отв. секретарь), А.М. Молдован,
Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина
Зав. отделами: М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова
Зав. редакцией Н.В. Ганнус

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел. 201-25-16

© 2004 г. Ю. Д. АПРЕСЯН

**О СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕПУСТОТЕ И МОТИВИРОВАННОСТИ
ГЛАГОЛЬНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ***

1. ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ГЛАГОЛЬНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Внутри фразеологии относительно давно выделилась особая область, предметом которой стали устойчивые глагольно-именные словосочетания типа *вести борьбу, дать разрешение, идти в атаку, оказывать помощь, проводить экзамен* и т.п.; см. [Bally 1921; Аничков 1997 (написано в 1937 г.); Виноградов 1947; Ожегов 1957; Гак 1965; Шмелев 2002: 50 (впервые издано в 1967 г.); Giry-Schneider 1978; 1987; Blochwitz 1980; Gross 1981; Телия 1981; Vives 1983; Hartenstein 1992; Fontenelle 1993] и многие другие работы. Такие словосочетания описывались на материале десятков языков в синхронном, сопоставительном и историческом плане, с семантической, лексико-синтаксической и стилистической точек зрения, теоретически и в учебных целях, чисто лингвистически и лексикографически (из словарных опытов на русском материале упомяну, например [Дерибас 1983] и [Дерягина 1987])¹.

Если отвлечься от частных случаев, наиболее интересные в контексте данной работы результаты этих штудий можно представить следующими двумя тезисами:

(1) Глагол в таких словосочетаниях не имеет собственного лексического значения или имеет ослабленное значение и служит главным образом для того, чтобы быть носителем грамматических категорий времени, вида, склонения, залога, лица и т.п., принципиально невыразимых при именном компоненте словосочетания². Поэтому словосочетание в целом является глагольно-именной ("аналитической") перифразой исходного глагола; ср. *вести борьбу* = *бороться*, *дать разрешение* = *разрешить*, *идти в атаку* = *атаковать*, *оказывать помощь* = *помогать*, *проводить экзамен* = *экзаменовывать* и т.п. При этом традиционно рассматривались главным образом такие перифразы, при которых сохраняется подлежащее исходного глагола; ср. *Он очень помог мне – Он оказал мне большую помощь*.

* Данная работа была выполнена при финансовой поддержке РГНФ (гранты № 02-04-00306а и № 03-04-00046а), РФФИ (грант № 03-06-80106), Программы президента РФ на поддержку ведущих научных школ (грант НШ-1576.2003.6) и Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН, раздел 4.15.

¹ Более подробную библиографию см. в работах [Mel'čuk et al. 1992: 56-58, 60-64, 81-91; Hartenstein 1992: 277-285].

² Служебная функция таких глаголов подчеркивается и терминологией; ср. "функциональные глаголы", "полувспомогательные глаголы", "глаголы-операторы", "глаголы поддержки", "глаголы широкой семантики", "глаголы широкого семантического объема", "расширители" (Streckformen) и т.п. С другой стороны, та же функция акцентируется в большинстве словарных толкований; ср. типичное толкование глагола *дать* в МАСе: "8. Со многими существительными, преимущественно означающими действие, образует сочетания со значением того или иного действия в зависимости от смысла существительного".

(2) Все такие словосочетания обладают свойствами устойчивости и лексической связанности ('фразеологичности', 'идиоматичности'), ср *произносить речь* и *делать доклад*, но не наоборот, *оказывать влияние* и *производить впечатление* но не наоборот; *испытывать гордость* и *питать надежду*, но не наоборот, и т.п. Очевидно, что тем самым они приобретают и свойство межъязыковой идиоматичности. Ср., например *уделять внимание* и *pay attention* (букв. 'платить внимание'), *произносить речь* и *take a speech* (букв. 'делать речь')

Рассматриваемая область фразеологии получила новый мощный импульс, когда во второй половине прошлого века она была введена И.А. Мельчуком в более общий контекст его лингвистической модели "Смысл $\Leftrightarrow$ Текст", в особенности в контекст теории лексических функций (ЛФ) и толково-комбинаторной лексикографии, см [Жолковский, Мельчук 1967; Мельчук 1974, Mel'čuk et al. 1992; Мельчук 1995, Mel'čuk 1997, Мельчук, Жолковский 1984 Mel'čuk et al 1984; Mel'čuk et al 1988, Mel'čuk et al 1992, Mel'čuk et al 1999] и другие работы этого автора и его школы.

Из новшеств, которыми модель Смысл $\Leftrightarrow$ Текст обогатила эту область традиционной фразеологии, упомянем два самых важных

(а) Универсальный формальный аппарат ЛФ, который позволяет на единой основе решить две принципиально разные, хотя и связанные друг с другом задачи (i) свести гигантское разнообразие устойчивых элементов словосочетаний во всех естественных языках к нескольким десяткам классов лексем с общими семантическими и синтаксическими свойствами; (ii) сформулировать общие для всех языков правила перифразирования предложений [они включают в себя в качестве частного случая и традиционный класс "аналитических" перифраз с сохранением подлежащего исходного глагола, см. выше пункт (1)]

(б) Понятие мены диатезы (см [Мельчук, Холодович 1970]). Последнее понятие является обобщением понятия залога, оказывается, что отношения, аналогичные залоговым, представлены и в лексико-синтаксической сочетаемости. Ср *А дает В гарантию – В получает гарантию от А*, *А производит атаку на В – В подвергается атаке со стороны А*, *Х берет В в аренду у Y-а – Y сдает В в аренду X у*

Для описания таких квазизалоговых отношений в модели "Смысл $\Leftrightarrow$ Текст" было введено семейство глагольных ЛФ OPER_i-FUNC_i-LABOR_{ij}, со следующими определениями OPER₁, OPER₂ – глагол, связывающий название первого (соответственно второго) актанта в роли подлежащего с названием ситуации в роли первого дополнения FUNC₁, FUNC₂ – глагол, связывающий название ситуации в роли подлежащего с названием первого (второго) актанта в роли первого дополнения, LABOR₁₋₂ глагол, связывающий название первого актанта в роли подлежащего с названием второго актанта в роли первого дополнения и с названием ситуации в роли второго дополнения

Как следует из определений, все перечисленные классы глаголов конверсны друг другу, т.е. представляют разные мены диатезы исходного глагола. Ср *Правительство наложило [OPER₁] запрет на оппозиционную газету – Оппозиционная газета подверглась [OPER₂] запрету со стороны правительства – На оппозиционной газете лежал [FUNC₂] правительственный запрет – Правительство подвергло [LABOR₁₋₂] оппозиционную газету запрету*

Однако, создав принципиально новый теоретический и формальный аппарат, многократно расширивший и углубивший возможности исследования устойчивых словосочетаний, теория ЛФ на первых порах сохранила верность двум названным выше тезисам В [Мельчук 1974] и [Mel'čuk et al 1999] ЛФ семейства OPER-FUNC считаются "семантически пустыми" [Мельчук 1974 93 Mel'čuk et al 1999 77] и фразеологически связанными" [Мельчук 1974 79, Mel'čuk 1992 31], так что выбор того или иного глагола как значения данной ЛФ от данной лексемы предстает как семантически немотивированный

К пониманию ЛФ-глаголов как "семантически пустых" подталкивала сама возможность синонимичного преобразования вида $X = \text{OPER}_1(\text{S0}(X)) + \text{S0}(X)$, $X = \text{LABOR}_1(\text{S0}(X)) + \text{S0}(X)$, $X = \text{FUNC}_1(\text{S0}(X)) + \text{S0}(X)$ Ср., помимо приведенных выше, следующий более полный куст перифраз, включающий и предложение с исходным глаголом *Монополии контролируют цены – Монополии осуществляют контроль цен – Цены находятся под контролем монополий – Монополии держат цены под контролем* Действительно, коль скоро *контролировать, осуществлять контроль, держать под контролем, находится под контролем* и т.п. имеют одно и то же денотативное значение (называют одну и ту же ситуацию), естественно заключить, что ЛФ-глаголы *осуществлять, находиться и держать* не вносят в исходное предложение с глаголом *контролировать* никакого нового смысла, т.е. являются семантически "пустыми", и служат только для "оглаголивания" соответствующего существительного

Столь же естественно напрашивался и вывод о фразеологической связанности ЛФ-глаголов, или, что то же самое, о семантической немотивированности выбора глагола на роль той или иной ЛФ. На первый взгляд кажется необъяснимым, почему, например, можно *производить осмотр*, но не *контроль* и *находиться под контролем*, но не *под осмотром*

Впоследствии в ряде исследований по ЛФ, выполненных в том числе и самим И.М. Мельчуком, оба тезиса были смягчены и уточнены, см., например [Mel'čuk 1984 9, Heid, Raab 1989 132–133; Падучева 1991, Mel'čuk 1992 31–32; Апресян В 1992: 151–152, Hartenstein 1992 20, Ройтер 1994, Mel'čuk, Wanner 1996 209, Reuther 1996, 2003, Popović 2003]

При этом тезис о "семантической пустоте" ЛФ-глаголов, главным образом глаголов OPER_1 , уточнялся в том смысле, что OPER_1 пуст в контексте своего ключевого слова, т.е. дублирует часть его значения (И.А. Мельчук), или выражает только "категориальное", или "таксономическое" значение соответствующего существительного (К. Хартенштейн, Т. Ройтер). В [Mel'čuk 1992 55] к этому общему утверждению были добавлены еще два важных замечания. Во-первых, было отмечено, что некоторые глаголы полностью сохраняют свое лексическое значение даже в роли ЛФ. Таковы, например, глаголы *éprouver* 'испытывать' в роли OPER_1 от существительных (*un*) *besoin* 'нужда' и (*de la*) *tendresse* 'нежность' и *faire* 'делать' в роли OPER_1 от существительных (*une*) *action* 'действие' и (*un*) *mouvement* 'движение'³. Во-вторых, если данная ЛФ от данного аргумента выражается двумя или более глаголами, они вовсе не обязательно будут в точности синонимичны, так обстоит дело, например, с *être en (colère)* 'быть в гневе' (общее состояние и/или эмоция) и *éprouver (de la colère)* 'испытывать гнев' (только эмоция)

Аналогичные примеры давали основание и для ревизии второго тезиса – о фразеологической связанности ЛФ-глаголов, или, что то же самое, о семантической немотивированности выбора глагола на роль данной ЛФ. Здесь уместно процитировать одно рассуждение из [Mel'čuk, Wanner 1996 209]. Отметив, что значения ЛФ, по определению, произвольны, т.е. не могут быть полностью предсказаны на основании значения или грамматических свойств ключевого слова, авторы далее пишут: "Однако эта произвольность не исключает частичной мотивированности. Так, значения ЛФ могут коррелировать с семантическим классом ее ключевого слова. Например, во французском языке большинство существительных, обозначающих чувства-отношения, сочетаются с *éprouver* 'испытывать' (*éprouver un profond respect / mépris* 'испытывать глубокое уважение / презрение', *éprouver de la compassion* 'испытывать сострадание' и т.п.). Аналогичным образом немецкие лексемы со значением чувства-отношения *ACHTUNG* 'уважение', *HASS* 'ненависть', *MITLEID* 'сострадание' сочетаются с *entgegenbringen* 'проявлять' и *aufkommen* 'возникать, зародиться'. В англ-

³ И.А. Мельчук подчеркивает, что даже в этом случае оба глагола лишь дублируют часть значения ключевого существительного

лийском языке [to] *issue* сочетается не только с REPORT но и с STATEMENT, COMMENT, ORDER и т д ⁴.

Позднее похожие идеи развивались в обстоятельной работе [Reuther 1996] В ней на материале трех ЛФ-глаголов русского языка в роли OPER1 – *вести, проводить и производить* – даются весьма полные списки возможных при них существительных-аргументов, составленные по [Дерибас 1983] и [Мельчук, Жолковский 1984] Детальный анализ этого материала приводит Т Ройтера к следующим более общим выводам а) глаголы класса OPER1 должны снабжаться в словаре собственным толкованием, б) лексикографическое толкование ЛФ-глагола складывается из трех частей одной общей, или таксономической (например, *делать*'), и двух специфичных, в) первая из двух специфичных частей содержит смысловой компонент, связывающий ЛФ-значение данного глагола с другими его значениями а вторая – семантическую характеристику существительных которые могут быть аргументами данной ЛФ [Reuther 1996 198–199]

С начала 90-х гг я тоже стал заниматься проблемой семантической непустоты и мотивированности глагольных ЛФ семейства OPER–FUNC–LABOR, на первых порах – в рамках системы компьютерных лексических игр на основе аппарата ЛФ⁵ При адаптации этого аппарата для игр была сделана попытка отразить в определении ЛФ семейства OPER–FUNC–LABOR их семантическую непустоту, ср, например, следующее определение ЛФ OPER1 (X – предикат, являющийся аргументом функции, P1 – его первый актанта) 'Делать X, иметь X или быть в состоянии X (глагол поддержки, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X – функцию главного дополнения) ⁶.

По замыслу, смысловые компоненты 'делать', 'иметь' и 'быть в состоянии' должны связывать лексическое значение глагола OPER1 с классом предикатов, к которому принадлежит аргумент функции, т е со смыслами 'действие', 'свойство' и 'состояние' соответственно. Тем самым определения ЛФ семейства OPER–FUNC–LABOR были введены в контекст фундаментальной классификации предикатов, называемой также классификацией Маслова–Вендлера, таксономической, онтологической и рядом других терминов

---

⁴ Проницательные мысли на этот счет можно найти и в предшествующей литературе вопроса Ср следующее рассуждение С И Ожегова 'Многочисленные глаголы широкого семантического объема [к их числу С И Ожегов относит *вести дать делать держать, иметь навредить, наносить нести оказать отдать, подать приносить принять проводить* и т п – прим автора] в процессе расширения возможностей сочетаемости утрачивают реально-вещественное содержание и начинают выполнять функции, приближающиеся к функциям вспомогательного глагола Но и в этих случаях каждый из таких глаголов сочетается только с определенными разрядами существительных, завися в отношении сочетаемости от былого вещественного значения глагола Многие из них становятся синонимичны друг другу, различаясь лишь иногда по степени выветривания вещественного значения" [Ожегов 1957 44] Аналогичную трактовку этого материала мы находим и в толковых словарях включая диалектные и исторические см помимо словарей современного русского языка [Словарь XI–XVII], [Словарь XVIII] и [АОС] В частности все без исключения толковые словари выделяют у глаголов широкой семантики значения типа 'производить какое-л действие в соответствии (разрядка моя – Ю А) со значением существительного'

⁵ Первая версия системы была разработана в Лаборатории компьютерной лингвистики ИППИ РАН в 1991–1993 гг В настоящее время лингвистическое обеспечение системы состоит из написанных автором толково комбинаторных словарей русского и английского языков объемом до 3000 входов каждый и списков ЛФ для обоих языков каждый список включает свыше ста ЛФ с определениями и примерами, число которых может достигать до нескольких сотен в случае ЛФ 'первого плана', таких, как MAGN или OPER1

⁶ Эта система определений была частично опубликована только девять лет спустя в [Апресян, Цинман 2002 110–112]

Представление о том, что новое знание в области ЛФ (как, впрочем, и в других областях теоретической лингвистики) может быть получено на основе фундаментальной классификации предикатов, окрепло в ходе работы над НОСС'ом и нашло в ней отражение, см понятия "действие", "деятельность", "процесс", "пространственное положение", "состояние", "свойство", "ситуация" и другие подобные в [Апресян 1997 XIX, XXIX, XXX, XXXI] и последующих выпусках и изданиях этого словаря. Первые результаты, явно связывающие лексическое значение ЛФ семейства OPER-FUNC с разрядами фундаментальной классификации предикатов, были изложены в работах [Апресян 2003] и [Апресян 2004]. Они существенно используются в дальнейшем, в связи с чем возникает необходимость хотя бы коротко представить нашу версию классификации. Она отличается от других вариантов фундаментальной классификации, в частности, от вариантов, предложенных в [Булыгина 1982] и [Падучева 1996, 2004], и концептуально, и терминологически, хотя во многих точках существенно пересекается с ними.

2 КОРотКО О ФУндаМЕНТАЛЬНОЙ КЛассИФИКАЦИИ ПРЕДИКАТОВ⁷

2.1. Определение фундаментальной классификации

Фундаментальной я называю такую классификацию предикатов, через понятия которой формулируются разного рода лингвистические правила и закономерности – морфологические, словообразовательные, синтаксические, коммуникативно-просодические, сочетаемостные, семантические и другие. Ниже это определение иллюстрируется на примере главной семантической оппозиции классов – оппозиции действий и состояний.

Морфология У действий в большинстве случаев есть чистовидовые корреляты в форме СОВ (ср *одеваться – одеться*), а у состояний их нет, ср семантические наращенные (обычно начинательные) в парах *видеть – увидеть, знать – узнать, считать – считать, хотеть – захотеть, радоваться – обрадоваться*. О связи семантического класса глагола с другими грамматическими категориями – залогом и наклоном – см [Апресян 2004].

Словообразование Для действий весьма характерны актантные производные со значением первого актанта, ср *гребец, жнец, косарь, писатель, помощник строитель, ткач, учитель* и т.п., от состояний такие производные образуются лишь эпизодически и обычно с определенным семантическим наращением, ср *завистник* ≈ 'человек, который с к л о н е н завидовать', *ревнивец* ≈ 'человек, который с к л о н е н ревновать', *знаток (X-a)* = 'человек, который х о р о ш о знает X'.

Синтаксис Для действий характерны многоактантные модели управления, ср *командировать (кто, кого откуда, куда, с какой целью, на какой срок)* или *приблизить (кто, что, к чему чем (молотком), чем (звездами))*. Модели управления большинства состояний обычно двухактантны, ср *видеть (кто, кого/что)*, *считать (кто, что)*, *обижаться (кто на кого/на что)*, *радоваться (кто кому/чему)*.

Семантика Действия имплицитно определяют цель, поэтому для них характерны целевые дополнения и обстоятельства, невозможные или по крайней мере необычные для состояний, ср *Он учил языки, чтобы поступить на дипломатическую службу*, но не **Он знал языки, чтобы поступить на дипломатическую службу*. Действия, особенно трудноосуществимые или требующие специальных умений и навыков, сочетаются с потенциальным значением НЕСОВ, ср *Он бегаёт стометровку за 10 секунд <читает клинопись играет на органе>*. Для состояний это нехарактерно или невоз-

⁷ Этому вопросу автор надеется посвятить отдельную работу, здесь сообщаются лишь те сведения о фундаментальной классификации предикатов, без которых понимание данного текста невозможно.

можно Действия сочетаются с профетическим (настоящим предстоящим) значением НЕСОВ, потому что предполагают планирование со стороны агенса, а для состояний, ввиду отсутствия у них такого агента, это невозможно Ср *Завтра он едет в Париж <играет Листа, завершает работу над статьей>* при невозможности **Завтра он знает, когда придет его жена*

2.2. Предмет классификации

2.2.1 Классифицируются в первую очередь глаголы, потому что любой класс предикатов обычно представлен каким-то количеством глаголов Так, типичные имена свойств – прилагательные (*красный низкий, умный, смелый волевой*), но существуют и глаголы, называющие свойства, ср *виться* (о волосах), *заикаться картавить, хромать* Типичные имена параметров, количественных и качественных, – существительные (*высота, длина вкус карьера, нация профессия форма, цвет*), но существуют и глаголы с параметрическим значением, ср *весить, длиться насчитывать стоить вести себя (хорошо, плохо), обращаться с кем-л (плохо), относиться к кому л (хорошо)* и т п

2.2.2 Классифицируются лексические, а не грамматические значения Например отнесение какого-то глагола к классу событий не должно быть связано с формой СОВ Если глагол *X* – событие, он должен обозначать событие и в форме НЕСОВ Таковы, например, глаголы типа *встречать* (ненамеренное), *находить* (ненамеренное), *происходить*

2.3. Основания классификации

Определения классов строятся на строго семантических основаниях Следует различать семантические определения классов и наборы свойств каждого класса, не обязательно семантические, хотя и мотивированные в значительной мере именно их семантическими свойствами, см примеры в разделе 2.1

В основу классификации положены системообразующие смыслы, т е смыслы, которые входят в состав языковых единиц разной природы (полнозначных и служебных слов, грамем, синтаксических конструкций) и служат для формулировки лингвистических правил и закономерностей

В число системообразующих смыслов входят (а) семантические примитивы, ср 'делать', 'хотеть', 'считать', 'существовать', 'мочь', 'время', 'условие', 'причина', 'не' и т.п., (б) некоторые более сложные смыслы, важнейший для нас – 'цель' Толкование. *P* – *цель действий R X-a* = '(i) человек *X* хочет чтобы существовала ситуация *P*, и (ii) считает, что *P* может начать существовать, если он будет делать *R*, (iii) по причине (i) и (ii) *X* готов делать или делает *R*'⁸ (в) некоторые семантические кварки, т е смыслы, более простые, чем примитивы и поэтому не вербализуемые ни одной реально существующей лексемой данного языка, ср смысл стативности, представленный лексемами *знать считать хотеть, желать, ревновать бояться, нуждаться* и т п

Кроме этих трех типов системообразующих смыслов в определениях некоторых классов используются понятия наблюдателя и раунда наблюдения, а также понятие ассертивной части толкования, вершины ассерции и ступени семантической редукции

2.4. Стрoение классификации и принцип упорядочения классов

Классификация представляет собою нестрогую многоуровневую иерархию с многочисленными пересечениями классов Классы упорядочиваются на основе принци-

⁸ В основу этого толкования положено определение И Б Левонтиной *X* – *цель Y a* = человек *Y* хочет чтобы имела место ситуация *X* считает что действия *Z*, которые он может совершить будут причиной ее возникновения и готов совершить или совершает эти действия (рукопись)

па изоморфизма макро- и микромира языка иерархическая структура значений всей глагольной лексики повторяет, в самых общих чертах, структуру значений многозначного глагола.

Типичные структуры полисемии для сильно многозначных глаголов могут включать следующие звенья: действие ⇒ занятие ⇒ процесс ⇒ положение в пространстве ⇒ состояние ⇒ свойство ⇒ существование⁹, например *Дети выходят в сад* (действие) – *Солнце выходит из-за туч* (процесс) – *Окна выходят в сад* (положение в пространстве) – *Вышла неприятность* (существование), *входит в комнату* (действие), *входить в транс* (процесс), *входит в комиссию* (состояние), *входит в ведро* (параметр, а именно – вместимость ведра, ср *вместать*), *ходить за хлебом* (действие), *ходить по двору* (занятие), *Почва ходит под ногами* (процесс), *ходить без шапки* (состояние), *ходить в героях* (свойство)¹⁰ Эти примеры отражают универсальный процесс постепенного семантического выветривания глаголов. Снятие идеи агенса может превратить перемещение в процесс, ср. *Он сегодня уже приходил* – *Посмотри, он приходит в себя*. Если снимается идея динамики, из перемещений могут получиться положения в пространстве – так сказать, остановленные перемещения, ср. *Дети выходят в сад* VS *Окна выходят в сад*. Из процессов при тех же условиях получаются состояния – остановленные процессы, ср. *Снег покрывает поля* в динамическом и стативном значениях. Если снимаются идеи агенса, динамики и времени существования факта, получается значение свойства, ср. *Он с детства заикается <хромает>*¹¹

Классы предикатов внутри словаря упорядочиваются так же, как значения внутри многозначного слова

2.5. Ориентация классификации

Все предшествующие классификации имели аспектуальную ориентацию: они использовались для того, чтобы фиксировать связи определенного класса лексических значений глагола с категорией вида, особенно с видовыми значениями граммы НЕСОВ или их аналогами. Предлагаемая классификация нацелена на выявление закономерных связей между семантическим классом глаголов и всеми прочими свойствами входящих в него лексем. См. пункт 2.1 выше

2.6. Основные классы

Перечислим классы верхнего уровня действия (*писать, идти*), деятельности (*торговать воевать*), занятия (*играть гулять*), воздействия (*размывать, прогревать*), функции (*Пушка стреляет, Почки очищают организм от шлаков*), события (*встречать, происходить*), процессы (*расти, выздоравливать*), проявления (*блестеть, звенеть вонять горчить колотья*), положения в пространстве (*стоять, сидеть*), состояния (*знать, хотеть*), свойства (*заикаться, виться*), способности (*владеть шпагой, говорить по-русски*), параметры (*вместать, насчитывать*), существования (*бывать, водиться*), отношения (*включать 2, равняться*), интерпретации (*ошибаться, подводить*) и еще некоторые. Для каждого класса подбиралось наиболее естественное название, т.е. такое слово или словосочетание русского языка, толкование ко-

⁹ Последние звенья этой структуры могут включать полувспомогательные и грамматика лизованные значения

¹⁰ Аналогичные примеры в рамках другой понятийной системы разбирались в работах Е.В. Падучевой и ее последователей, см., например [Падучева 2004: 31 и сл.], [Розина 2004: 14 и сл.]

¹¹ Любопытно, что развитие в обратном направлении тоже возможно, но гораздо менее вероятно. Ср. значение перемещения у стативного глагола *быть* (*Врач будет завтра, устар. Вы завтра к нам будете?*) и значение 'казаться неподвижным при полете' у глагола положения в пространстве *висеть* (*В синеве неба неподвижно висел жаворонок* (Чехов, МАС))

того в основном значении, если оно не является примитивом, может считаться определением соответствующего класса.

Ниже мне понадобятся пять классов предикатов: действия, деятельности, процессы, состояния и свойства. Состояния и свойства считаются неопределяемыми понятиями и задаются только совокупностями своих языковых проявлений. Что касается первых трех понятий, то они будут коротко определены применительно к глаголам; очевидно, что с соответствующими поправками определения могут быть экстраполированы и на неактантные отглагольные существительные (т.е. ЛФ S0).

Действие – глагол, у которого в вершине ассертивной части толкования на последней ступени семантической редукции обнаруживается семантический примитив 'делать', причем время существования ситуации, называемой этим глаголом, укладывается в один раунд наблюдения.

Деятельность – глагол, обозначающий совокупность разнородных и разновременных действий, имеющих одну конечную цель, причем время существования ситуации, называемой данным глаголом, растягивается на несколько раундов наблюдения.

Процесс – глагол, обозначающий самопроизвольное изменение объекта, т.е. изменение, протекающее без вмешательства чьей-либо воли. В вершине ассертивной части толкования такого глагола на какой-то ступени семантической редукции обнаруживаются компоненты 'перемещается' (*дует, льется, падает, сыплется, течет*), 'становится' (*выздоровливает, заболевает, растет, сокращается*) или 'перестает' (*горит* ≈ 'уничтожается под воздействием высокой температуры...' ≈ 'перестает существовать...') и ряд других.

3. О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТИ И МОТИВИРОВАННОСТИ ЛФ OPER1 И OPER2

Мы будем исходить из того, что любой глагол семейства OPER–FUNC–LABOR имеет собственное лексическое значение, дублирующее родовую часть значения слова-аргумента, и что поэтому выбор значения ЛФ – с точностью до класса предикатов – семантически мотивирован, хотя и не вполне свободен. Степень семантической мотивированности в большинстве случаев достаточна для формирования определенных лексикографических ожиданий, но недостаточна для выработки стопроцентно верных прогнозов и, следовательно, для формулировки правил¹².

Иллюстрировать этот тезис, ввиду ограниченности места, мы будем только на материале ЛФ OPER1 и OPER2, притом с упором на второе из упомянутых свойств, т.е. на их семантическую мотивированность.

Выбор именно этих двух ЛФ для подробного рассмотрения объясняется тем, что их синтаксическая и семантическая оппозиция является системообразующей для русского языка.

Во-первых, она реализует основное для всей системы русского языка залоговое противопоставление, а именно, противопоставление актива и пассива. Кроме соответствующих грамматических форм оно представлено производными актантными существительными типа *учитель – ученик, врач – пациент*, производными актантными прилагательными типа *любящий – любимый, замужем – женат*, парами значений многозначных слов типа *знакомый (с кем-л.) – знакомый (кому-л.), радостный 1 (человек) – радостный 2 (факт)* и, наконец, чисто лексическими средствами, например, неактантными отглагольными существительными типа *победа (X-а над Y-ом) – поражение (Y-а от X-а), выигрыш (X-а у Y-а) – проигрыш (Y-а X-у)*.

¹² В этом отношении связи между ЛФ-глаголом и его аргументом не отличаются от связей между исходным и производным словами внутри большинства словообразовательных типов русского языка и большинства связей между значениями слова в случае регулярной многозначности: они регулярны и семантически мотивированы, но непродуктивны.

Во-вторых, активу и пассиву соответствуют разные разряды фундаментальной семантической классификации предикатов.

Выбор конкретного глагола на роль OPER1 или OPER2 имеет двойную семантическую мотивацию, или мотивацию на двух уровнях. Прежде всего, он мотивирован принадлежностью самого ЛФ-глагола и его аргумента к одному из классов "верхнего" уровня фундаментальной классификации предикатов. Кроме того, он мотивирован принадлежностью существительного к достаточно узкому семантическому подклассу внутри этого класса предикатов. В обоих случаях выбор регулируется общими правилами семантического согласования. Перейдем к материалу.

3.1. OPER1¹³

3.1.1. Действия. OPER1 от действий – это лексемы, значение которых либо включает в свой состав семантический примитив 'делать' в качестве *genus proximum*, либо по крайней мере содержит семантический кварк акциональности. Ср. наиболее типичные значения OPER1 от действий – *брать (штраф)*, *бросать (вызов)*, *вносить (предложение)*, *говорить (комплименты)*, *давать (совет)*, *делать (шаг)*, *наводить (критику)*, *наносить (удар)*, *оказывать (влияние)*, *отдавать (приказ)*, *подавать (совет)*, *предпринимать (действия)*, *предъявлять (требование)*, *принимать (решение)*, *приносить (извинения)*, *проводить (сравнение)*, *производить (обстрел)*, *совершать (посадку)*, *устраивать (прием)*, *читать (наставления)*.

Как было сказано выше, семантическую мотивированность выбора глагола на роль ЛФ OPER1 можно проследить и на гораздо более глубоком уровне. Я рассмотрю с этой точки зрения следующие акциональные OPER-ы: *давать*, *делать*, *оказывать*, *производить* и *совершать*.

3.1.1.1. *Давать* особенно охотно сочетается с двумя семантическими классами акциональных существительных: а) некоторыми речевыми актами, ср. *давать гарантию, зарок, инструкцию, клятву, команду, комментарий, консультацию, обещание, объяснение, ответ, отвод, позволение, приказ, присягу, разрешение, разъяснение, распоряжение, рекомендацию, совет, согласие, указание*; б) названиями сигналов, ср. *давать гудок, знак, отбой, отправление, сигнал*.

3.1.1.2. *Делать* предпочитается со следующими семантическими классами акциональных существительных: а) одноактными, часто моментальными действиями, ср. *делать бросок, вдох, взнос, впрыскивание, вставку, выбор, выдох, выпад, выстрел, движение, зарубку, засечку, круг, надпись, надрез, остановку, ошибку, перенос, переворот, поворот, прививку, приписку, прокол, прыжок, разрез, рыбок, скидку, снимок, трюк, ударение, укол, ход, шаг*; сюда же относятся ментальные акты *делать вывод, допущение, заключение* и конативные акты *делать попытку, усилие*; б) некоторыми речевыми актами, ср. *делать выговор, доклад, замечание, заявление, комплимент, объявление, предложение, предупреждение, признание*.

3.1.1.3. Глагол *оказывать* предпочитается с двумя классами акциональных субстантивов: а) интерпретационными существительными; ср. *оказывать благодетельство, поддержку, покровительство, помощь, противодействие, содействие, сопротивление кому-л., оказывать влияние, воздействие, давление, нажим на кого-л.*; б) существительными со значением воздействий, ср. *Газ оказывает большое давление на стенки сосуда, Лекарство оказывает действие через пять-десять минут после приема* и тому подобные примеры, см. выше.

3.1.1.4. *Производить*, ближайший синоним *делать*, заменимый на него во многих контекстах, предпочитается ему в контексте акциональных существительных со значением изменения существующего или ранее установленного положения вещей. Во многих случаях такие существительные имеют в своем составе префикс *пере-*,

¹³ В этот раздел включен, с существенными дополнениями, материал из [Апресян 2004: 30–32].

одним из значений которого является как раз значение изменения. Тем самым семантическое согласование глагола и существительного становится весьма глубоким: *производить переадресовку, переаттестацию, перевооружение, переворот, перегруппировку, передислокацию, переизбрание, переключение, перемотку, переоборудование, переоценку, перепечатку, перепланировку, переработку, перерасчет, перерегистрацию, пересмотр, перестановку, пересчет, перечет, переэкзаменовку.*

3.1.1.5. *Совершать* предпочитается другим OPER-ам в контексте следующих семантических классов акциональных существительных: а) существительных со значением отрицательно оцениваемых действий, ср. *совершать агрессию, адюльтер, грех, злодеяние, кражу, ограбление, ошибку, плагиат, подлог, потраву, преступление, предательство, преступление, промах, проступок, убийство*; ср. редкое исключение – *совершать подвиг*; б) существительных со значением перемещений на значительные расстояния, ср. *совершать выток вокруг земли, полный кругооборот, круиз, марш через всю Европу, обход, объезд, паломничество, перелет, кругосветное плавание, поездку по стране, путешествие, челночные рейсы, турне, хадж, экскурсию*; в) существительных со значением обрядовых и ритуальных действий, ср. *совершать богослужение, обрезание, обряд, омовение, ритуал, службу, туалет, церемонию*. Во всех случаях употребления *совершать* речь идет о крупномасштабных событиях.

3.1.2. Деятельности. OPER1 от деятельностей обычно выражается глаголом *вести*¹⁴; ср. *вести агитацию, беседу, бизнес, борьбу, войну, дебаты, боевые действия, дела, предвыборную деятельность, жизнь, записи, двойную игру, кампанию, дозиметрический контроль, летопись, тайное наблюдение, осаду, переговоры, переписку, перестрелку, подкоп, поиски, полемику, прием посетителей, пропаганду, судебный процесс, саперные работы, разведку, расследование, репортаж, счета, торговлю, учет, хозяйство, хронику текущих событий*. Деятельности – это сложные предикаты, складывающиеся из многих неоднородных и разновременных действий, имеющих одну конечную цель, и этой семантике идеально соответствует глагол *вести*, который в своем первом значении создает образ сложного пути к цели.

3.1.3. Процессы. Процессы, как мы помним, это глаголы, обозначающие самопроизвольное изменение объекта, т.е. изменение, протекающее без вмешательства чьей-либо воли. Первым актантом таких глаголов является пациенс – сущность, у которой в ходе развития данной ситуации меняются положение, состояние или свойства. Поэтому OPER1 от процессов должен выражаться глаголами с пассивным значением. Все глаголы, используемые в роли OPER1 от процессов, отвечают этому условию.

3.1.3.1. Наиболее употребительным из них является глагол *подвергаться*, толкуемый в МАС'е следующим образом: 'стать о б ъ е к т о м какого-л. действия, и с п ы т а т ь на себе действие чего-л.' (разрядка моя. – Ю.А.). Имеется и дополнительная семантическая мотивация для выбора *подвергаться* на роль OPER1 от процессов. Он предпочитается с существительными, обозначающими: а) собственно изменение, ср. *подвергаться изменениям, качке, колебаниям, метаморфозе, мутации, ротацизму, умялуту*; б) разрушение, ср. *подвергаться выветриванию, корразии, коррозии, обесценению, облучению, омертвлению, разрушениям, разрыву, разъеданию, распаду, сжатию, старению, усадке (о тканях), эрозии*.

3.1.3.2. Другой глагол, часто выполняющий функцию OPER1 от процессов, – *претерпеть*. В его толкованиях в словарях современного русского языка совпадают следующие две детали: а) в качестве Genus proximum для *претерпеть* используется исключительно глагол *подвергнуться*, первый актант которого выполняет семантическую роль пациенса; б) в четырех толкованиях из пяти используется компонент

¹⁴ Обратное утверждение было бы неверно: глагол *вести* в качестве OPER1 сочетается, помимо деятельностей, с некоторыми действиями, ср. *вести разговор, спор; вести стрельбу, обстрел*.

'изменение'. Этот смысл и является дополнительным семантическим основанием для выбора глагола *претерпеть* на роль OPER1 от процессов: он сочетается преимущественно с существительными, обозначающими собственно изменение. Ср. *претерпеть изменения, деформацию, метаморфозу, превращение, трансформацию*.

3.1.4. Состояния. Два наиболее употребительных глагола, выступающих в роли OPER1 от состояний, – *испытывать* и *питать*.

3.1.4.1. *Испытывать* значит, по МАСу, "пребывать, находиться в каком-либо душевном, физическом и т.д. состоянии". В силу этого определения данный глагол оказывается идеально семантически согласованным с идеей состояния. Ср. *испытывать боль, голод, жажду, зуд, колотье, мучения, покалывание в боку* (пассивные физиологические состояния); *испытывать влечение, вождление, желание, похоть* [активные физиологические (плотские) состояния]; *испытывать лишения, нехватку, крайнюю нужду* (материальные состояния); *испытывать колебания, сомнения* (ментальные состояния); *испытывать гнев, гордость, зависть, ревность, страх, стыд, ужас* (эмоциональные состояния). Корреляция между *испытывать* в качестве OPER1 и стативными существительными настолько велика, что приобретает прогностическую силу: если существительное сочетается с *испытывать* в указанном значении, оно почти всегда будет обозначать какое-то состояние.

3.1.4.2. Очень близким синонимом *испытывать* в этом значении является глагол *питать*, который толкуется в МАС'е следующим образом: "В сочетании с некоторыми существительными обозначает: испытывать, ощущать то, что выражено существительным", с примерами *питать доверие, питать надежду, питать страх* и т.п. Выбор *питать* на роль OPER1 семантически тоже хорошо мотивирован – будучи синонимом *испытывать*, он сочетается почти исключительно с именами состояний.

Однако *питать* – неточный синоним *испытывать*, причем сочетаемостные различия между этими двумя глаголами допускают вполне четкое семантическое объяснение на "втором уровне" мотивации.

Во-первых, *питать*, в отличие от *испытывать*, сочетается исключительно с именами внутренних ментальных или эмоциональных состояний человека; нельзя, например **питать боль, голод, жажду, зуд, колотье, мучения, покалывание в боку*; **питать вождление, похоть*; *питать лишения, нехватку, крайнюю нужду*.

Во-вторых, *питать* сочетается преимущественно с именами так называемых чувств-отношений, т.е. слов типа *доверие, любовь, ненависть, уважение* и т.п., описывающих эмоциональное или ментальное отношение субъекта к какому-то другому человеку, предмету или явлению. Корреляция между *питать* в роли OPER1 и этим классом существительных настолько велика, что БАС толкует соответствующее значение глагола в составе синтаксической конструкции *питать что-л. к кому-чему-л.*, характерной именно для чувств-отношений. Ср. *питать антипатию, злобу, ненависть, неприязнь, отвращение, презрение к кому-чему-л., питать предубеждение против кого-л.; питать доверие, интерес, любовь, привязанность, (особое) пристрастие, расположение, симпатию, слабость, сочувствие, уважение, (нежные) чувства к кому-чему-л.*

Из чувств-состояний с *питать* относительно легко сочетаются только *иллюзии* и *надежды*; приводимое во всех толковых словарях русского языка сочетание *питать страх*, по-видимому, выходит из употребления.

3.1.5. Свойства. Наконец, OPER1 от имен свойств в подавляющем большинстве случаев выражается глаголом *иметь* (ср. *иметь влияние, иметь мужество*) и, более интересно, глаголом *пользоваться* 2: *пользоваться авторитетом, влиянием, известностью, популярностью, престижем, признанием, хорошей репутацией, доброй славой*. В словарях это значение *пользоваться* толкуется через глагол *иметь*, причем почти всегда возможна замена более идиоматичного, но менее употребительного *пользоваться* на *иметь*.

Тяготение *иметь* к сочетаемости с названиями свойств можно проследить еще на одном любопытном примере – заграничных "вхруст" в справочниках по культуре ре-

чи неправильных выражениях *играть значение и *иметь роль. Они являются результатом контаминации правильных выражений *иметь значение* и *играть роль*. Понятно, почему происходит такая контаминация. Существительные *значение* и *роль* обозначают некие качественные параметры, характеризующие масштаб явления (*большое <огромное, ничтожное> значение, большая <огромная, ничтожная> роль*), и вследствие этой семантической близости легко меняются своими OPER-ами. Понятно и то, как объяснить корень ошибки и указать мотивированный путь ее преодоления. Хотя оба существительных суть имена параметров, первое из них представляет параметр как свойство (ср. близкое слово *важность*), а второе – как некую активность. Из простого правила семантического согласования следует естественность выбора статичного глагола *иметь* как OPER-а при имени свойства *значение* и акционального глагола *играть* в той же функции при "активном" аргументе *роль*.

3.2. OPER2

Из определения OPER2 следует, что эта ЛФ должна быть присуща прежде всего существительным, производным от транзитивных глаголов действия типа *атаковать, контролировать* и т.п., и их аналогам типа *нападать на кого-л., управлять чем-л.* и т.п. Если исходный транзитивный глагол или его аналог обозначает действие, то второй актанта такого глагола выполняет семантическую роль пациенса, т.е. сущности, которая в ходе выполнения действия меняет свое положение, состояние или свойства. Это как раз та семантическая роль, которую играет первый актанта процессов. Значит, функцию OPER2 от действий должен выполнять глагол, являющийся значением OPER1 от процессов. Действительно, наиболее частым значением OPER2 от имен действий является уже знакомый нам неакциональный глагол *подвергаться*, за которым идут, в порядке убывания частотности, *находиться <быть> (под), получать и испытывать*.

3.2.1. *Подвергаться* в качестве значения ЛФ OPER2 стоит вне конкуренции, причем его выбор на эту роль семантически настолько хорошо мотивирован, что тоже допускает возможность прогнозирования. Основных классов производных существительных, выступающих в качестве ключевых слов при OPER2 = *подвергаться*, – три: это имена действий, воздействий и деятельности. Заслуживает упоминания и следующая более глубокая семантическая мотивация выбора *подвергаться* на роль OPER2: этот глагол сочетается преимущественно с именами "агрессивных" действий и деятельности. Ср. *подвергаться агрессии, анализу, аресту, атаке, бойкоту, бомбардировке, взысканию, висекции, влиянию, воздействию, гипнозу, гонениям, давлению, действию, допросу, изучению, импичменту, инспекции, испытанию, исследованию, контролю, (холодному) копчению, критике, мучениям, наказанию, налету, налогообложению, нападению, нападкам, обвинению, обработке, обследованию, обстрелу, обсуждению, ограблению, операции, оскорблению, осмеянию, осмотру, остракизму, осуждению, очистке, перегонке, переоценке, переработке, пересадке, пересмотру, порицанию, порке, преследованиям, проверке, пытке, разграблению, разрушению, рассмотрению, суду, табу, травле, цензуре, чистке, штрафу, экзамену, экспертизе, эксплуатации*.

В ряде словосочетаний *подвергаться* синонимичен глаголу *испытывать*, тоже имеющему пассивное значение; ср. *испытывать влияние, воздействие, давление, действие*. Неудивительно поэтому, что он используется не только в роли OPER2 от акциональных существительных, но и в роли OPER1 от стативных существительных (см. пункт 3.1.4.1 выше). Таким образом, имеет место семантически мотивированный параллелизм между *подвергаться* и *испытывать* в роли ЛФ OPER1 и OPER2.

3.2.2. *Находиться <быть> (под чем-л.)*. Следует обратить внимание на характерный для пассивного значения предлог *под*. Ср. *находиться <быть> под арестом, владычеством, властью, влиянием, воздействием (наркотиков), вопросом, давлением, епитимьей, запретом, защитой, контролем, наблюдением, надзором, обаянием,*

обстрелом, огнем, опекой, охраной, покровительством, присмотром, протекторатом, руководством, следствием, судом, управлением, юрисдикцией.

Если существительное имеет и акциональное, и результативное значение (ср. *арест*), то *подвергаться* = OPER2 от акционального значения (ср. *подвергаться аресту*), а *находиться под* = OPER2 от результативного и стативного значения (ср. *находиться под арестом*).

3.2.3. *Получать* обозначает пассивный акт в своем основном значении и сохраняет этот критический признак в роли OPER2. Ср. *получать взбучку, взыскание, взятку, вспомоществование, выговор, дотацию, компенсацию, консультацию, нагоняй, награду, одобрение, ответ, отзыв, повреждение, поддержку, помощь, признание, субсидию, удар.*

3.3. Казус двух равно активных участников

Существует немало предикатов, обозначающих такие действия или деятельности, которые требуют двух активных участников. В таких случаях и OPER1, и OPER2, в полном соответствии с лексикографическими ожиданиями, выражаются акциональными глаголами. Посмотрим в этой связи на глаголы *интервьюировать* и *консультировать* и производные от них имена действия *интервью* и *консультация*. Эти две группы предикатов в известной мере обратно симметричны друг другу. В ситуации интервью первый участник задает вопросы, а второй на них отвечает; в ситуации консультирования, наоборот, второй участник задает вопросы, а первый на них отвечает. Для первой ситуации OPER1 (*интервью*) = *брать (интервью)*, а OPER2 (*интервью*) = *давать (интервью)*. Для второй ситуации, наоборот, OPER1 (*консультация*) = *давать (консультацию)*, а OPER2 (*консультация*) = *брать (консультацию)*. Произошла своеобразная рокировка глаголов в функции OPER-ов, но рокировка абсолютно закономерная и семантически мотивированная. Притом оба глагола, используемых в функции OPER-ов, акциональны.

Назовем еще три существительных, обозначающих ситуации с двумя активными участниками, у которых OPER1 и OPER2 представлены похожими акциональными глаголами: *взятка, уроки, экзамен*. OPER1 (*взятка*) = *давать*, OPER2 (*взятка*) = *брать*; OPER1 (*уроки*) = *давать*, OPER2 (*уроки*) = *брать*; OPER1 (*экзамен*) = *принимать*, OPER2 (*экзамен*) = *сдавать*. В тот же ряд входит и существительное *аренда*, от которого возможны ЛФ LABOR1–2 и LABOR3–2, представленные акциональными глаголами тех же семантических классов; ср. *брать что-л. в аренду (LABOR1–2)* и *сдавать что-л. в аренду (LABOR3–2)*.

По-видимому, агент и контрагент в рассмотренных ситуациях различаются по степени своей активности, однако эти различия не настолько значительны, чтобы критическим образом влиять на выбор ЛФ-глагола: все перечисленные глаголы относятся к классу действий.

3.4. Другие ЛФ семейства OPER–FUNC–LABOR

Указанные закономерности можно было бы проследить на материале других ЛФ-глаголов изучаемого семейства, однако это потребовало бы значительно большего времени и пространства: число достаточно хорошо представленных в языке исходных ЛФ семейства OPER–FUNC–LABOR не меньше шести (OPER1, OPER2, FUNC0, FUNC1, FUNC2, LABOR1–2), и для каждой из этих функций возможны композиции с ЛФ INCEP (начинать), FIN (прекращать), CAUS (каузировать) и LIQU (ликвидировать), так что их общее число достигает 30.

Не имея возможности обозреть все тридцать функций, я ограничусь лишь одной из них – ЛФ INCEP OPER1, причем на примере всего одного глагола – *впадать*.

Впадать в роли INCEP OPER1 сочетается с именами состояний, причем прослеживается вполне четкая корреляция между ним и глаголом *испытывать* в роли

OPER1. В качестве ключевых слов при *впадать* используются почти исключительно существительные со значением материальных, физиологических, ментальных и эмоциональных состояний. Ср. *впасть в апатию, беспамятство, беспокойство, (мистический) восторг, гнев, депрессию, дрему <дремоту>, ересь, заблуждение, забытье, задумчивость, замешательство, испугление, кому, крайность, летаргию, меланхолию, (крайнюю) нищету, нужду, отчаяние, оцепенение, (серьезную) ошибку, панику, (тихое) помешательство, противоречие, (слащавую) сентиментальность, слабость, сон, состояние (апатии и т.п.), столбняк, тоску, транс, уныние, хандру, экстаз, ярость*. Исключения составляют фраземы *впасть в грех, впасть в детство, впасть в лирику и впасть в немилость*.

Эта удивительная последовательность в поведении *впадать* подчеркивается тем обстоятельством, что нарушение указанного правила семантического согласования отчетливо ощущается как окказионализм, языковая игра или отклонение от нормы. Ср. *Николка впал в ошеломление* (М. Булгаков *Белая Гвардия*), *Я впал в мрачность от слов попа* (А. Грин *Золотая цепь*), *Он сразу впал в минорный тон* (В. Гиляревский. Москва и москвичи), *[Коля] впал в очередной припадок беззвучного хохота* (В. Конецкий. *Невезучий Альфонс*), *Ньютон впал в толкование Апокалипсиса* (А. и Б. Стругацкие *За миллион лет до конца света*), *Володя сам не пошел бы, но тут он впал в амбицию* (Ю. Трифонов. *В грибную осень*)

4. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как было показано выше, при рассмотренных ЛФ-глаголах возможны десятки слов-аргументов, которые образуют хорошо очерченные семантические классы и подклассы и создают надежные основания для определенных лексикографических ожиданий и даже прогнозов.

Обоими этими свойствами ЛФ-глаголы отличаются от похожих глаголов, входящих в состав так называемых фразеологических сочетаний (по В.В. Виноградову), или фразеологических серий (по Ш. Балли), т.е. словосочетаний типа *обдаться презрением, злобой; потупить взор, взгляд, глаза, голову, расквасить нос, лицо*. Во фразеологических сочетаниях используется очень небольшое число опорных существительных, причем эти существительные не допускают семантических обобщений, которые имели бы прогностический потенциал.

По указанной причине словосочетания с ЛФ-глаголами рассмотренного типа разумно считать последним, четвертым классом устойчивых словосочетаний на пути от абсолютно окаменевших идиом (фразеологических сращений по В.В. Виноградову) к свободным словосочетаниям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аничков 1997 – И.Е. Аничков *Идиоматика в ряду лингвистических наук // Труды по языкознанию / Сост. и отв. ред. В.П. Недялков. СПб., 1997*
- АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 2–11. М., 1982–2001
- Апресян В. 1992 – В.Ю. Апресян. "Природные процессы в сфере человека // Логический анализ языка. Модели действия М, 1992
- Апресян 1997 – Ю.Д. Апресян *Лингвистическая терминология Словаря // Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общ. руковод. акад. Ю.Д. Апресяна М, 1997.*
- Апресян 2003 – Ю.Д. Апресян *Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.С. Храковский. СПб., 2003.*
- Апресян 2004 – Ю.Д. Апресян *Акциональность и стативность как сокровенные смыслы: охота на оказывать // Сокровенные смыслы. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой / Гл. ред. Ю.Д. Апресян М, 2004.*

- Апресян, Цинман 2002 – Ю.Д. *Апресян*, Л.Л. *Цинман*. Формальная модель перифразирования предложений для систем переработки текстов на естественных языках // *Русский язык в научном освещении*. 2002 № 4.
- Булыгина 1982 – Т.В. *Булыгина* К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов* / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. М., 1982.
- Виноградов 1947 – В.В. *Виноградов* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Академик А.А. Шахматов. Труды комиссии по истории АН СССР. 3. М.; Л., 1947
- Гак 1965 – В.Г. *Гак*. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса // *Аналитические конструкции в языках различных типов* / Под ред. В.М. Жирмунского и О.П. Суника М.; Л., 1965
- Дерибас 1983 – В.М. *Дерибас* Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. Словарь-справочник. М., 1983.
- Дерягина 1987 – С.И. *Дерягина* Учебный словарь глагольно-именных словосочетаний русского языка (на материале общественно-политических текстов). М., 1987.
- Жолковский, Мельчук 1967 – А.К. *Жолковский*, И.А. *Мельчук* О семантическом синтезе // *Проблемы кибернетики* М., 1967. Вып. 19.
- Мельчук 1974 – И.А. *Мельчук* Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ↔ Текст". М., 1974.
- Мельчук 1995 – И.А. *Мельчук* Русский язык в модели "Смысл ↔ Текст". Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 39. Москва; Вена, 1995.
- Мельчук, Жолковский 1984 – И.А. *Мельчук*, А.К. *Жолковский* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14. Вена, 1984.
- Мельчук, Холодович 1970 – И.А. *Мельчук*, А.А. *Холодович* К теории грамматического залога // *Народы Азии и Африки*. М., 1970. № 4.
- Ожегов 1957 – С.И. *Ожегов* О структуре фразеологии // *Лексикографический сборник*. М., 1957. Вып. 2.
- Падучева 1991 – Е.В. *Падучева*. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // *НТИ*. Сер. 2. 1991 № 5.
- Падучева 1996 – Е.В. *Падучева*. Семантические исследования. Семантика вида и времени в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004 – Е.В. *Падучева* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Розина 2004 – Р.И. *Розина*. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. глагол. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2004.
- Ройтер 1994 – Т. *Ройтер* О перифрастических наименованиях речевой деятельности // *Логический анализ языка Язык речевых действий* / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Ряцева М., 1994.
- Словарь XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С.Г. Бархударов. Вып. 1–4 М., 1975–1977
- Словарь XVIII – Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Вып. 2–6 М., 1985–1991.
- Телия 1981 – В.Н. *Телия* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981
- Шмелев 2002 – Д.Н. *Шмелев* Сочетаемость слов в русском языке // Д.Н. Шмелев. Избранные работы по русскому языку М., 2002.
- Bally 1921 – Ch. *Bally* Traité de stylistique française Heidelberg, 1921
- Blochwitz 1980 – W. *Blochwitz* Zur Frage der semantischen Relationen zwischen Verb und verbaler Periphrase im Französischen in Konfrontation mit dem Deutschen. Berlin, 1980
- Fontenelle 1993 – T. *Fontenelle* Using a bilingual computerized dictionary to retrieve support verbs and combination information // *Acta linguistica Hungarica*. 1993 № 42.
- Giry-Schneider 1978 – J. *Giry-Schneider* Les nominalisations en français: l'opérateur FAIRE dans le lexique. Paris; Genève, 1978
- Giry-Schneider 1987 – J. *Giry-Schneider* Les prédicats nominaux en français: les phrases simples à verbe support. Genève, 1987.
- Gross 1981 – M. *Gross*. Les bases empiriques de la notion de prédicat sémantique // *Langages*. 1981 V. 63.
- Hartenstein 1992 – K. *Hartenstein*. Die Funktionsverbgefüge des modernen Russischen – Überlegungen zur Definition eines Wortverbindungstyps // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1992. Bd 30

- Heid, Raab 1989 – *U. Heid, S Raab* Collocations in multilingual generation // Proceedings of the 4th Conference of the European chapter of the Association for computational linguistics. Manchester, 1989.
- Mel'čuk 1984 – *I. Mel'čuk*. Un nouveau type de dictionnaire. Le dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain // I. Mel'čuk avec N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, A. Lessard. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexicosémantiques. I. Montréal, 1984.
- Mel'čuk 1992 – *I. Mel'čuk* Paraphrase et lexique: la théorie "Sens-Texte" et le Dictionnaire explicatif et combinatoire // I. Mel'čuk avec N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexicosémantiques. III. Montréal, 1992.
- Mel'čuk 1997 – *I. Mel'čuk*. Vers une linguistique "Sens-Texte". Paris, 1997.
- Mel'čuk et al. 1984 – *I. Mel'čuk avec N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, A. Lessard*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexicosémantiques. I. Montréal, 1984.
- Mel'čuk et al. 1988 – *I. Mel'čuk avec N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Dagenais, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, M.-N. Lefebvre, S. Mantha*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexicosémantiques. II. Montréal, 1988.
- Mel'čuk et al. 1992 – *I. Mel'čuk avec N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha* Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexicosémantiques. III. Montréal, 1992.
- Mel'čuk, Wanner 1996 – *I.A. Mel'čuk, L. Wanner*. Lexical functions and lexical inheritance for emotion lexemes in German // L. Wanner (ed.). Lexical functions in lexicography and natural language processing. Amsterdam; Philadelphia. 1996.
- Mel'čuk et al. 1999 – *I. Mel'čuk avec N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha, A. Polguère* Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexicosémantiques. IV. Montréal, 1999.
- Popović 2003 – *S. Popovic*. Métalangage de vulgarisation des liens de fonctions lexicales // S. Kahane, A. Nasr (eds.). Meaning-text theory. First International conference on Meaning-text theory / Première conférence internationale sur la théorie Sens-Texte. Paris, 2003.
- Reuther 1996 – *T. Reuther* On dictionary entries for support verbs: the case of Russian VESTI, PROVODIT' and PROIZVODIT' // L. Wanner (ed.). Lexical functions in lexicography and natural language processing. Amsterdam; Philadelphia, 1996.
- Reuther 2003 – *T. Reuther*. Support verb combinations with existential verbs (German and Russian) // S. Kahane, A. Nasr (eds.). Meaning-text theory. First International conference on Meaning-Text theory. Paris, 2003.
- Vives 1983 – *R. Vives*. Avoir, prendre, faire. Constructions à verbes supports et extensions aspectuelles. Paris, 1983.

© 2004 г. Ю. КАНЕКО, Е.В. ПЕТРУХИНА

АСПЕКТУАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА В ГЛАГОЛЬНЫХ СИСТЕМАХ РУССКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАГМЕНТОВ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА)**1. ВВЕДЕНИЕ**

В статье на основе сопоставления аспектуальных систем русского и японского языков анализируется взаимосвязь между аспектуальной семантикой глаголов (глагольных форм) и особенностями представления действий, процессов и состояний в русской и японской языковых картинах мира (ЯКМ).

Мы исходим из того, что система устойчивых представлений о мире, общих для данного этноса, отражается в семантической структуре и сочетаемости не только лексических, но и грамматических языковых единиц [Etnolinguistics 1979; Кубрякова 1988; Петрухина 1994; Language 1995; Вежицкая 1996]. Различия между языками в системах обязательных или частотных типовых смыслов – это проявление своего рода языковой относительности в сфере грамматики. При этом считаем важным подчеркнуть, что известная теория языковой относительности Сэпира – Уорфа с главным тезисом Б. Уорфа о лингвистической относительности общих представлений о мире, зависящих от национального языка, в современном языкознании формулируется не столь максималистски: языковые знания могут быть как универсальными, так и неуниверсальными, но универсальны сами когнитивные механизмы использования этих знаний при восприятии действительности, построении и интерпретации текста [Демьянков 1992: 52].

2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В АСПЕКТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА

В данном разделе, анализируя специфику русской категории вида и, шире, аспектуальности, мы особое внимание уделяем тем признакам, которые важны для сопоставления темпоральной структуры глагольных действий в русском и японском языках. Результаты такого изучения могут послужить основой для дальнейшего исследования взаимодействия глагольных категорий вида, времени и модальности в русском и японском языках; иллокутивных, модальных и дискурсивных функций видов в русском языке на фоне соответствующих японских категорий.

Большинство лингвистов рассматривает глагольный вид в русском языке как грамматическую категорию, прежде всего на основании обязательности выражения вида, регулярности видовых противопоставлений, тесной связи с другими грамматическими категориями глагола. Основными типологическими особенностями русского глагольного вида являются, во-первых, возможность обозначения одной и той же денотативной ситуации двумя глаголами – совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида, имеющими одинаковое или сходное лексическое значение и трактуемыми как видовые пары; во-вторых, словообразовательный механизм видообразования и грамматические последствия префиксации и суффиксации глаголов – перфективация и имперфективация; в-третьих, ограничения на сочетаемость и употребление глаголов СВ, не использующихся в сочетании с фазовыми глаголами и для обозначения актуально

длящегося процесса, что объясняется семантически – характером категориального значения СВ (о различных точках зрения на русский вид см. [Петрухина 2000а: 45–73]).

По нашему мнению, достаточно исчерпывающе сущность русского глагольного вида отражает определение категориальной семантики видов, данное В.В. Виноградовым, которое строится с учетом восприятия действия говорящим. "...Основная функция совершенного вида – ограничение или устранение представления о длительности действия, **сосредоточение внимания на одном из моментов процесса** (выделено нами. – Е.П., Ю.К.) как его пределе... Результат – это частный случай предела действия". НСВ обладает семантической двойственностью: с одной стороны, обозначает действие в его течении, "не стесненным мыслью о пределе процесса в целом", а с другой – "является основой, нейтральной базой видового соотношения" [Виноградов 1972: 394].

Из этого определения следует, что грамматический предел не исчерпывается понятием 'внутреннего предела'. Предел действия как категориальный видовой смысл в большинстве случаев тождествен временной границе действия – конечной (достижение которой у терминативных глаголов СВ обуславливает значение результата), или начальной (прежде всего у фазисно-временных дериватов, образованных от глаголов деятельности и гомогенных процессов типа *засуетиться*, *зашуметь*). Такое понимание предела, близкое его фазовому определению [Соколов 1988], все же не отражает в полной мере роли интерпретационного компонента в семантике глаголов СВ, которую подчеркивал В.В. Виноградов. Интерпретационный механизм видовой семантики позволяет актуализировать границы не только всего действия в целом, но и отдельных его этапов, определяемых частью объекта (*Он прочитал 30 страниц [и продолжал читать дальше]*) или отрезком времени (*Я проработал 10 лет на одном заводе [работаю там и сейчас]*). Кроме того, внимание может быть сфокусировано на пограничном результативном моменте, с позиции которого проводится ретроспективная оценка продолжительности или интенсивности действия, ср.: *Она застоялась перед витриной, надо ее позвать, мы не можем больше ждать*. В подобных дериватах СВ категориальное значение предельности комбинируется с оценочными словообразовательными значениями. Такая интерпретация категориальной сущности русского СВ отвечает определению комплетива в типологических исследованиях: "комплетив обозначает некоторую выделенную критическую точку в составе ситуации" [Плунгян 1998: 377].

Таким образом, СВ фокусирует внимание на одном из пределов (моментов, границ) действия, как правило, конечном или начальном, исключая тем самым возможность представления действия в процессе протекания, т.е. предполагая ретроспективную или проспективную точку отсчета по отношению к самому действию [Падучева 1986]. НСВ, не актуализируя предела или пределов действия, не препятствует представлению действия синхронно с точкой отсчета, процессуально. Процессуальность – это выделение срединной фазы действия в динамике его протекания во времени, от прошлого к будущему [Кошмидер 1962: 145; Бондарко 1971: 118]. Актуализация одного из неопредельных моментов действия связана с представлением о его длительности и локализации времени на временной оси.

В зарубежной лингвистике для обозначения идеи предела используются разные термины: "boundness", "telicity", "limit", "terminativity" [Durst-Andersen 1992: 31]. Эти термины, так же как и русский термин "предельность", отражают два уровня аспектуальной категоризации – лексический и грамматический, что порождает неоднозначность формулировок, которая анализируется в целом ряде работ [Бондарко 1991; Мелиг 1995]. Считаю целесообразным "развести" терминологически предельность лексическую, отражающую денотативные свойства обозначаемой ситуации, названной данным глаголом, и предельность грамматическую, представляющую особый, грамматический уровень категоризации действия с точки зрения его протекания во времени. Предельность на лексическом уровне мы рассматриваем как **терминативность/нетерминативность**. Признаки терминативности/нетерминативности тесно связаны с оппозицией гетерогенности/гомогенности действия. Гомогенные си-

туации типа *спать, лежать, шуметь*, одинаковые на любом по продолжительности отрезке их существования, ср. [Vendler 1967: 101; Маслов 1948; Мелиг 1995], нетерминативны, то есть в своем лексическом значении соответствующие глаголы не содержат указания на предел действия. Гетерогенные действия неоднородны: часть действия не равна всей динамической ситуации в целом. Например, *шить костюм* предполагает ряд операций, объединенных общей целью – созданием нового объекта: костюма. Каждая операция в отдельности (например, кройка материала, пришивание пуговиц и т.д.) не равна всей ситуации. Но по одной из операций мы можем назвать все действие в целом, если имеем в виду цель, на которую оно направлено [Падучева 1996а: 17]. Гетерогенные ситуации, как правило, терминативны, то есть имеют контуры во времени и предел в своем развитии (ср. *падать, строить*). В русском языке оппозиции гетерогенности/гомогенности, терминативности/нетерминативности являются семантической базой аспектуальной системы русского глагола, так как видовые пары составляют прежде всего гетерогенные терминативные глаголы (ср. *падать – упасть, строить – построить, резать – разрезать, создавать – создавать, переписать – переписывать*).

На грамматическом уровне предельность, то есть актуализация одного из временных пределов действия, является категориальным значением СВ, которое в зависимости от лексического значения глагола и его словообразовательной структуры в тексте реализуется в виде семантических признаков завершенности, результативности, однократности, начинательности (или их комбинации). Наиболее частотные смыслы, предлагаемые в славистике для определения категориальной семантики СВ и, соответственно, всей категории в целом, – это предел, целостность, завершенность, результат, смена ситуации, начало новой ситуации. С нашей точки зрения, они отражают разные стороны одного концепта – предела как временной границы между ситуациями, которая может рассматриваться как "изнутри", со стороны самого действия (ср. завершенность, результат), так и "снаружи", с точки зрения соотношения данного действия с другими смежными во времени ситуациями (смена ситуации, начало новой ситуации). НСВ, не актуализируя предела или пределов действия, не препятствует представлению действия синхронно с точкой отсчета, то есть либо процессуально, либо как неограниченное повторение однородных действий.

Таким образом, в русском языке при выражении динамических явлений особой значимостью обладает концепт '**временной границы, или временного предела ситуации**', который выступает как семантическая доминанта в русской аспектуальной системе и, возможно, в русской ЯКМ (семантические доминанты представляют собой фундаментальные идеи, характеризующиеся частотностью, разнообразием форм реализации в отдельном языке, а также пониженной степенью коммуникативной осознанности [Падучева 1996б; Петрухина 2003]). Оппозиция предельности/непредельности получила статус категориальной как в грамматике, так и в лексике и словообразовании, являясь концептуальной основой не только грамматической категории вида, но и лексико-грамматических разрядов терминативных глаголов и фазисно-временных способов глагольного действия (с приставками *за-, по-, про-, от-* и др.). Важно отметить, что словообразовательная семантика русских производных глаголов, выражающих временные границы деятельности и процесса при помощи приставок (*за-, по-*) подвергается грамматикализации, приобретает в определенных типах контекста некоторые черты, свойственные грамматическим значениям, а именно обязательность и пониженную интенциональность [Бондарко 1994] употребления. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в русских претеритальных повествовательных текстах отмечается достаточно высокая степень обязательности выражения границ деятельности или процесса, включенных в повествование, прежде всего при помощи производных глаголов СВ с приставками *за-* и *по-* или аналитических конструкций с фазисными глаголами *начать, стать*. Ср.: *Иван Францевич прямо-таки остолбенел и даже руками замахал (?махал), словно хотел сказать: "Свят, свят! Изъиди,*

Сатана!" Эраст Петрович засмеялся... (?смеялся) (Акунин); *Преодолевая слабость, он поднялся со скамьи и рывками... стал пробовать* (?пробовал) *открыть окно вагона* (Пастернак). Глаголы НСВ при повествовании в плане прошедшего времени характеризуются, как правило, стилистической маркированностью, см. [Гловинская 2001: 187–191].

3. АСПЕКТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

3.1. Общие замечания. В японской лингвистике аспектуальная проблематика, активно изучаемая с начала 50-х годов, в настоящее время исследуется в работах целого ряда японских ученых (М. Иноуэ, М. Кудо, К. Оноэ, Я. Окуда, С. Судзуки и др.). Многие вопросы японской аспектологии остаются открытыми, дискуссионными. Среди исследователей нет единого мнения в вопросе о существовании отдельной грамматической категории аспекта японского глагола; нет общепризнанной системы форм, составляющих данную категорию; дискуссионным остается вопрос о специфике грамматического значения отдельных глагольных форм [Киндаити 1976; Окуда 1978; Оноэ 2001; Иноуэ 2001]¹.

В японской аспектологии чаще всего обсуждаются следующие четыре формы: (1) *-У/РУ*², (2) *-ТА/ДА*, (3) *-ТЭ/ДЭ ИРУ* и (4) *-ТЭ/ДЭ ИТА*. Кроме того, в японском языке существует богатая система сложных глаголов, выражающих разные характеристики протекания действия во времени и прагматического отношения говорящего к этому действию, причем статус таких сложных глаголов в японском языке трактуется по-разному. Рассмотрим последний вопрос подробнее.

3.2. Сложные глаголы с точки зрения их аспектуальной грамматикализации (по работам японских лингвистов). Сложные глаголы по своей структуре разделяются на два типа глаголов, в состав которых входят: (а) корень глагола + элемент *-ТЭ/-ДЭ*³ + вспомогательный глагол (*-ИРУ*, *-АРУ*, *-ОКУ*, *-СИМАУ*, *-ИКУ*, *-КУРУ*, *-МИРУ*); (б) корень глагола + вспомогательный глагол (*-ХАДЗИМЭРУ*, *-ДАСУ*, *-ЦУДЗУКЭРУ*, *-ОВАРУ*) и др.

Все вспомогательные глаголы могут функционировать и как знаменательные: *ИРУ* 'быть, находиться (о человеке или животном)', *АРУ* 'быть, находиться (о неодушевленном предмете)', *ОКУ* 'класть', *СИМАУ* 'заканчивать', *ИКУ* 'пойти', *КУРУ* 'приходить', *МИРУ* 'смотреть'; *ХАДЗИМЭРУ* 'начинать', *ДАСУ* 'выводить', *ЦУДЗУКЭРУ* 'продолжать', *ОВАРУ* 'заканчивать'.

Приведенные выше сложные глаголы различаются степенью грамматикализации, что связано со степенью утраты вспомогательным глаголом лексического значения: наиболее грамматикализованными считаются сложные глаголы типа *-ТЭ ИРУ*, *-ТЭ АРУ*, *-ТЭ СИМАУ*, *-ТЭ КУРУ*, *-ТЭ ИКУ*; в меньшей степени грамматикализованными – сложные глаголы на *-ХАДЗИМЭРУ*, *-ДАСУ*, *-ЦУДЗУКЭРУ*, *-ОВАРУ*, *-ЯМУ* и др. [Тэрамура 1984: 117]. При этом Х. Тэрамура считает спрягаемые формы на *-РУ* и *-ТА*⁴ грамматическими, тогда как сложные глаголы, по его мнению, находятся в процессе грамматикализации [Тэрамура 1984: 118].

¹ Разные точки зрения японистов на временные (или видо-временные) формы подробно рассматриваются в монографии Н.А. Сыромятникова [Сыромятников 1971].

² Фонетические варианты форм *-РУ/-У*, *-ТА/-ДА* или *-ТЭ/-ДЭ ИРУ (-ИТА)* зависят от спряжения. В дальнейшем мы представляем эти формы по одному из вариантов как *-РУ*, *-ТА*, *-ТЭ ИРУ* и *-ТЭ ИТА*.

³ Элемент *-ТЭ/-ДЭ* у разных исследователей трактуется по-разному. Мы условно называем его соединительным элементом – он объединяет две морфемы: смысловой и вспомогательный глаголы. Соответственно конструкции с этим элементом рассматриваются нами как своего рода сложные глаголы.

⁴ Формы на *-РУ* и *-ТА* рассматриваются в японской лингвистике как формы простых глаголов.

Некоторые японские лингвисты к грамматическим, помимо форм на *-РУ* и *-ТА*, относят также формы на *-ТЭ ИРУ* и *-ТЭ ИТА*. Соответственно система аспектуальных форм предстает следующим образом: 1) базовые аспектуальные формы, состоящие в оппозиции *-РУ(-ТА)*, *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)*; 2) периферийные формы *-ТЭ АРУ*, *-ТЭ ОКУ*, *-ТЭ СИМАУ*, *-ТЭ КУРУ*, *-ТЭ ИКУ* и др. и 3) сложные глаголы с фазовыми элементами *-ХАДЗИМЭРУ*, *-ЦУДЗУКЭРУ*, *-ОВАРУ* и др. [Нитта 1993: 32; Кудо 1986: 40].

О разной степени грамматикализации рассмотренных выше форм свидетельствуют также следующие факты. Аспектуальные значения, выраженные большинством сложных глаголов, нередко сопровождаются различными модальными смыслами, вносимыми лексическим значением вспомогательного глагола. Поэтому они могут передавать не только аспектуальную семантику, но и такие значения, как значение подготовки (*-ТЭ ОКУ*), попытки (*-ТЭ МИРУ*), оценку необратимости результата совершенного действия (*-ТЭ СИМАУ*). Форма на *-ТЭ АРУ*, которая вслед за формой на *-ТЭ ИРУ* нередко считается собственно видовой, осложнена значением пассивности (см. примеры приведенные ниже: 1б, 2б, 3б, 4б). В отличие от них, формы на *-РУ*, *-ТА*, *-ТЭ ИРУ*, *-ТЭ ИТА*, не имеют никаких добавочных значений, они без модальной оценки выражают основные аспектуальные значения (см. примеры: 1а, 2а, 3а, 4а):

- 1а. *Мадо-га аитЭ ИРУ* – *Окно открыто* (констатация состояния, результатив);
- 1б. *Мадо-га акЭТЭ АРУ* – *Окно открыто* (кем-то – акциональный пассив);
- 2а. *Карэ-ва нюгакусикэн-ни отиТА* – *Он провалился на вступительных экзаменах*;
- 2б. *Карэ-ва нюгакусикэн-ни отиТЭ СИМАТТА* – *Он провалился на вступительных экзаменах (к сожалению)*;
- 3а. *Карэ-ва бара-но ниои-о кацДА* – *Он понюхал розу*;
- 3б. *Карэ-ва ниои-о кацДЭ МИТА* – *Он принюхался* (букв.: 'попробовал понюхать');
- 4а. *Ватаси-ва мадо-о акЭТА* – *Я открыл окно*;
- 4б. *Ватаси-ва мадо-о акЭТЭ ОИТА* – *Я открыл окно* ('для кого-то или для чего-то в будущем').

Форму на *-ТЭ ИРУ* образуют практически все глаголы [кроме *иру* ('быть' об одушевленном), *ару* ('быть' о неодушевленном) и еще нескольких глаголов], независимо от того, являются ли они переходными или непереходными, в то время как формы на *-ТЭ АРУ* образуются в основном от переходных глаголов (*каитэ ару* 'написано', *нитэ ару* 'сварено'), а форма на *-ТЭ ОКУ*, *-ТЭ МИРУ* образуется только от глаголов со значением целенаправленных действий и деятельности.

Из вышесказанного вытекает, что среди всех сложных глаголов аналитическую форму на *-ТЭ ИРУ* можно рассматривать как наиболее "чистый" показатель аспектуальности – прежде всего по регулярности формообразования и по отсутствию связи с модально-прагматическими смыслами.

3.3. Российские японисты об аспектуальной системе японского языка. В российской японистике также нет единого мнения о категории аспекта в японском языке. Набор "японских видов" у разных исследователей варьируется. В основном обсуждаются следующие формы: *-ТЭ ИРУ* под названием "длительного вида" – [Головнин 1954; Фельдман 1960; Сыромятников 1971; Лаврентьев 1998; Данилов 2001]; *-ТЭ АРУ* как "результативный вид" [Лаврентьев 1998; Данилов 2001]; *-ТЭ СИМАУ* – *intensivum perfectum* [Холодович 1941], "совершенный вид" [Фельдман 1960], "завершительный вид" [Данилов 2001]; *-ТЭ ОКУ* – "совершенный вид" [Конрад 1937], "вид длящегося результата" [Фельдман 1960], "целевой вид" [Данилов 2001]; *-ТЭ МИРУ* – "аттемптивный вид" [Данилов 2001]; *-ТЭ ИКУ* – "дистантивный вид" [Данилов 2001]; *-ТЭ КУРУ* – "аппроксимативный вид" [Данилов 2001]⁵. Б.П. Лаврентьев [1998] отно-

⁵ В рассмотренных пособиях кроме сложных глаголов "видами" называются такие конструкции, как *-(ТА)РИ СУРУ* – "итератив" [Фельдман 1960], "репрезентативный или многократный вид" [Лаврентьев 1998]; *-ЦУЦУ АРУ* – "длительный вид" [Лаврентьев 1998].

сит формы на *-ТЭ ИРУ* и *-ТЭ АРУ* к основным видам, а формы на *-ТЭ СИМАУ*, *-ТЭ ОКУ*, *-ТЭ МИРУ* и др. к "подвидам". Рассматривая подробно последние три формы, В.М. Алпатов отмечает, что "...и в отечественной традиции, начиная с Е.Д. Поливанова [Поливанов 1917: 77; Плетнер, Поливанов 1930: 87–88], данные формы (по крайней мере, с *оку* и *симау*) относили к видовым, хотя нередко встречалось стремление "подогнать" их значение к значению русского СВ, что неточно. Мы не настаиваем категорически на отнесении данных форм к видовым: во многом это вопрос чисто терминологический" [Алпатов 1998: 28–29], см. также [Алпатов 1984]. Сложные глаголы типа *-ХАДЗИМЭРУ* 'начинать что-то делать', *-ОВАРУ* 'кончать что-то делать' и др. обычно рассматриваются как лексико-словообразовательные средства, передающие аспектуальные фазовые значения [Лаврентьев 1998: 136].

В.М. Алпатов также подробно анализирует семантику форм на *-ТЭ ИРУ* и на *-ТЭ АРУ*, которые он определяет как особый класс "вспомогательных глаголов длительности состояния" [Алпатов 1986: 16]. При этом формы на *-ТЭ ИРУ* и на *-ТЭ АРУ* в зависимости от семантики смыслового глагола выражают либо длительность состояния, созданного процессом, либо длительность совершения процесса [Алпатов 1986: 17–18].

3.4. Краткие выводы. Итак, богатая система сложных глаголов позволяет выражать в японском языке разнообразные аспектуальные и оценочные характеристики действия и его результата: фазовые, оценочно-интенсивные, оценку результата (в частности, его необратимость), значение попытки и др. Сложные глаголы отличаются друг от друга степенью регулярности формообразования и степенью сохранения лексического значения вспомогательного глагола, т.е. степенью грамматикализации. В наибольшей степени грамматическими, по мнению большинства исследователей, в японском языке являются простые глагольные формы на *-РУ (-ТА)* и сложные глаголы на *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)*, составляющие оппозицию.

В связи с этим грамматическая аспектуальная система часто представляется как оппозиция грамматических форм, с одной стороны, "завершительного вида (completive aspect)" настоящего-будущего времени *-РУ* и прошедшего времени *-ТА* и, с другой – форм "длительного вида (continuous aspect)" настоящего времени *-ТЭ ИРУ* и прошедшего времени *-ТЭ ИТА*⁶. С учетом временной системы, которая состоит из оппозиции форм прошедшего и настоящего-будущего времени, получается четыре видо-временные формы – *-РУ*, *-ТА*, *-ТЭ ИРУ* и *-ТЭ ИТА*, которые формируют видо-временную систему японского языка (см. Таблицу 1).

Таблица 1 (см. [Кудо 1995: 36])

Аспект \ Время	Завершенный аспект	Длительный аспект
Настояще-будущее время	<i>суРУ</i> ⁷	<i>сиТЭИРУ</i>
Прошедшее время	<i>сиТА</i>	<i>сиТЭИТА</i>

⁶ Наша трактовка аспектуальной семантики форм на *-РУ* и *-ТЭ ИРУ* в их соотношении с русскими видами подробно излагается в разделе 5.

⁷ Японские глаголы спрягаются по 5-н основам (словарной, срединной, отрицательной, условной и вероятно-пригласительной) [Данилов 2001: 20]. У большинства глаголов формы этих основ не совпадают. У некоторых глаголов формы основ совпадают, например, основа *ми* ('смотреть'), ср.: *миРУ*, *миТА*, *миТЭ ИРУ*, *миТЭ ИТА*. Традиционно в качестве представителей рассматриваемых форм в японском языке используется глагол *суру* 'делать - сделать', основы которого в данных формах меняются: *суРУ*, *сиТА*, *сиТЭ ИРУ*, *сиТЭ ИТА*.

В самом выделении бинарной оппозиции завершенного и длительного аспектов, напоминающей противопоставление совершенного и несовершенного видов в славянских языках, на наш взгляд, прослеживается влияние славянской аспектологии.

Оппозиция форм на *-РУ* и форм на *-ТЭ ИРУ* реализуется также в выражении таксисных отношений. Употребление форм на *-ТЭ ИРУ* характеризует одновременность явлений или действий (пример 5), а форм на *-РУ* – последовательность событий (пример 6).

5. *Соно хи боку-ва докока такитона басё-дэ хон-дэмо ёмо то рока-о уроуросиТЭ ИТА. Раундзи-но нэису-дэва одзисан-га ияхон-дэ радио-о киТЭ ИТА. Онгакусицу-дэва мада нидзюдэи-ни мизэру дзёсэ-га кёсокубон-о мэкурунагара гита-о хиТЭ ИТА* (Огава) – *В тот день я слонялся по коридорам, подыскивая, где бы почитать книжку. В комнате отдыха старик, лежа на кушетке, слушал через наушники радио. В музыкальном зале девушка лет двадцати с небольшим играла на гитаре, перелистывая страницы пособия* (перевод: Розанова).

6. *Ватаси-ва сандару-о хайтэ, поти-ни ориТА. Соситэ сёкудзитю-но ину-ни тикаётТА.* (Ямада) – *Сунув ноги в шлепанцы, я ступила на земляной пол прихожей и подошла поближе к жевавшему псу* (перевод: Дуткина).

Наибольшее внимание в японской и российской лингвистике уделяется формам на *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)* как маркированным и в наиболее явном виде передающим аспектуальную семантику: в данных формах реализовано размежевание темпоральных (формальные показатели *-РУ* и *-ТА*) и аспектуальных (формальные показатели *-ТЭИ-*) значений, тогда как в формах *-РУ* (а также *-ТА*) аспектуальная семантика неразрывно связана с темпоральной в одном формальном показателе.

4. СЕМАНТИКА ФОРМ НА *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)*

4.1. Роль формы на *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)* в аспектуальной классификации японских глаголов. Отношение к форме на *-ТЭ ИРУ* – способность к ее образованию и семантика данной формы, является основным критерием для классификации японских глаголов. На основе этого японские глаголы делятся на три группы. Одну группу составляют глаголы состояния, которые не образуют форму на *-ТЭ ИРУ*: ср. *ару* ‘быть, находиться (о предмете)’, *иру* ‘быть, находиться (о человеке)’, *дэкиру* ‘мочь, уметь’, *о:сугиру* ‘быть в чрезмерном количестве’ и т.п. Две другие группы глаголов образуют формы на *-ТЭ ИРУ*, различаясь при этом семантикой данных форм.

Глаголы первой группы (типа *сиру* ‘знать-узнать’) в японской традиции называются глаголами **моментального**⁸ действия (по терминологии Х. Киндайти), или глаголами изменения [Судзуки 1972; Окуда 1977, 1978; Кудо 1982, 1995]. В форме на *-ТЭ ИРУ* они выражают состояние как результат предшествующего действия. К этой группе глаголов относятся такие глаголы, как *сину* ‘умирать’, *киру* ‘надевать’, *каваку* ‘сохнуть, сушиться’, *нурэру* ‘промокать’, *хадзимару* ‘начинаться’, *футору* ‘толстеть’, *кусару* ‘гнить’ и др.

Глаголы второй группы называются глаголами **процессуального** действия, потому что в форме на *-ТЭ ИРУ* они, в отличие от предыдущей группы, могут выражать процесс самого действия. К этой группе относятся глаголы *ёму* ‘читать’, *каку* ‘писать’, *вару* ‘смеяться’, *ханасу* ‘говорить’, *утау* ‘петь’, *табэру* ‘есть’, *татэру* ‘строить’ и др.

Необходимо отметить, что классификацию японских глаголов на основе семантики их форм на *-ТЭ ИРУ* нельзя назвать строгой. Многие процессуальные глаголы, которые часто употребляются для обозначения актуального процесса (ср. пример 7а), при поддержке контекста могут иметь и перфектное значение (7б), а некоторые так

⁸ Термин “моментальные глаголы” здесь подчеркивает не моментальность совершения самого действия, а моментальный переход субъекта из одного состояния в другое.

наименее моментальные глаголы, выражающие обычно результирующее состояние (ср. Ки), также при поддержке контекста могут развивать процессуальное значение (Кб).

7а. *Карэ-ва има хон-о ёндэ ИРУ. Он читает книгу;*

7б. *Соно хон-ва моу ёндэ ИРУ. Я уже прочитал эту книгу;*

8а. *Хаха-ва кё: кимоно-о китэ ИРУ. Мать сегодня одела кимоно;*

8б. *Хаха-ва има никаи-дэ кимоно-о китэИРУ. Мать сейчас одевается в кимоно на втором этаже.*

4.2. Форма на -ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА) и результив. Анализу значения и употребления форм на -ТЭ ИРУ (а также -ТЭ АРУ) большое внимание уделял А.А. Холодович, но с точки зрения не категории аспектуальности, а категории результива. На основе общей семантической черты форм -ТЭ ИРУ и -ТЭ АРУ, выражающих результирующее состояние, А.А. Холодович объединил их в одну категорию результива. Эта же категория стала объектом типологического исследования в коллективной монографии "Типология результивных конструкций" [ТРК 1983].

Результивативом А.А. Холодович называет форму, обозначающую единственное состояние, возникшее в результате естественного завершения предшествующего действия (предельного процесса) [Холодович 1979: 138–139] (ср. "Результивативом именуется форма, обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие" [ТРК 1983: 7]). В зависимости от того, какому участнику в ситуации приписывается результивативное состояние, А.А. Холодович выделил три результива: субъектный (см. пример 9), объектный (10) и локативный (11).

9. *Боку-ва гайто:-о китэ ИРУ 'Я (надел пальто и сейчас) в пальто';*

10. *Рампу-ва какэТЭ АРУ 'Лампа повешена (и висит)';*

11. *Кисэн-ва яку-о носэТЭ ИРУ 'Пароход имеет на себе пассажиров' – локативный результив [Холодович 1979: 141].*

При этом А.А. Холодович отмечает, что "все глаголы японского языка способны образовывать особую аналитическую форму, признаком которой является постпозитивное *иру*: *ёндэ иру* (*ёндэ* в лексическом отношении соответствует рус. 'читать'), *каитэ иру* (*каитэ* – рус. 'писать'), *синдэ иру* (*синдэ* – рус. 'умирать'), *китэ иру* (*китэ* – рус. 'приходить'). У этой формы два грамматических значения S_1 (актуально-длительное. – Ю.К., Е.В.) и S_2 (результативное. – Ю.К., Е.В.), которые являются несовместимыми и распределенными: у глаголов типа *ёндэ*, *каитэ* грамматическая форма имеет одно значение, у глаголов типа *синдэ*, *китэ* та же грамматическая форма имеет другое значение. Первое значение является континуативным (длительность процесса или состояния), другое – перфектным (состояние как результат действия); ср.: *ёндэ иру* 'читает', *каитэ иру* 'пишет', *но синдэ иру* 'умер и теперь мертв', *китэ иру* '(пришел и теперь) находится здесь'. Из сказанного вытекает, что по признаку распределения континуативного и перфектного значений данной грамматической формы все глаголы японского языка распадаются на два подкласса А и Б; общим свойством глаголов подкласса А (их можно назвать непредельными) является способность образовывать указанную форму с континуативным значением, общим свойством глаголов подкласса Б (их можно назвать предельными) является способность образовывать указанную форму с перфектным значением" [Холодович 1979: 232].

Приведенное рассуждение А.А. Холодовича свидетельствует о том, что к предельным глаголам (глаголам действия с одной степенью свободы), он, по сути дела, относит ряд так называемых моментальных глаголов (или глаголов изменения состояния) типа *сину* 'умирать', *куру* 'приходить', а непредельными глаголами (глаголами действия со многими степенями свободы) считает в частности глаголы *ёму* 'читать', *каку* 'писать'. Проблема заключается в том, что глаголы *куру* 'приходить', *куру* 'одевать' объединяются в классе моментальных глаголов с такими глаголами как *сину* 'знать', *нэру* 'спать', *сувару* 'сидеть'. Более того, многие моментальные глаголы в форме на -ТЭ ИРУ функционально соответствуют русским прилагательным, например, глагол *футоруУ* 'потолстеть' – *футотТЭ ИРУ* 'толстый', *ёгорэРУ* 'загрязниться' – *ёгорэ-*

ТЭ ИРУ 'грязный'. Создается впечатление, что трактовка предельности А.А. Холодовичем, основанная на материале японского языка, несколько отличается от трактовки этого понятия в славянских языках, предложенной Ю.С. Масловым [1963: 7, 1978: 12—17] и А.В. Бондарко [1987: 45—63].

Вопрос об определении категориального значения формы на *-ТЭ ИРУ* остается открытым. В зависимости от семантики глагола и контекста она может выступать 1) в актуально-процессном значении (в континуативном, по терминологии А.А. Холодовича); 2) как результатив (см. приведенные примеры); 3) как статив, который "сообщает только о состоянии предмета" [ТРК 1983: 7], или квазирезультатив (по терминологии А.А. Холодовича)⁹, ср.: *ниТЭ ИРУ* 'он похож на...', *ки-га татТЭ ИРУ* 'дерево стоит'. Кроме того, эта форма может иметь и другие значения; 4) повторяющегося действия (*Карэ-ва маиаса гю:ню-о нонДЭ ИРУ* 'Он пьет молоко каждый день'); 5) перфектное значение, т.е. данная форма, обозначая прошедшие действия, указывает на некоторый "отзвук" этих действий в более позднем временном плане (ср. [Маслов 1983: 42; Недялков 1988: 223—224]): *Тити-ва даинидзи сэкаитаисэн-дэ накунаТЭ ИРУ* 'Отец погиб во Второй мировой войне'; *Ханнин-ва кино:-но 3 дзи-ни кокодэ сэ-кудзи-о сиТЭ ИРУ* 'Преступник обедал здесь в 3 часа вчера' (например, в рассуждении следователя, который обдумывает данные факты). Изучив типологию форм прогрессивных и перфектных значений в разноструктурных языках, И.В. Недялков отметил, что совмещение двух значений – прогрессива и перфекта/результатива, в одной форме наблюдается также, кроме японского, в монгольском, карачаевском, китайском, узбекском, нивхском и некоторых других языках [Недялков 1988: 225].

Рассмотрим данные дискуссионные вопросы подробнее, анализируя место форм на *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)* в японской аспектуальной системе и сопоставляя значения основных японских аспектуальных форм с семантикой глаголов совершенного и несовершенного вида в русском языке.

5. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯПОНСКИХ ФОРМ НА *-РУ(-ТА), -ТЭ ИРУ(-ТЭ ИТА)* И РУССКИХ ВИДОВ

Формы на *-РУ* и *-ТА* в японской аспектологии многие лингвисты называют завершенным аспектом, что порождает ассоциации с русским СВ. Но в соотношении данных русских и японских аспектуальных форм больше различий, чем сходств.

В функциональном отношении японским формам *-РУ/-ТА* действительно часто соответствуют русские глаголы СВ, особенно в повествовательных текстах (см. примеры 2а, 3а, 4а). Ср. также:

12. *Боку-ва.....табако-о торидаси, марудэ обоз-но наи камиматти-о суттэ хи-о цукэТА* [зажигать-ТА].....*Соситэ мурасакиширо-но кэмури-га аса-но хикари-но накаи кикагаку-тэкина моё:-о каиТА* [рисовать-ТА]. (Мураками) – Я извлек из кармана сигареты.....и **прикурил от спичек, происхождение которых не помнил.....Сиреневый дым *растекся* в утренних лучах абстрактными узорами** (перевод: Коваленин);

13. *Боку-ва.....кабэ-но дэнкидокэ:-о миагэТА* [смотреть вверх-ТА]. *Сорэкара мо: итидо айбо:-о миТА* [смотреть-ТА]. (Мураками) – Я.....**поднял взгляд к часам на стене и снова *установился* на своего напарника** (перевод: Коваленин).

Но данные японские формы, в отличие от русского СВ, являются в оппозиции с формой на *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)* **немаркированными**. Поэтому при поддержке контекста они могут обозначать и длительное действие, функционально соответствуя русским глаголам НСВ. Тип выражаемого аспектуального значения можно определить как "вложенность ситуации в фоновое время" – "ситуация началась и закончилась на протяжении фонового отрезка времени" [Плунгян 1998: 378—379], при этом завершен-

⁹ Речь идет о форме "выражения состояния, не предполагающего предшествующего ему процесса, иными словами специфическая форма выражения квалитатива. Такие результаты мы будем называть субъектными квазирезультативами" [Холодович 1979: 157].

ность ситуация не связывается с критической точкой – достижением определенного результата, и ее временные границы никак не обозначены. Ср.:

14. *Ватаси-ва асу ани-ни нагаи тэгами-о какУ. Дэмо каниоэру ка до:ка вакара-наи. – Я завтра буду писать большое письмо брату. Но не знаю, допишу ли я его;*

15. *Карэ-ва асу итинитидзю: бутан-дэ одору. – Он завтра будет танцевать на сцене целый день;*

16. *Боку-ва китакуситэ, тити-ни тэгами-о каиТА. Какитаи кото-га такусан арисугитэ кэккёку каки-оваранакатта. – Я пришел домой и стал писать письмо отцу. Но столько всего хотел написать, что не дописал его до конца.*

Таким образом, немаркированная форма на *-РУ/-ТА* в зависимости от контекста может обозначать как конец действия, так и его начало или процесс, иными словами, иметь те аспектуальные значения, которые выражены контекстом. Но важно подчеркнуть, что, если в контексте указан конкретный момент, в который данное действие происходило или будет происходить, употребление форм на *-РУ/-ТА* невозможно: актуальный процесс или состояние может быть выражено только формами *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)*, например:

17. *Кино: карэ-га дэнва-о какэтэкита токи, ватаси-ва ани-ни нагаи тэгами-о каиТЭ ИТА. – Вчера, когда он мне позвонил, я писал большое письмо брату;*

18. *Карэ-ва асу-но ситидзи-нива бутан-дэ одотТЭ ИРУ. – В семь часов завтра он будет танцевать на сцене.*

Формы на *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)* соотносят с русским НСВ, находя сходства между ними, прежде всего в значении актуального процесса. Ср.:

19. *Боку-ва има соно хон-о ёндЭ ИРУ. – Я сейчас читаю эту книгу;*

20. *Боку-ва има кабэ-ни рампу-о какэтЭ ИРУ. – Я сейчас вешаю лампу на стену.*

Но между значениями данных японских форм и русским НСВ имеются и существенные различия. Самое главное различие заключается в том, что японская форма на *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)*, образованная от так называемых моментальных глаголов, может иметь результиативное значение, соответствующее русскому СВ. Например:

21. *Карэ-ва кэкконсиТЭ ИРУ. – Он женился* (букв. ‘Он, женившись, женат’);

22. *Карэ-ва нихон-ни киТЭ ИРУ. – Он приехал в Японию* (букв. ‘Он, приехав, находится в Японии’).

Значение формы на *-ТЭ ИРУ* процессуальных глаголов полностью соответствует актуально-процессному значению глаголов НСВ, но точный эквивалент формам на *-ТЭ ИРУ*, образованным от моментальных глаголов (или глаголов изменения), в русском языке часто найти невозможно. Если соответствующий японскому русский глагол переходный, то достаточно адекватно значение его формы на *-ТЭ ИРУ* в русском языке передает результиатив, ср.: *тэрэби-га коварэтЭ ИРУ* [сломасть-страд. -ТЭ ИРУ] – ‘Телевизор сломан’, *мадо-га аитЭ ИРУ* [открываться-ТЭ ИРУ] – ‘Окно открыто’. Но если японский глагол непереходный, то его форму на *-ТЭ ИРУ* на русский язык перевести очень трудно, ср.: *Карэ-ва наТЭ ИРУ* ‘Он (заснул и) спит’, *карэ-ва софа:-ни суватТЭ ИРУ* ‘Он (сел и) сидит в кресле’.

В семантике формы на *-ТЭ ИРУ* моментальных глаголов выражены две ситуации – предшествующая и последующая, а актуализирована последующая ситуация. Порусски ту же самую денотативную ситуацию можно обозначить либо глаголами НСВ (*спит, сидит*), которые в своей семантике не содержат информации о предшествующей ситуации, либо глаголами СВ (*заснул, сел*), которые актуализируют границу между смежными во времени ситуациями как завершение исходной ситуации и начало последующей (ср. [Князев 1997, 2002; Гловинская 1998]). В случае употребления СВ о последующей результирующей ситуации (о том, что, если кто-то сел, то он сидит, или о том, что, если кто-то заснул, то теперь он спит) можно сделать логический вывод, то есть последующая ситуация выражена имплицитно.

Этими семантическими различиями объясняются расхождения в сочетаемости анализируемых японских форм и глаголов СВ с показателями длительности. Формы на *-ТЭ ИРУ* сочетаются с показателями типа *два часа, типа, долго*, ср.: *карэ-ва моу*

нидзикан нэТЭ ИРУ 'он спит уже два часа'. Актуализация границы, предела между смежными во времени ситуациями в семантике глаголов СВ типа *заснуть* и *сесть* исключает их сочетаемость с показателями незамкнутой длительности.

6. РАЗЛИЧИЯ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЯКМ

6.1. Актуализация различных этапов действия в японских аспектуальных формах глагола и русских видах. Сопоставим выражение протекания действия во времени в русском и японском языках на примере глагола *знать* (*сирУ*). Ментальный процесс, выражаемый данным глаголом, логически проходит три этапа: 1) отсутствие знания (*он не знает* – *карэ-ва сира-наи*), 2) получение информации (*он узнал, узнает* – *карэ-ва сирУ, ситТА*) и 3) состояние обладания знанием (*он знает* – *карэ-ва ситТЭ ИРУ*). Русский глагол *знать* (НСВ) лексикализует третий этап, а *узнать* (СВ) – второй этап. Подчеркнем, что *знать* не содержит информации о предшествующей ситуации получения знания. В японском же языке глагол *сирУ* лексикализует второй этап, а третий этап выражается с помощью формы на *-ТЭ ИРУ*, выражающей результирующее состояние (*ситТЭ ИРУ* 'узнавши, находится в состоянии знания'). Следовательно, в японском языке получение информации выражено в самой глагольной лексеме, а состояние субъекта, получившего информацию, актуализируется грамматически. Поэтому глагол *знать* в русском языке относится к группе глаголов состояния, а японский *сирУ* – к группе глаголов моментального действия (или изменения состояния). Глаголами этого же типа являются также такие глаголы, как *дамарУ* – *замолчать* (*даматТЭ ИРУ* – 'замолчавши, молчит'); *моцУ* – *иметь* (*мотТЭ ИРУ* – 'овладев, имеет'); *синУ* – *умереть* (*синДЭ ИРУ* – 'умерев, быть мертвым').

Итак, содержательные различия основных аспектуальных форм русского и японского глаголов определяются прежде всего тем, что в сопоставляемых языках при помощи грамматических форм профилируются и формально маркируются разные этапы протекания действия. В русском языке глаголы СВ актуализируют границу (предел) действия, причем терминативные глаголы выражают конечный предел, связанный с достижением результата (*сесть, заснуть*), а нетерминативные глаголы СВ при помощи словообразовательных средств – начальную и/или конечную границу (ср. *залаять, покричать*). В японском языке маркированная аспектуальная форма *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)* профилирует актуальную стабильность процесса или состояния.

6.2. Актуализация границ действия в повествовательных текстах в русском языке в сопоставлении с японским. На основе того, что в русских и японских маркированных аспектуальных формах глагола актуализируются разные этапы протекания действия, можно предположить, что для японского языка идея границы действия, а значит и фазы действия не столь важна, как для русского языка. Этот вывод подтверждает и сопоставительный анализ русских и японских переводов художественных повествовательных текстов.

В приводимых ниже японских предложениях границы действий, сменяющих друг друга, не актуализируются. Они выражаются немаркированными членами оппозиции (*-РУ/-ТА*). В русских эквивалентных предложениях как семантическая доминанта выступает концепт границы, предела действия, который выражается либо глаголами СВ с начинательными приставками *за-* и *по-*, либо парными глаголами СВ. Подробнее о закономерностях употребления претеритальных форм СВ и НСВ в русских повествовательных текстах и о неинтенциональном выражении временной границы между ситуациями см. в [Петрухина 2000а: 76–89; 2000б].

23. *Бокуся-но иригуги-нива инугоя-га ари, кусари-дэ цунагарэта когарана бо:да:кори:-га боку-но сугата-о митэ нисандо хоэТА* [лаять-ТА] (Мураками). – У входа стояла собачья конура; небольшая колли на цепи высочила оттуда и *затяв-кала* (букв. лаяла) при моем появлении (перевод: Коваленин).

24. *Кадзама-ва соно тимэи на но ка намаэ на но ка-о киита кото-га накатта Дага сорэ ери мо саки-ни ко. омотТА [думать-ТА] – матигаинаку коно ба сан-ва икарэтэйру.* (Фудзисава). – *Что это – имя человека, название города? Кадзама никогда не слыхал такого Он подумал: старуха плетет что-то несусветное, это точно* (перевод: Дьяконова).

Частотный для русских повествовательных текстов смысл начала действия при их переводе на японский язык либо передается при помощи сложных глаголов (см пример 25), либо вообще не переводится (пример 23, 24, 26).

25 *Усталость и рассеянность его исчезли, он встал и решительно заходил по горнице, глядя в пол Потом остановился и, краснея сквозь седину, стал говорить. "Ничего не знаю о тебе с тех пор" (Бунин). – Хиро то хо син ва кизари, карэ-ва татигаару-то юка-о мицумэтамама, кириритосита е су-дэ яккума-о арукидасита [ходить-начал]. Ягатэ татидомару-то сирои хигэ-о сукаситэ као-о акара-мэнагара халаси-хадзимэта [говорить-начал] – Ано коро ираи кими-но кото-ва начихитоцу сиранаинда* (перевод: Хара)

26 *Он встрепенулся вскинулся завертел головой.* (Акунин). – *Фандо.рин-ва вараэникаэри, натто тобиоките, атама-о атикотини угокасиТА [вертеть-ТА]. Босуно сицумусицу-дэ нэмуттэита но да* (перевод Нумано).

6.3. Сопоставительный анализ аспектуальной интерпретации одной и той же денотативной ситуации в японском и русском языках. В качестве примера сопоставим начало романа Ясунари Кавабата "Снежная страна" (27а) с английским (27б) и русским переводами (27в)¹⁰.

27а. *Кокэ-но нагаи тонгэру-о нукэру то юкигуни дэ атта Синго-дзе-ни кисяга томата* (Кавабата). – граница-род п. длинный туннель-вин. п. проехать-н вр. [союз] снежная страна была [связка-прош вр.] .. сигнальная станция-предл. п. поезд-им п. останавливаться-прош вр

27б. *The train came out of the long tunnel into the snow country* (перевод: Seidensticker)

27в. *Поезд проехал длинный туннель на границе двух провинций и остановился на сигнальной станции Отсюда начиналась снежная страна* (перевод: Рахим).

Если буквально перевести первое японское предложение на русский язык, то это будет звучать так: **Как проехало длинный туннель, была снежная страна*, то есть в японском предложении не указан агент (*поезд*), который проехал туннель, и не актуализирована граница между смежными ситуациями, сразу идет описание снежной страны Ё. Икэгами отмечает, что данное японское предложение выражает внезапное переключение ситуаций из темного, тесного пространства в туннеле читатель сразу попадает в просторную, светлую перспективу покрытого снегом ландшафта. В японском оригинале как бы меняются кадры двух сцен. Ситуация представляется таким образом, что в один момент мы видим одну ситуацию, а в другой момент мы видим другую ситуацию, происходит как бы смена картин. При этом не фиксируется постепенное изменение, связанное с перемещением актанта, даже сам актант не отделен от фона, и не актуализируется граница, отделяющая две смежные в пространстве и во времени ситуации [Ikegami 1991, 1993].

В английском и русском переводах назван агент – *поезд*, совершающий действие *проехать*, мы видим сцену с точки зрения отдельного индивидуума, передвигающегося в пространстве Снежная страна в английском переводе описывается как место направления, а в русском предложении она предстает как новый хронотоп (как единство темпоральной и пространственной ситуации) с актуализацией его начальной границы.

Ё. Икэгами проводит аналогию между аспектуальной системой и грамматической категорией числа. В английском языке (точно так же, как и в русском) грамматическая оппозиция числа имен существительных, по Ё. Икэгами, представляет собой

¹⁰ Показательность данного отрывка была отмечена Е Икэгами, который сопоставил японский текст с английским переводом 27б [Ikegami 1991: 288; 1993: 802–803]

оппозицию между индивидуумом и группой индивидуумов. В японском языке такой оппозиции нет предметы представлены как некий континуум, они в зависимости от ситуации воспринимаются либо в их единичности, но как часть континуума, либо в виде собирательной множественности [Жегамы 1991: 291–293; 1993: 809–811]. Аналогично в японском языке не актуализируется концепт границы (предела) действия и соответственно внутренняя темпоральная структура действия. Поэтому в японской аспектуальной системе противопоставление гетерогенных и гомогенных, терминативных и нетерминативных действий не является релевантным, тогда как для русской аспектуальной системы данные смыслы очень важны. Маркированная аспектуальная форма японского глагола на *-ТЭ ИРУ* актуализирует наличие **стабильной ситуации (процесса или состояния) в конкретный момент времени**¹¹.

Таким образом, даже тот ограниченный русский и японский материал, который мы рассмотрели, свидетельствует о существенных семантических различиях в организации аспектуальных систем русского и японского языков. В русских и японских аспектуальных глагольных формах маркируются разные этапы протекания действия во времени, это определяет категоризацию разных концептов, связанных с представлением действий, процессов и состояний в ЯКМ. Для русской аспектуальной системы важна прежде всего идея **предела** (или "критической точки") [Плунгян 1998: 377] в развитии действия, его границы. Концепт предела актуализирует представления о темпоральной структуре ситуации, об изменениях в актантах действия, отражающихся в таких аспектуальных понятиях, как гетерогенность/гомогенность, терминативность/нетерминативность действия. Более того, идея **границы** между смежными во времени ситуациями становится доминантой при повествовании о последовательных событиях в плане прошедшего времени. Для японской аспектуальной системы названные понятия нерелевантны, комплетивность выражается немаркированной формой (*-ПУ/-ТА*), маркируется же (в формах *-ТЭ ИРУ/-ТЭ ИТА*) **стабильность ситуации** (процесс единичного либо повторяющегося действия, результирующее состояние, а также свойство или отношение), синхронной моменту наблюдения. Как мы видели, семантические различия в маркированных аспектуальных формах и аспектуальных оппозициях влияют на интерпретацию сходных денотативных ситуаций в русской и японской ЯКМ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1984 – В М Алпатов О семантике последовательностей *-тэ оку, -тэ миру, -тэ симайу* // Новое в японской филологии. М., 1984
Алпатов 1986 – В М. Алпатов Вспомогательные глаголы длительности состояния в японском языке // Актуальные проблемы японского языкознания М., 1986
Алпатов 1998 – В М Алпатов. Нестандартные видовые категории в современном японском языке // Типология вида проблемы, поиски, решения М., 1998
Бондарко 1971 – А.В Бондарко Вид и время русского глагола М., 1971
Бондарко 1987 – А В Бондарко Аспектуальность // Теория функциональной грамматики: Введение Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987
Бондарко 1991 – А В Бондарко Предельность и глагольный вид (на материале русского языка // ИАН СЛЯ. 1991. № 3

¹¹ Выявленные особенности семантики аспектуальных форм японского глагола и русских видов, конечно, не исчерпывают всех содержательных различий между аспектуальными системами двух языков Так для русского языка характерна связь формальной оппозиции глаголов НСВ и СВ не только с собственно аспектуальными, но и другими, в частности прагматическими смыслами (возможности/невозможности, ожидаемости действия, предостережения и др.), выражаемыми имплицитно В японском языке подобные смыслы выражаются эксплицитно, в том числе сложными глаголами, кроме того, сама система таких смыслов в русском и японском языках не совпадает Данный вопрос требует специального изучения

- Бондарко 1994 – *А.В. Бондарко*. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // ВЯ. 1994. № 2.
- Вежбицкая 1996 – *А. Вежбицкая*. Язык, культура, познание. М., 1996.
- Виноградов 1972 – *В.В. Виноградов*. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1972
- Гловинская 1998 – *М.Я. Гловинская*. Инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Гловинская 2001 – *М.Я. Гловинская*. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Головин 1954 – *И.В. Головин*. Длительный вид в современном японском языке // Труды ВИИЯ. Т. 6. М., 1954
- Даньшов 2001 – *А. Ю. Даньшов*. Японский язык. Глагол: категория вида. М., 2001.
- Демьянков 1992 – *В.З. Демьянков*. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М., 1992.
- Князев 1997 – *Ю.П. Князев*. Параметры для типологии вида и русский вид // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1997.
- Князев 2002 – *Ю.П. Князев*. Фазы действия и метонимические сдвиги в значении видо-временных форм // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Конрад 1937 – *Н.И. Конрад*. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937
- Кошмидер 1962 – *Э. Кошмидер*. Очерк о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Кубрякова 1988 – *Е.С. Кубрякова*. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
- Лаврентьев 1998 – *Б.П. Лаврентьев*. Практическая грамматика японского языка. М., 1998.
- Маслов 1948 – *Ю.С. Маслов*. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // ИАН СЛЯ. 1948. № 4
- Маслов 1963 – *Ю.С. Маслов*. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М., 1963.
- Маслов 1978 – *Ю.С. Маслов*. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
- Маслов 1983 – *Ю.С. Маслов*. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Мелиг 1995 – *Х.Р. Мелиг*. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени // Семантика и структура славянского вида. Т. 1. Kraków, 1995.
- Неделяков 1988 – *В.П. Неделяков*. Типологизация языков по признаку наличия многозначных глагольных форм с прогрессивным и перфектным значениями // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Ч. 1. М., 1988.
- Падучева 1986 – *Е.В. Падучева*. Семантика вида и точка отсчета (в поисках инварианта видового значения) // ИАН СЛЯ. 1986. № 5.
- Падучева 1996а – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 1996б – *Е.В. Падучева*. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave. Problemi di morfosintassi delle lingue slave* V. 5. Padova, 1996.
- Петрухина 1994 – *Е.В. Петрухина*. Грамматические значения и языковая модель мира // Ломоносовские чтения 1994. М., 1994
- Петрухина 2000а – *Е.В. Петрухина*. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Петрухина 2000б – *Е.В. Петрухина*. Особенности употребления и семантики видов в повествовательных текстах (на материале русского и западнославянских языков) // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000.
- Петрухина 2003 – *Е.В. Петрухина*. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // X Конгресс МАПРЯЛ. Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания: сборник докладов. Т. 1. СПб., 2003.
- Плунгян 1998 – *В.А. Плунгян*. Перфектив, комлетив, пунктив: терминология и типология // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Соколов 1988 – *О.М. Соколов*. Семантика категории фазовости русского глагола // ИАН СЛЯ 1988. № 6.
- Сыромятников 1971 – *Н.А. Сыромятников*. Система времени в новояпонском языке. М., 1971.
- ТРК 1983 – Типология результативных конструкций. Л., 1983.

- Фельдман 1960 – *Н.Н. Фельдман* Японский язык. М., 1960.
- Холодович 1941 – *А.А. Холодович* Из истории японской лингвистики // ИАН СЛЯ. 1941. № 1.
- Холодович 1979 – *А.А. Холодович* Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Иноуэ 2001 – *Иноуэ Масару* Гэндаи нихонго-но "ТА" ("ТА" в современном японском языке) // "ТА"-но гэнгогаку. Токио, 2001.
- Киндайти 1976 – *Киндайти Харухико*. Нихонгодо:си-но тэнсу-то асупэкуто (Время и аспект глаголов японского языка) // Нихонго до:си-но асупэкуто. Токио, 1976.
- Кудо 1982 – *Кудо. Маюми Ситэиру* кэ сики-но имикидзюцу (Семантическое описание формы *ситэиру*) // Мусаси даигаку дзимбунгаккай дзасси. Токио, 1982 Т. 13. № 4.
- Кудо 1986 – *Кудо. Маюми*. Асупэкуто-ни цуитэ-но обозгаки (Заметки о японском аспекте) // Кокубунгаку-каисяку то кансэ. Токио, 1986. Т. 51. № 1.
- Кудо 1995 – *Кудо. Маюми* Гэндаиго-но асупэкуто-тэнсу (Аспект и время в современном японском языке) Токио, 1995
- Нитта 1993 – *Нитта Ёсиро*. Гэндаиго-но бумпо -бумпо.рон (Грамматика и грамматическая теория современного японского языка) // Нихонго ё:сэцу. Токио, 1993.
- Окуда 1977 – *Окуда Ясиро*. Асупэкуто-но кэнкю.-о мэгуттэ: Киндайти-тэки данкай (Об изучении аспекта на этапе Киндайти) // Кокуго Кокубун. Мияги кё:ику даигаку. Токио, 1977 № 8
- Окуда 1978 – *Окуда Ясиро* Асупэкуто-но кэнкю.-о мэгуттэ (Об изучении аспекта) // Кё:икуко-куго Токио, 1978. № 53.
- Оноэ 2001 – *Оноэ Кэйсукэ* Бунро:-то ими (Грамматика и значение). Токио, 2001.
- Судзуки 1972 – *Судзуки Сигэюки* Нихонго бумпо. Кэитаирон (Морфология японского языка). Токио, 1972.
- Тэрамура 1984 – *Тэрамура Хидэо* Нихонго-но синтакусу-то ими (Синтаксис и семантика японского языка). Т. 2. Токио, 1984
- Durst-Andersen 1992 – *P. Durst-Andersen* Mental grammar. Russian aspect and related issues. Slavica Publishers. Columbus. Ohio, 1992
- Ethnolinguistics 1979 – Ethnolinguistics Boas, Sapir and Worf revised / Ed. by M. Mathiot. The Hague, 1979.
- Ikegami 1991 – *Ikegami Yoshihiko*. 'DO-language' and 'BECOME-language': Two contrasting types of linguistic representation // Yoshihiko Ikegami (ed.) The Empire of signs: Semiotic essays on Japanese culture. Amsterdam, 1991.
- Ikegami 1993 – *Ikegami Yoshihiko* What does it mean for a language to have no singular-plural distinction? Noun-Verb homology and its typological implication // Richard A. Geider, Brygida Rudzka-Ostyn (ed.) Conceptualizations and mental processing in language. Berlin; New York, 1993.
- Language 1995 – Language and the cognitive construal of the world / Ed. by J. R. Taylor, R. E. MacLaury. Berlin; New York, 1995.
- Vendler 1967 – *Z. Vendler*. Verbs and times // Linguistics in philosophy. New York, 1967.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИХ ПЕРЕВОДЫ

- Б. Акунин Азазель. М., 1998 Перевод на японский язык: *Нумано Ке ко* Отита тэнси: Азазэру Токио, 2001.
- И.А. Бунин. Темные аллеи // Темные аллеи Париж, 1995. Перевод на японский язык: *Хара Такуя*. Кураи намикимити // Край намикимити. Токио, 1998
- Б. Пастернак Доктор Живаго. М., 2003 Перевод на японский язык: *Эгава Таку*. Доктору Дзиваго Токио, 1989.
- Кавабата Ясунари Юкигуни Токио, 1947. Перевод на английский язык: *E.J. Seidenstucker*. Snow country. Токио, 1957 Перевод на русский язык: *З. Рахим*. Снежная страна М., 1971.
- Мураками Харуки Хишудзи-о мэгуру бо кэн. Токио, 1985. Перевод на русский язык: *Д. Коваленин*. Охота на овец. СПб., 1998.
- Огава Ёко. Сисю:суру сё:дзо. Токио, 1996. Перевод на русский язык: *Т. Розанова*. Девочка за вышиванием // Она. Новая японская проза. М., 2001.
- Фудзисава Сю:. Буэносу Аирэсу годзэн рэ:дзи. Токио, 1998. Перевод на русский язык: *Е. Дьяконова* Полночь в Буэнос-Айресе // Он. Новая японская проза. М., 2001.
- Ямада Эми Баннэн-но кодомо Токио, 1991. Перевод на русский язык: *Г. Дуткина* На "зака-те жизни" // Она. Новая японская проза. М., 2001.

© 2004 г. Г.Е. КРЕЙДЛИН, Е.Б. МОРОЗОВА

**ВНУТРИЯЗЫКОВАЯ ТИПОЛОГИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ:
БЫТОВЫЕ ПОКЛОНЫ****ВВЕДЕНИЕ**

Настоящая статья посвящена одному из основных классов этикетных жестов – **поклонам**¹. Систематическое исследование **поклонов**, относящихся к разным культурам, прежде всего к русской (далее – **русских поклонов**), было начато нами около года назад, и первые его результаты изложены в статье [Морозова 2003]. В этой статье, в частности, показано, что даже в пределах только одной, русской, культуры **поклоны** составляют разнородные по форме, смыслу, сферам употребления и прагматике жесты. По причине столь большого разнообразия **поклонов** с самого начала было решено построить их классификацию по некоторым существенным признакам. Мы полагаем, что такая классификация не только удобна с практической точки зрения, но и теоретически необходима как способ представления и как основной инструмент описания **классов жестов**, к каковым относятся и **поклоны**.

По важнейшему из признаков, характеризующих классы жестов вообще, а именно по признаку 'типичная ситуация употребления жеста', **поклоны** делятся на три крупных класса, а именно (а) **церемониальные**, или **ритуальные поклоны-жесты**, в норме исполняемые в ходе различных ритуалов, главным образом на приемах у высокопоставленных лиц; (б) **религиозные поклоны**, которые совершаются в специальных местах во время богослужений и молитв, и (в) **бытовые**, или **светские поклоны**, типовой ситуацией употребления которых является обычная, повседневная коммуникация людей.

В каждом из выделенных классов **поклоны** специфичны по своей форме, языковым номинациям, функциям и прагматике. В статье [Морозова 2003] были представлены и охарактеризованы наиболее частые случаи употребления **религиозных и церемониальных русских поклонов**. Ниже описываются типовые жесты третьего класса, а именно **русские бытовые поклоны**.

Описание этого класса невербальных знаков по многим причинам является актуальной и важной задачей и науки о жестах – кинесики, и науки о языке – лингвистики. Упомянем здесь лишь некоторые из этих причин.

Во-первых, семантически и прагматически разнородные **русские бытовые поклоны** по сей день остаются, так сказать, "сваленными в одну кучу" и никак не упорядоченными. Во-вторых, ни для одного из **русских бытовых поклонов** не выявлены полностью условия его употребления. В-третьих, до сих пор остаются крайне плохо описанными форма и семантика всех этих жестов. В-четвертых, совершенно не раскрыты системные связи **русских бытовых поклонов** с другими русскими жестовыми

¹ Об этикетных и других семиотических классах жестов см., например, в книге [Крейдлин 2002]. Там же обращается внимание на культурную и коммуникативную значимость поклонов в ряде европейских и азиатских культур и описаны некоторые типовые для этих культур поклоны.

Здесь и далее прямым жирным шрифтом выделяются жесты и классы жестов, а их языковые номинации выделяются курсивом.

единицами и классами единиц (кинестическими, мимическими, проксемами и др.), а также связи **бытовых поклонов** с **церемониальными** и **религиозными**. Наконец, в-пятых, не собраны и не проанализированы языковые номинации русских, и не только русских, **бытовых поклонов**.

Материал, на котором строилась данная работа, составили невербальные и языковые данные двух типов. Корпус невербальных данных составили наши собственные визуальные и видеонаблюдения за невербальной коммуникацией русских людей. Языковые данные – это примеры употребления слов, обозначающих **поклоны**, которые были заимствованы нами из разных толковых словарей русского языка и словарей русской культуры, а также примеры предложений или более крупных фрагментов текстов художественной литературы русских и советских авторов (в основном XIX и XX веков), в которых использовалось слово *поклон* или родственные ему слова. Кроме того, в работе мы постарались учесть наиболее важные результаты анализа отдельных **поклонов** других культур, представленные в жестовых словарях и словарных описаниях или опубликованные в монографиях и статьях по невербальной семиотике.

1. ПОВСЕДНЕВНОЕ ЭТИКЕТНОЕ ОБЩЕНИЕ И БЫТОВЫЕ ПОКЛОНЫ

К **бытовым**, или **светским**, **поклонам** мы будем относить **поклоны**, исполняемые (в типовых случаях) в различных по своей природе и характеру ситуациях повседневного этикетного общения (этикетных ситуациях). Под ситуациями повседневного общения мы понимаем ситуации общения неформального, не регламентированного жесткими социальными правилами. Ситуации **повседневного этикетного общения** – это разнообразные случаи фокусного проявления э т и к е т а в повседневном общении, причем не только речевого, но и неречевого, которые, по всей видимости, едва ли можно задать как-либо иначе, нежели списком. В такой список входят, например, речевые и невербальные ситуации приветствия и прощания, выражения благодарности, принесения извинений, поведения за столом, выражения просьбы, согласия, но в него не попадут, скажем, регламентированные ситуации официального общения с высокопоставленными лицами во время официальных приемов или обедов. Последние мы считаем принадлежащими к классу **ритуальных ситуаций**, и если они в соответствии с нормами, существующими в обществе в целом или в какой-то общественной группе, предполагают исполнение **поклонов**, то и сами эти **поклоны**, согласно нашей классификации, тоже относятся к классу **ритуальных**.

Хотя можно признать, что люди стремятся придерживаться существующих в данном обществе и культуре этикетных норм не только при исполнении **ритуальных**, но и при исполнении **бытовых поклонов**, очевидно, что сами эти нормы отличаются друг от друга. Они не совпадают по очень многим характеристикам, из которых выделим три наиболее для нас важные. Это содержание нормы, степень обязательности, с которой человек должен ей следовать, и набор санкций, которые являются социально регламентированными и могут быть приняты по отношению к человеку, нарушившему установленные нормы. В нашу задачу здесь не входит последовательное сопоставление ритуальных и бытовых этикетных норм русской культуры, но, даже не проводя глубокого анализа различий между ними, можно с уверенностью утверждать, что ритуальное поведение отличается (а) гораздо меньшей свободой в выборе форм и способов поведения, (б) вполне строгими (вплоть до полной формализации) правилами исполнения каждого семиотического действия внутри данной ситуации, (в) знанием каждым из участников ситуации своей роли и соответствующих этой роли правил кооперативного поведения, а также (г) степенью обязательности следования данным правилам.

В противоположность ритуальному бытовое этикетное общение допускает большую свободу и вариативность в поведении участников общения, причем решающую роль тут играют часто даже не общественные позиции участников и не исполняе-

мые ими социальные роли, а личные отношения между ними. И хотя бытовое этикетное общение не отменяет необходимости следовать существующим культурным и социальным этикетным нормам, оно, как правило, в каждом конкретном случае предоставляет возможность самим участникам выбрать для себя определенную модель и способы семиотического поведения, а также определить и согласовать стиль, в частности степень формальности или официальности общения.

Деление ситуаций на религиозные, ритуальные и бытовые, которое основано на соотносительных количественных оценках значений того или иного признака, не может быть хотя бы в силу этого абсолютно строгим и формальным. Имеется множество промежуточных случаев, когда по одним признакам рассматриваемая ситуация принадлежит, скажем, к ритуальным, а по другим – к бытовым. Приведем пример такой ситуации.

В русской культуре **поклоны** издавна играли важную роль и в религиозной жизни, и в официальном, и в повседневном общении². Об этом свидетельствуют, например, описания **поклонов**, встречающиеся в древнерусской литературе. Вот как изображено в древней былинке "Илья Муромец и Соловей Разбойник" этикетное поведение гостя, Илья Муромца, пришедшего на пир к князю Владимиру:

*Ай тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны. .
Крест он клал по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину.*

Ситуация пира, которая в известной степени аналогична современным ситуациям званных приемов, встреч и презентаций с их обильными обедами или ужинами, является двойственной. По целому ряду свойств, таких, как присутствие высокопоставленного лица, большое число участников с разными социальными статусами, четко закрепленная в культуре линия их поведения и др., ситуацию пира следует, конечно, отнести к разряду ритуальных. Однако, что касается способов невербального поведения официального гостя, то они в Древней Руси были во многих чертах сходны с приемами поведения неофициального гостя, то есть формальная ситуация обладала рядом признаков ситуации неформальной.

Коль скоро мы уже привели здесь данный пример, остановимся кратко на описываемом в нем **гостевом поклоне**. Этот жест предназначался, вообще говоря, не одному человеку, а широкому кругу лиц. Он совершался во все четыре стороны, то есть был обращен к каждому из присутствующих, окружавших в тот момент гостя. Смысл и назначение подобного четырехкратного исполнения одного и того же жеста можно объяснить следующим образом. Совершая **однократный поклон** адресату, мы выделяем его среди других людей и даем этим жестом понять, что он нами выделен из группы лиц и отмечен. В ситуации, когда данный смысл нужно выразить и передать сразу нескольким людям, неисполнение **поклона** в адрес одного из присутствующих повлекло бы за собой вполне законную негативную реакцию, такую как непонимание, обиду или возмущение, причем не только со стороны этого конкретного человека, но и, возможно, других лиц. Для людей русской культуры при встрече с несколькими людьми было типично *кланяться (поклониться) общим поклоном* или, как говорили также, *отдавать общий поклон* – именно такие выражения использовались для описания этого вида **поклонов**, – а не приветствовать каждого адресата отдельно и совершать при этом столько **поклонов**, сколько было людей, ср. *Павел Николаевич, со скромностью истинного джентльмена, отвечал тонкой любезностью Ларисе, и поручая себя ее снисходительному вниманию, отдал общий поклон всем присутствующим* (Н. Лесков. На ножах).

² О религиозных поклонах в русской культуре см., например, в статье [Морозова 2003].

Интересно проследить распределение разных типов **поклонов** по культурам и странам. Издавна на Востоке **поклоны** были бытовыми жестами, тогда как в Средние века в Европе **поклоны** являлись прежде всего ритуальными жестами, а потому сфера их употребления была ограничена. Особенно часто европейские **поклоны** исполнялись во время торжественных церемоний и судебных процессов. Так, в средневековых государствах, таких как Англия, Франция и Испания, кланяться два-три раза при подходе к королю или к другому знатному лицу было делом вполне обычным. Первый **поклон** делался при входе в зал, где король принимал гостей, второй – примерно посредине пути к королю, а третий – непосредственно перед королем; те же действия в обратном порядке выполнялись и при расставании, при этом не поворачивались каждый раз спиной к королю, а пятились назад и останавливались только для **поклонов**. Вот что пишет, например, М. Алданов о придворном французском этикете и устойчивых невербальных поведенческих стереотипах: *Посол попросил разрешения представить его величеству своих сотрудников и назвал их имена и должности. Кангаров овладел собой и называл имена даже немного громче, чем полагалось, – обер-гофмаршал только поглядывал на него с приятной усмешкой, которая могла бы сойти за хозяйскую улыбку. Король каждый раз наклонял голову и произносил несколько любезных слов, по существу, одних и тех же, но без буквальных повторений. Руки он никому, кроме нас, не подал, – позднее Кангаров узнал, что это считалось знаком неблагосклонного приема: король умышленно остался в пределах обязательного минимума любезным <...>. По этикету страны посол и его свита должны были отступить к двери, не поворачиваясь спиной к королю* (М. Алданов. Начало конца).

Во Франции **поклоны** выполнялись также в суде и на балах, где мужчины кланялись женщинам, а в Германии было принято даже специальное обучение **подобострастному поклону**, **Bückling**, который следовало исполнять, например, во время танцев. Обучение **поклонам** на уроках танцев было довольно жестким: во время урока учитель вполне мог с силой наклонить голову нерадивого ученика перед особой женского пола. Обучение подобным этикетным жестам в Германии и в ряде других государств мира входило составной частью в получаемое светское образование (см. об этом подробнее в книге [Крейдлин 2002]).

В русском дворянском обществе умение правильно поклониться считалось необходимым качеством воспитанного человека. С детских лет на уроках танцев молодые дворяне изучали тонкости выполнения **поклонов**. Вот как описывается искусство исполнения придворного **поклона** в повести А. Куприна "Юнкера": *Руки свободно, без малейшего напряжения, опущены вниз и слегка, совсем чуточку округлены. Ноги в третьей позиции. Одновременно, помните: одновременно – в этом тайна поклона и его красота, – одновременно и медленно – сгибается спина и склоняется голова. Так же вместе и так же плавно, только чуть-чуть быстрее, вы выпрямляетесь и подымаете голову, а затем отступаете или делаете шаг вбок.*

Помимо классификации по типовым ситуациям употребления, можно, разумеется, строить и другие классификации **поклонов**, например, делить их в соответствии с формой и манерой исполнения, по передаваемым **поклонами** смыслам, по речевым формулам, сопровождающим **поклоны**, и т.д., причем новые классификации можно строить и в рамках построенной классификации по типам употребления, и как самостоятельные. Далее мы охарактеризуем русские **бытовые поклоны** по разным признакам – с тем, чтобы представить по мере возможности полную картину этих жестов.

2. ФОРМЫ РУССКИХ БЫТОВЫХ ПОКЛОНОВ

Сначала мы остановимся на формах <исполнения> **бытовых поклонов**, или, если воспользоваться терминологией из словаря [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001], на их физической реализации. Форма **поклона** образует достаточно сложную телесную конфигурацию и складывается из значений ряда признаков, ее определяющих. К основным признакам формы относятся: начальное (исходное) положение корпуса же-

стикулирующего, конечное положение корпуса, предельный угол наклона корпуса относительно вертикальной оси, возможность или обязательность участия в воспроизведении поклона других частей тела, таких как голова, рука (руки) и нога (ноги).

Поклоны – притом не только **бытовые** – можно классифицировать по любому из признаков их физической реализации, и все такие классификации являются не только семиотически, но и лингвистически существенными, поскольку языковые номинации русских **поклонов** подчеркивают как отдельные значения, так и определенные комбинации значений выделенных признаков³.

Проведенный нами анализ позволяет выделить четыре типа, или, точнее, четыре основные формы русских **бытовых поклонов** (ситуации употребления и значение единиц, имеющих эти формы, описываются в следующем разделе).

Исходное положение тела для каждой формы **поклона** одно и то же: человек, исполняющий **поклон** (далее мы будем называть его "жестикулирующий"), стоит лицом к адресату на сравнительно близком расстоянии от него (от 1–2 до 4–5 м). Такое физическое расстояние⁴ свойственно каждой из четырех форм в ситуации, когда жестикулирующий и адресат находятся в одном, относительно свободном помещении или открытом пространстве, например в большом зале, на одной дороге, на улице, тротуаре и т.д. В отдельных случаях расстояние между жестикулирующим и адресатом может составлять несколько десятков метров, но, даже находясь достаточно далеко один от другого (например, будучи в разных концах длинного коридора или зала), партнеры обязательно должны хорошо видеть друг друга, иначе исполнение **поклона** не достигнет своей цели. В ситуациях, когда физическое расстояние между коммуникантами большое, наиболее вероятно исполнение **поясного, вежливого поклона** или **кивка** и маловероятно исполнение **земного поклона**⁵.

Конечная точка физической реализации **поклона** может быть разной, но после исполнения жеста человек непременно возвращается в исходное вертикальное положение. Наклон головы и туловища всегда совершается вдоль вертикальной оси и обычно происходит вперед и вниз. В ситуациях, когда жестикулирующему необходимо охватить поклоном большую аудиторию (в частности, когда он находится на сцене, или в иных случаях, когда адресатом **поклона** выступает многочисленная группа людей, например аудитория, которая находится не только перед исполнителем, но и сбоку от него), **поклон** исполняется несколько раз: один раз прямо, потом еще несколько раз в сторону, причем к адресату вместе с головой поворачивается все туловище, ноги же могут оставаться в первоначальном, исходном положении.

Чаще всего человек кланяется прямо, но встречаются и необычные способы исполнения поклонов. В этом отношении интересен гоголевский Чичиков, которого писатель наделяет особой манерой кланяться: *Герой наш отвечал всем и каждому и чувствовал какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налево, по обыкновению своему несколько набок, но совершенно свободно, так что очаровал всех* (Гоголь. Мертвые души).

Четыре типа **поклонов**, о которых мы будем далее говорить, таковы: **земной поклон**, **поясной поклон**, **"вежливый поклон"**⁶ и **кивок**.

³ Описываемые ниже формы поклонов так или иначе участвуют также в других классификациях, о которых речь пойдет в последующих разделах статьи.

⁴ Мы используем здесь слова "физическое расстояние" вполне осознанно, так как существует также психологическое коммуникативное (проксемное) расстояние между собеседниками [Крейдлин 2002], в общем случае не совпадающее с физическим, и оно-то как раз для разных видов поклонов разное.

⁵ Как это уже стало более или менее принятым в невербальной семиотике и, в частности, кинесике, названия жестов и классов жестов выделяются жирным шрифтом, а их естественно-языковые номинации – курсивом.

⁶ Кавычки при упоминании жеста означают, что жест не имеет стандартной номинации в данном естественном языке [Крейдлин 2002].

Опишем сначала форму жеста **земной поклон**. Много лет тому назад это был чрезвычайно популярный на Руси бытовой жест, и, по всей видимости, еще несколько веков назад существовали две разновидности **земного поклона**.

Земной поклон 1. Для исполнения этого поклона жестикулирующий из исходного вертикального положения становится на колени, иногда очень быстро, как бы не раздумывая, при этом руками и лбом касается пола. Какое-то, часто довольно-таки продолжительное, время человек пребывает в такой позе, затем встает в исходное положение. **Земной поклон 1** обычно сопровождался еще одним жестом – **целованием** пола, земли, одежды или обуви стоящего или сидящего адресата, имеющего значительно более высокий, чем у жестикулирующего статус.

Общее время исполнения данного **поклона** – относительно большое. Жестикулирующий, не поднимая головы, довольно долго находится на полу или на земле на коленях, – нередко до тех пор, пока более высокий по статусу адресат не прикажет ему встать или не наклонится, чтобы помочь жестикулирующему подняться. Это в языке может интерпретироваться как процесс, длящийся во времени, ср. *Х валялся в ногах у Y*.

Земной поклон 2. Этот жест носит также названия *поклон до земли* (или: *в ноги*), *низкий, пренизкий, глубокий, глубочайший поклон*; *поклониться низко (глубоко, до земли, до самой земли, земно)*. В ряде словарей русской культуры форма данной разновидности **земного поклона** описывается иначе, чем первая. Исходное положение тела вертикальное, как и в случае **земного поклона 1**, затем человек наклоняется вперед, сгибаясь под углом чуть ли не 180°, то есть до земли. Кроме того, **земной поклон 2** обычно сопровождается другим, нежели **земной поклон 1**, жестом – не целованием, а "касанием пальцами правой руки пола или земли".

В настоящее время оба варианта **земного поклона** почти вышли из бытового употребления⁷, но довольно широко встречаются в религиозном контексте и употребляются при искусственном воссоздании или игровой имитации каких-либо ритуалов.

2. **Поясной поклон** (жест, иногда называемый *поклон в пояс* или *поклониться в пояс/поясно*) – это наклон головы и верхней части туловища, происходящий под углом от 90° до 180°. **Поясной поклон** является жестом с относительно большой амплитудой. Такие жесты получили в кинесике название *широких*; см. о них в книге [Крейдлин 2002]. Как и **земной поклон**, **поясной поклон** сегодня почти вышел из бытового употребления.

3. "**Вежливый поклон**" (иногда описывается в текстах как *небольшой поклон*) – это наклон головы и верхней части туловища под углом 25–45°.

4. **Кивок**, именуемый также *легкий поклон, поклон головой, поклониться слегка (едва, чуть)*, – это самый частый из русских бытовых **поклонов**, жест весьма непродолжительный по времени и малый по амплитуде. **Кивок** по форме представляет собой наклон вниз одной лишь головы и только изредка сопровождается очень легким, едва заметным, наклоном туловища. Из-за краткости и нечеткой акцентированности движения головой, которое позволяет ясно выразить и передать закрепленные за формой стандартные смыслы, **кивок** называют также *небрежным поклоном* – с целью подчеркнуть именно эти особенности исполняемого жеста. **Кивок** используется преимущественно как бытовой жест для приветствия адресата в ситуации, когда у жестикулирующего нет времени или желания вступать с адресатом в речевой контакт

---

⁷ Мы говорим тут *почти*, потому что в деревенских семьях, где сохраняется патриархально-религиозный уклад, земной поклон встречается. В этой связи следует попутно отметить, что пометы "неупотр." или "уходящ.", введенные в ряд современных (и самых лучших) отечественных словарей, как нам кажется, должны применяться только с учетом определенных жанров и функциональных стилей: уходящие слова и жесты из одного функционального стиля вполне могут перекочевать в другой (или оставаться в нем, если там были) или, наоборот, войти в самый центр языковой или невербальной подсистемы.

либо когда партнеры находятся на относительно далеком расстоянии друг от друга и вступить в речевой контакт не могут по чисто объективным причинам⁸.

Описав виды и формы **поклонов**, остановимся теперь кратко на языковых способах описания исполнения **поклонов**.

Чаще всего исполнение **поклона** передается в русском языке двумя способами: (а) **аналитическими** конструкциями, такими как *отвесить, отдать, сделать, отбить* (употребляется значительно реже, чем другие сочетания) *поклон, сделать <что-либо> с А-ым поклоном* (А – прилагательное, описывающее элемент формы жеста, манеру исполнения жеста, выражаемое поклоном отношение, свойство актуальной ситуации или признаки ее участников, а также называющее одну из форм жеста), или (б) глаголами *поклониться, кланяться, раскланяться, откланяться*, возможно, с наречиями, синтаксически связанными с глаголами, но семантически относящимися к **поклону** или его компонентам, ср.:

(1) *Он отвесил ей поклон; Женщина поклонилась Ивану Васильевичу древнерусским поклоном и надменно ушла* (М. Булгаков. Театральный роман).

(2) – *Я имею удовольствие быть знакомым, ежели графиня помнит меня, – сказала князь Андрей с учтивым и низким поклоном* (Л. Толстой. Война и мир).

(3) *Он молча поклонился ей, положил шляпу* (А. Куприн. Страшная минута).

(4) *В столовой уже стояли два мальчика Манилова <...> При них стоял учитель, поклонившийся вежливо и с улыбкою* (Н. Гоголь. Мертвые души).

(5) *Иван Федорович раскланялся очень важно и вежливо, но тоже держа руки по швам* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

3. МАНЕРА ИСПОЛНЕНИЯ ПОКЛОНОВ

При исполнении **поклона** существенное значение имеет способ его реализации, или **манера** исполнения. Манера исполнения всегда характеризует не столько сам жест, сколько жестикулирующего и уже через него – адресата: заявляет об их статусах и ролях, физических и психических состояниях и чертах характера, отношениях и позволяет представить элементы психологического портрета участников ситуации общения или некоторые аспекты самой ситуации. На это указывают языковые выражения, обозначающие различные характеристики манеры исполнения, – плавность или резкость, небрежность или тщательность исполнения жеста, а также разные по своей природе оценки манеры исполнения жеста (впрочем, часто отдельные признаки комбинированы и предстают вместе в одном слове).

Так, (а) по скорости исполнения **поклон** может быть *скорым, быстрым, кратким, мгновенным*; (б) по плавности/резкости исполнения **поклон** характеризуется как *размашистый, резкий, плавный, спокойный, размеренный*; (в) по степени внимания к исполнению **поклон** бывает *небрежным, рассеянным, церемонным*; (г) эстетическая оценка **поклона** передается прилагательными *изысканный, изящный, галантный, неловкий, неуклюжий, театральный* (как демонстративное, манерное и потому эстетически неприятное исполнение), а (д) социальная оценка, то есть оценка социального статуса жестикулирующего, его собственного представления о своей общественной значимости или своей роли в данной интерактивной ситуации, выражается единицами *поклониться важно, с достоинством, с чувством превосходства*.

Приведем примеры употребления некоторых из описанных единиц:

(6) *Дьяк и сидевшие рядом на другой скамье – Борис Алексеевич, Лев Кириллович, Стрешинов и Ромодановский – важно поклонились* (А. Толстой. Петр I).

(7) *Подлетел Лефорт, таща под руку Алексашку Меньшикова. <...> Ловко поклонился, зябко повел сильным плечом, стал задом к камину, взял трубку* (А. Толстой. Петр I).

⁸ См. подробнее об этом в Словаре языка русских жестов [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001].

(8) *Наконец он [Желтков] с трудом произнес, указывая на диван и неловко кланясь: "Прошу покорно. Садитесь"* (А. Куприн. Гранатовый браслет).

4. СИТУАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПОКЛОНА И ПЕРЕДАВАЕМОЕ ИМ ОТНОШЕНИЕ

Еще один дифференциальный признак, важный для классификации **поклонов** (и не только **бытовых**), – это тип передаваемого поклоном отношения жестикулирующего к адресату. Передаваемые **поклоном** отношения могут быть самыми разнообразными. Он может выражать вежливость, и тогда мы используем сочетание *вежливый поклон* (и тут следует различать две омонимичные синтаксические единицы: полусвободное сочетание *вежливый поклон* как обозначение формы жеста **вежливый поклон** и свободное сочетание прилагательного *вежливый* с существительным **поклон**, где прилагательное используется для выражения смысла 'вежливость'); он может быть *почтительным, уважительным, учтивым, признательным, презрительным, смиренным, подобострастным, приветливым, веселым или холодным*. Люди кланяются, выказывая этим уважение или признательность (мы говорим: *кланяются в знак уважения, признательности, благодарности* и др.).

Анализ примеров из художественной литературы и словарей позволяет выделить следующие основные смысловые отношения, выражаемые **бытовым поклоном**: 'благодарность' и 'признательность'; 'уважение' и 'почтение'; 'радость от встречи с адресатом'; 'преклонение'; 'смирение'; 'подобострастие'; 'просьба'. Отношение к адресату, выражаемое **бытовыми поклонами**, бывает, как мы видим, и положительным, и отрицательным.

Отметим, что наречия, выражающие отношение к адресату, сочетаются с глаголами *поклониться* и *кланяться*, но не сочетаются с глаголом *наклониться*. Зато с последним хорошо сочетаются прилагательные и наречия, описывающие манеру исполнения движения. Дело в том, что *наклониться* в норме описывает не жест, а незнакомое, физиологическое движение тела; ср. *наклонился* (но не *поклонился), *чтобы рассмотреть лежащий на полу предмет; Он почтительно поклонился* (*наклонился); *Она низко поклонилась; Она низко наклонилась*.

С точки зрения возможности выражения **поклоном** некоторого отношения нам представляется интересным следующий пример из романа Л.Н. Толстого "Война и мир":

(9) *Анна Николаевна приветствовала его [Пьера, вошедшего в ее салон] поклоном, относящимся к людям самой низшей иерархии в ее салоне.*

В предложении (9) форма или манера исполнения **поклона** прямо не называются, а говорится лишь, что это был особой формы **приветственный поклон**. Форма **поклона**, исполняемого хозяйкой салона, Анной Николаевной Шерер, потому и является особой, что выражает определенное отношение жестикулирующего к посетителям салона самого низкого социального статуса.

Менее тривиальными для смыслового анализа являются случаи языкового описания **поклона**, когда прилагательное или наречие, употребленные для его квалификации или оценки, обозначают непосредственно физические признаки формы, например, степень отклонения корпуса от вертикальной оси во время исполнения жеста или конечное положение тела, а по сути за этой номинацией стоят определенные отношения жестикулирующего к адресату: *низкий поклон/низко поклониться, глубокий поклон/глубоко поклониться, поклониться до земли, в ноги/ножки, в пояс, слегка и т.д.*, ср.:

(10) *Наконец вошел в комнату староста Дрон и, низко поклонившись княжне, остановился у притолоки* (Л. Толстой. Война и мир).

(11) *"Здорово, господра", – сказал Петр с веселым лицом. Все низко поклонились.* (А. Пушкин. Арап Петра Великого).

В подобных ситуациях читатель вынужден сам вычислять передаваемое **поклоном** отношение, основываясь на своих знаниях об участниках коммуникации, об их

физическом и психическом состояниях и взаимоотношениях, о возрасте, предпочтениях, установках, характере текущей коммуникативной ситуации, о контексте, на фоне которого она проходит, о принятых нормах и стереотипах поведения в данной культуре, и т.п.

В ряде случаев задачу по дешифровке отношений облегчает нам говорящий или автор произведения, указывая словами одновременно и на степень отклонения и на передаваемое отношение:

(12) Он [Кутузов] кивнул головою, отвечая на низкий и почтительный поклон Балашова (Л. Толстой. Война и мир).

(13) Федор Павлович и Миусов остановились. Монах с чрезвычайно вежливым почти поясным поклоном произнес: – Отец игумен, после посещения вашего в ските, покорнейше просит вас всех, господа, у него откушать (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

Остановимся на словах *низкий/низко*, *глубокий/глубоко* в сочетании с *поклои/поклониться/кланяться* и на тех смыслах, которые эти слова и словосочетания выражают. Судя по нашим материалам, *глубокий/глубоко* употребляется гораздо реже со словами *поклон/кланяться*, чем *низкий/низко*; из проанализированных нами примеров *глубокий* встречается преимущественно в "Братьях Карамазовых" Ф. Достоевского:

(14) Он [Дмитрий Карамазов] глубоко поклонился ему [старцу] и попросил благословения.

(15) Старец Зосима вышел в сопровождении послушника и Алеши. Иеромонахи поднялись и приветствовали его глубочайшим поклоном, пальцами касаясь земли, затем, благословившись, поцеловали руку его. Благословив их, старец ответил им каждому столь же глубоким поклоном, перстами касаясь земли <...>.

В большинстве примеров в нашем корпусе речь идет, однако, не о *глубоком поклоне*, а о *низком поклоне*. Какова же разница между этим выражениями и жестами, которые они описывают? "Толковый словарь русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, как, впрочем, и другие просмотренные нами толковые словари русского языка, определяет *низкий поклон* как "глубокий поклон, почти до земли", а *глубокий поклон* – как "низкий, почти до земли". В самом деле, формы исполнения обоих *поклонов* очень похожи. Однако *поклон* называют *глубоким*, если угол наклона корпуса приближается к 180 градусам, то есть тело почти перегибается в пояснице и наклоняется почти до земли, так что пальцы жестикулирующего могут достать до земли, тогда как *низкий поклон* характеризуется меньшим углом наклона (порядка 90 градусов), то есть имеет несколько иную форму. Вот как описывает приглашение на танец А. Куприн:

(16) Александров подбежал и низко поклонился, приглашая ее на танец (А. Куприн. Юнкера).

А вот описание *низкого поклона* у А. Чехова:

(17) Кербалай <...> стоял на дороге и, взявшись за живот, низко кланялся навстречу экипажам и, улыбаясь, показывал свои белые блестящие зубы (А. Чехов. Дуэль).

Если попытаться реконструировать *низкий* и *глубокий поклоны*, описываемые в предложениях (14)–(17), то следует, видимо, признать, что угол наклона туловища при их исполнении должен быть примерно 90° – вряд ли на бальный танец приглашали *глубоким поклоном*, *поклоном до земли*, а кланяться до земли, держась руками за живот, едва ли естественно. Таким образом, мы считаем *глубокий поклон* ниже *низкого* и соотносим его с *земным поклоном* 2. Сегодня, впрочем, *глубокий поклон* как бытовой жест вышел из употребления и остается лишь знаком религиозного почитания [Крейдлин 2002].

К сожалению, нам не удалось узнать историю происхождения выражения *глубокий поклон*. В БАС-е выражение *глубокий поклон* соотносится со следующим значением прилагательного *глубокий* 'очень сильный, достигший высокой степени своего проявления'. Возможно, наклоняясь столь низко, человек как бы "ныряет", с го-

ловой погружаясь в несвойственное ему пространство, то есть в пространство, располагающееся примерно от колен до земли. Поскольку большинство действий человек совершает в пространстве, ограниченном возможностью использования рук при наклоненном корпусе, то есть на расстоянии примерно от 1 м от земли до 1.7–1.8 м (величина среднего человеческого роста), пространство ниже и выше этих пределов не является для него привычным и удобным. Не случайно, чтобы найти или поднять упавшую мелкую вещь, мы встаем на колени, садимся на корточки, то есть перемещаем наше тело на другой уровень, или, если угодно, в другое пространство.

Концептуализация при исполнении **низкого** и **глубокого поклонов** тоже разная, что видно по различию в смыслах, закрепленных в языке за обозначениями этих жестов. Так, *низкий поклон* исполняется для выражения 'почтения' в ситуациях обращения, приветствия или приглашения на танец, 'признания вины', 'благодарности' и некоторых других, а *глубокий поклон* выражает более глубокие чувства, например 'преклонение' или 'глубокое почтение'. Отметим в этой связи нормальное согласование по смыслу, а чаще даже смысловое подчеркивание, языковых обозначений **низкого** и, соответственно, **глубокого поклона** с другими словами и словосочетаниями, выражающими те же смыслы в пределах одной сочинительной, пояснительной или уточняющей конструкции, ср.:

(18) <...> Я, Испанский Дворянин, не гнущий шеи пред роком, склоняю ее пред вами и говорю: простите мне, синьор, я вас обидел. И с этим он низко поклонился Поталееву и протянул ему руку (Н. Лесков. На ножах).

(19) [Богомолки] отвечивали Тихону Ильичу низкие, смиренные поклоны (И. Бунин. Деревня).

Как и в любом **поклоне**, жестикулирующий не только физически становится ниже адресата, но и делает себя ниже адресата психологически, то есть уменьшая психологическое расстояние между собой и партнером. Этим жестикулирующий подает себя как человека менее значительного, более "мелкого" по сравнению с адресатом (ср. глагол *преклоняться*), и чем **поклон** ниже, тем более выпуклым предстает различие в статусах или в коммуникативных ролях участников ситуации. Это различие вызвано либо объективными факторами (что бывает чаще – например, разным социальным или имущественным положением участников, половыми различиями, большой разницей в возрасте), либо субъективными, например, жестикулирующий признает себя намного ниже адресата, испытывая к ней или к нему соответствующее чувство, и значимого различия в социальном положении между ними может вовсе не быть. Исполнитель **поклона** ощущает себя глубоко обязанным адресату или виноватым перед ним, выражая намерение подчиниться воле адресата (ср. выражения *идти на поклон/с поклоном*).

В обоих случаях – и при **низком** и при **глубоком поклоне** – соотносительные веса участников коммуникации остаются одинаковыми. По этой причине ни тот, ни другой **поклон** не могут выступать как знаки приветствия между равными – иначе нарушится существующее равновесие, и коммуникативный акт может легко потерпеть неудачу. Точно так же не будет успешным коммуникативный акт и в случае, если **поклон**, необходимый в данной ситуации, не был исполнен и ожидаемого адресатом почтения в его адрес выказано не было.

С другой стороны, и не ответить на **поклон**, умышленно или нечаянно, тоже означает инициировать коммуникативный провал, поскольку отсутствие адекватной невербальной реакции со стороны адресата всегда вызывает у жестикулирующего чувства недовольства, обиды или возмущения. Аналогичным образом люди реагируют на не протянутую в ответ руку, на холодный или незамеченный взгляд в ответ на приветствие. Не отвечать на **поклон** невежливо и обычно воспринимается человеком как то, что адресат не хочет больше иметь дела и знаясь с ним, ср. предложение *Он больше со мной не здоровается. После ссоры он перестал подавать мне руку. Она сделала вид, что не слышала его приветствия и прошла мимо и*

(20) *Пред крыльцом стояла куча мужиков, которые, при их приближении, сняли шапки и низко поклонились. На их поклон ответили и генерал и его жена, но Висленев даже не притронулся к своей фуражке. – Они вам кланяются-с, а вы не кланяйтесь-с, – сказал генерал. – Это не по-демократически-с и не хорошо-с не отвечать простому человеку-с на его вежливость. Висленев покраснел, быстро оборотился лицом к мужикам, поклонился им чрезвычайно скорым поклоном, и, ни с того ни с сего, шаркнул ножкой (Н. Лесков. На ножах).*

О том же говорит и русская народная мудрость – поговорки, пословицы, заповеди, наставления и иные речения: *С поклона голова не болит. Поклоны за поклоны отдавай: кланялись тебе занимаючи, наклоняешься и ты собираючи. Поклоном поясницы не переломить.*

Особо следует остановиться на **подобострастном поклоне**. "Словарь русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дает следующее определение слова *подобострастный*: 'раболепно-льстивый, угодливый, выражающий подобострастие'. Суть **подобострастного поклона** состоит в том, что его исполнитель подчеркивает свое зависимое положение от адресата по чрезвычайно важным позициям, показывая свою готовность исполнить любое желание адресата. Однако автор (или говорящий), описывающий данную ситуацию, считает, что исполнитель поступает при этом недостойно, этически неприемлемо, то есть *подобострастничает*:

(21) *На каждый вопрос он отвечал с крайним подобострастием, низко кланяясь (В. Ажаев. Далеко от Москвы).*

(22) *Пройдя мимо стоявших в парадной форме у дверей подобострастно кланявшихся ему камер-лакеев, Чернышев вошел в приемную (Л. Толстой. Хаджи-Мурат).*

Поскольку назначением **подобострастного поклона** является подчеркивание превосходства адресата и собственного унижения признанием своего ничтожества и незначительности, этот **поклон**, очевидно, должен быть низким и манерно исполняемым, что подчеркивается сопутствующими **поклону** жестами, позами и взглядами (голова опущена, на лице должна быть улыбка, движение корпуса вперед медленное, тело долго не выпрямляется, глаза жестикулирующего смотрят на адресата и др.). Ср. также слова *низкопоклонство*, *низкопоклонничать*, *низкопоклонник*, которые описывают льстивое, угодливое преклонение перед кем-то (или чем-то), выражаемое речевым или иным действием. Эти слова говорят о том, что человек, ведущий себя таким образом, как бы низко кланяется перед кем-то.

Очень близким к словам *низкопоклонничество* и *подобострастие* является слово *заискивание*. Действительно, для глагола *заискивать* <перед X> можно предложить следующее толкование: 'говоря с человеком X, лестью и особой манерой поведения перед X пытаться добиться для себя выгоды'. А потому *заискивающий поклон* по форме и манере исполнения подобен **подобострастному**, хотя и отличается от него смыслом:

(23) *Она [Анна] видела, как он подходил к беседке, то снисходительно отвечая на заискивающие поклоны, то дружелюбно, рассеянно здороваясь с равными, то старательно выжидая взгляда сильных мира и снимая свою круглую большую шляпу (Л. Толстой. Анна Каренина).*

Человек, исполняющий **подобострастный** или **заискивающий поклон**, видимо, считает, что такое его поведение в данный момент перед "нужным" человеком будет ему выгодным, например, будет способствовать карьерному росту и движению вверх по социальной лестнице. Даже если при этом **поклон** не интерпретируется как **подобострастный** или **заискивающий**, все равно его исполнение перед некой более высоко стоящей фигурой единственно ради достижения личной выгоды и прямая демонстрация готовности пойти для этого на собственное унижение и достижение выгоды в норме квалифицируется как недостойное поведение. См., например, ощущения Анны, следующим образом переданные в "Анне на шее" А.П. Чеховым:

(24) *Или вдруг он [муж, Модест Алексеич] весь покраснев, говорил ей [Анне] быстро: – Поклонись этой старой даме! – Но я с ней незнакома. – Все равно. Это су-*

пруга управляющего казенной палатой! Поклонись же, тебе говорю! – ворчал он настойчиво. – Голова у тебя не отвалится. Аня кланялась, и голова у нее в самом деле не отваливалась, но было мучительно.

5. РУССКИЕ БЫТОВЫЕ ПОКЛОНЫ: СИТУАЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ И КИНЕТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕННЫЕ

Бытовые поклоны как знаковые действия исполняются в норме в следующих ситуациях: приветствие/прощание, приглашение (сесть, пройти куда-либо, на танец и др.), принятие приглашения, выражение благодарности или согласия с предложением адресата, принесение ему извинения, выражение уважения, смирения, покорности или почтения в разговоре с вышестоящим или почитаемым лицом (в последнем случае **поклон** обычно сопровождается другим действием, о чем подробнее пойдет речь ниже).

В русской культуре **бытовые поклоны**, в особенности **кивки**, больше свойственны мужчинам. Согласно существующим правилам этикета мужчина кланяется знакомой или только что представленной ему женщине; молодой мужчина (гораздо реже – молодая женщина) кланяется человеку более старшего возраста; человек, стоящий ниже по социальной или служебной лестнице, кланяется вышестоящему. Дети кланяются взрослым; мужчина – мужчине или всем присутствующим в помещении лицам; женщина может поклониться женщине или всем присутствующим лицам. Лицо любого пола, возраста и социального положения, желающее передать одно из приведенных выше отношений может поклониться другому лицу любого пола и социального положения. Напротив, **кивки** сейчас стали весьма распространенными жестами, не имеющими, видимо, четких социальных ограничений.

Прежде, совершая *поклон*, мужчины снимали или приподнимали головной убор и держали его в руке во время исполнения жеста. Сопутствующий жест "**снятие головного убора**" в качестве этикетного жеста был распространен главным образом в Европе. Мусульмане и евреи голову не обнажали. Что же касается "женского стандарта", то еще в прошлом веке "сохранялся устойчивый запрет выходить женщине из дому с непокрытой головой, причем этот запрет существовал и там, где мужчины обнажали голову, и там, где не обнажали" [Байбурин, Топорков 1990: 86].

В истории культуры головной убор вообще наделен особыми символическими свойствами, в частности, отсутствие шапки являлось признаком социальной неполноценности или некоторого особого состояния человека. «Снять шапку, как правило, означало проявить уважение или сделать себя "ниже" того человека, которому адресуется этот жест» [Байбурин, Топорков 1990: 87]. Сейчас правила этикета, касающиеся снятия головных уборов при поклоне, не являются столь строгими, например, мужчины при исполнении поклона снимать шляпу не обязательно. Женщины, как, впрочем, и дети, при поклоне головной убора, как правило, не снимают и не снимают. Возможно, это связано с тем, что в целом ряде культур, в частности славянских, непокрытые женские волосы связываются с неприличным поведением и грехом. Не случайно в православной церкви мужчина должен обязательно находиться с непокрытой головой, а женщина, наоборот, должна быть всегда с покрытой головой.

Поклоны, особенно **приветственный поклон**, часто сопровождаются улыбкой, приветливым выражением лица и типом голоса, соответствующими передаваемому отношению или разворачивающейся ситуации, ср.:

(25) *Я сделал поклон, стараясь, чтобы это был приятный и в то же время исполненный достоинства поклон, и голосом заговорил достойным и приятным* (М. Булгаков. Театральный роман).

(26) *Виконт поклонился и учтиво улыбнулся* (Л. Толстой. Война и мир).

(27) *Форова обтерла глаза и, низко поклонясь, сказала смиренным голосом: – Да, я говорю Бог знает что, простите Христа ради меня, дуру, что я вам досаждаю* (Н. Лесков. На ножах).

За **бытовым поклоном** может следовать протянутая для **рукопожатия** рука или уместная к данному случаю речевая реплика. При совершении **поклона** необходимо какое-то, достаточно короткое, время смотреть на адресата. Однако если **поклон** выражает 'смирение', 'вину' или еще каким-либо образом подчеркивает зависимость жестикулирующего от адресата, то взгляд жестикулирующего сначала падает на адресата, а затем глаза очень быстро опускаются вниз.

Бытовые поклоны могут, как и другие жесты, классифицироваться с семиотической точки зрения. Так, есть **поклоны-эмблемы**, которые имеют самостоятельное лексическое значение и могут исполняться без сопровождения речи, есть **поклоны-регуляторы**, управляющие ходом процесса коммуникации (например, **кивки**), но чаще всего **поклоны** выступают в функции жестов-иллюстраторов, точнее **аккомпаниаторов**, то есть жестов, сопровождающих речь и структурирующих ее (о трех семиотических классах жестов – эмблемах, иллюстраторах и регуляторах – см. подробно в книге [Крейдлин 2002]).

Молча обычно кланяются тогда, когда либо (1) вербальная коммуникация уже закончилась, либо (2) **поклон** остался незамеченным, и коммуникация не успевает начаться, либо, наконец, когда (3) **поклон** уже сам по себе является вполне достаточным ответом на жест или произнесенную фразу партнера:

(28) *Я взял пачку авторских экземпляров, пожал руку Рудольфи, откланялся молодому человеку, <...> задом тронулся к выходу, ударился локтем об стол и вышел* (М. Булгаков. Театральный роман).

(29) *Я подумал о том, что не худо бы было и на нее произвести хорошее впечатление, благо это заодно, и отвесил вежливый поклон, но он как-то прошел незамеченным* (М. Булгаков. Театральный роман).

(30) – *Через полчаса разразится страшная гроза, – сказала она... – Вам придется остаться. Он молча поклонился ей и положил шляпу* (А. Куприн. Страшная минута).

Когда **поклон** (равно как и его редуцированный вариант, получивший в русском языке особое название – **полупоклон**) выступает в качестве иллюстративного жеста, сопровождающего речевое действие, то он в этих случаях подчеркивает определенное отношение жестикулирующего к адресату, в частности, особую значимость для него данного адресата, и является невербальным семиотическим свидетельством уважения, почтения или преклонения. Можно сказать что-либо с **поклоном подать**, можно **протянуть** или **принять** что-то с **поклоном** и т.п.:

(31) *Хорошенькая девушка в очках, научный сотрудник Лена Блажко, варила в большой кофеварке кофе <...> и с изящными полупоклонами, как гейша, подавала собеседникам* (В. Дудинцев. Белые одежды).

(32) *Хозяин бросился к величавому дворецкому, выхватил из рук у него поднос, сам наполнил золотую чарочку и подал ее с поклоном государю* (А. Пушкин. Арап Петра Великого).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше мы рассмотрели русские **бытовые поклоны**, их форму, значение, языковые обозначения и типовые ситуации употребления. Конечно, нами были описаны далеко не все виды **бытовых поклонов**, не все ситуации их употребления и не все смысловые разновидности, тем не менее, проанализировав все же довольно большую группу **бытовых поклонов**, мы можем заключить, что инвариантом всех передаваемых ими отношений (напомним, что именно передаваемое отношение придает **поклону** символический, по Ч. Пирсу, характер и отличает его от утилитарного незнакового физиологического движения **наклона**), является 'признание жестикулирующим адресата более значительным и важным лицом, чем он сам, и добровольное понижение своего статуса и повышение статуса адресата'.

К сожалению, инвариантное значение классов жестов, таких как **улыбки**, **поцелуи** или **бытовые поклоны**, в жестовых словарях и описаниях никогда не указываются.

Между тем именно эта смысловая характеристика делает **бытовые поклоны** чрезвычайно значимыми жестами не только русской, но и других культур, и не только религиозной сферы, но и светской. И хотя в настоящее время многие единицы из этого класса уже вышли или постепенно выходят из ранее частого и чуть ли не повсеместного употребления не только в России, но и в целом ряде других стран (что вызвано, видимо, социальными и историко-культурными причинами, например, стиранием сословных границ в обществе, демократизацией и уравниванием людей в правах, обретением людьми внутреннего чувства свободы и независимости), они, во-первых, не утратили своей значимости и популярности в других, более традиционных общественных формах, этносах и культурах, а, во-вторых, они не перестают быть важным социальным, культурным и семиотическим фактом нашей жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбурин, Топорков 1990 – *А.К. Байбурин, А.Л. Топорков. У истоков этикета. Л., 1990.*
Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 – *С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин. Словарь языка русских жестов. Москва; Вена, 2001.*
Крейдлин 2002 – *Г.Е. Крейдлин. Невербальная семиотика. М., 2002.*
Морозова 2003 – *Е.Б. Морозова. Поклон как этикетный жест // Московский лингвистический журнал. Т. 7/2. 2003.*

© 2004 г. Ю.В. НИКОЛАЕВА

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ ЖЕСТОВ В УСТНОЙ РЕЧИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

ВВЕДЕНИЕ

Кинетические средства общения, к которым относятся жесты, входят в ту область, которой занимается невербальная семиотика и основные разделы которой составляют паралингвистика (наука о звуковых кодах невербальной коммуникации) и кинесика (наука о жестах и жестовых движениях, жестовых процессах и жестовых системах). Под кинесикой в широком смысле понимают науку о языке тела и его частей, а в более узком понимании кинесика – это учение о жестах, прежде всего жестах рук. Кинесика изучает также мимические жесты, жесты головы и ног, позы и знаковые телодвижения (см. об этом подробно в книге [Крейдли 2002]).

В настоящей работе речь пойдет о жестах, то есть знаковых кинетических единицах выражения и передачи информации. Наше исследование ограничивается только знаковыми движениями рук, и дальше слово "жест" будет пониматься в таком узком смысле.

Жесты могут как сопровождать речь, так и использоваться независимо от речи. Но даже в тех случаях, когда при личном общении основным каналом передачи информации является речь, жестовое сопровождение слов имеет значение и для говорящего и для слушающего. Кинетические средства не только используются для передачи информации, но и регулируют коммуникацию. Кроме того, для говорящего жесты важны с точки зрения обработки информации, передаваемой затем адресату. Жесты выполняют много разных функций и на данный момент известны, по всей видимости, далеко не все из них.

Во многих ситуациях кинетические знаковые средства оказываются более эффективными, чем речевые, а для выражения определенных типов содержания могут быть вообще использованы только они (например, когда речевое общение затруднено из-за высокого уровня фонового шума, или при общении с маленькими детьми, еще не совсем освоившими речь). По данным Д. МакНила [McNeill 1992], около 50% всех высказываний (простых предложений) сопровождаются теми или иными жестами. Хотя такого рода жесты не обязательно исполняются руками, то есть не обязательно являются мануальными, большая часть их – это все же движения рук (что особенно интересно, если учесть, сколько разнообразных движений может сделать человек).

Настоящая работа представляет собой описание проведенного нами исследования иллюстративных жестов, то есть кинетических единиц, которые обычно сопровождают устную речь. Работа выполнена в еще мало освоенном жанре: иллюстративные жесты изучаются с точки зрения морфосинтаксических и семантических особенностей их речевых коррелятов, под которыми понимаются слова, сопровождаемые этими жестами. Основное внимание уделяется отдельным словам и высказываниям; параметры более высокого уровня, относящиеся ко всему тексту или его частям (например, к группам реплик в диалоге), учитывались мало. Целью проведенного исследования было получить ответ на вопрос: **можно ли, имея некоторое высказывание, оценить воз-**

возможность и вероятность появления в нем жеста определенного типа и указать место появления жеста.

При написании данной работы мы опирались на корпус устных текстов, созданный нами специально для изучения иллюстративных жестов. В этот корпус вошли тексты преимущественно монологического характера, для чего были записаны на видеопленку и переведены в цифровой формат несколько фрагментов телепередач, суммарной продолжительностью около получаса – ток-шоу, интервью и пр. Особенности съемки в этих передачах позволяли практически без потерь проследить все движения рук говорящего. Всего было 14 разных дикторов, отличавшихся друг от друга по возрасту, характеру, образованию и другим признакам. Предполагается, что разнообразие дикторов позволило избежать стереотипов речевого и кинетического поведения, присущего только какой-то одной социальной группе.

Записанные фрагменты телепередач были позднее затранскрибированы и разделены на элементарные дискурсивные единицы (далее ЭДЕ) (дискурс¹ считается состоящим из предикаций в соответствии с работой [Chafe 1994]), по следующим правилам, описанными в [Литвиненко 2001]:

1. В прототипическом случае ЭДЕ совпадает с клаузой (предикацией), то есть каждая клауза выделяется в отдельную ЭДЕ, если это не противоречит другим правилам.
2. Сентенциальные актанты, кроме придаточных при глаголах мысли, речи и ощущений, принадлежат к той же ЭДЕ, что и матричный предикат (то есть главный в данной предикации).
3. Если встречается прямая речь, то она выделяется в отдельную ЭДЕ (если же содержит более одной клаузы, то разбиваем ее на несколько отдельных ЭДЕ).
4. Нерестриктивные определительные придаточные и причастные обороты выделяются в отдельную ЭДЕ (или в несколько отдельных ЭДЕ). Рестриктивные определения, независимо от их грамматической формы, принадлежат к той же ЭДЕ, что и определяемое слово.
5. Разбиение высказываний с деепричастными оборотами зависит от семантической функции оборота. Если деепричастный оборот является обстоятельством образа действия, то он не выделяется в отдельную ЭДЕ, а если является обстоятельством причины или выражает сопутствующие или предшествующие действия, то считается отдельной ЭДЕ.
6. Сериальные конструкции типа *пойду посмотрю, сию читаю* считаются образующими одну ЭДЕ.

Изначально при транскрибировании предпочтение отдавалось тем фрагментам, которые сопровождалась наиболее оживленной жестикуляцией. В полученном нами корпусе кинетическое сопровождение получили 60% предикаций. Опираясь также на данные, представленных в работах [Cassel et al. 1998; McNeill 1992], можно предположить, что доля предикаций с жестами в неформальной устной речи составляет не менее 30%. Необходимо, однако, принять во внимание то, что количество жестов и особенности жестикуляции очень сильно различаются не только у разных людей, но даже у одного человека в разных ситуациях (о факторах, с которыми эти различия связаны, см. в разделе 1.2).

Вопрос о функционировании русских иллюстративных жестов практически не изучен. Еще меньше в отечественной науке уделяется внимания лингвистическим аспектам кинетического поведения. Известные нам работы в области русской кинесики, в которых анализируется накопленный практический материал, направлены главным образом на изучение эмблематических жестов, и все они опираются на открытый набор

---

¹ Под дискурсом в лингвистической литературе обычно понимают речь, вписанную в коммуникативную ситуацию. Различие между понятием дискурса и традиционным представлением о тексте как статической структуре состоит именно в динамическом характере дискурса.

примеров (то есть список примеров в них принципиально не замкнут, см. [Николаева, Успенский 1966; Николаева 1969; Красильникова 1983; Акишина и др. 1991; Горелов, Енгальчев 1991; Крейдлин 1998; Пахарь 1999; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001; Крейдлин 2002] и др.), в других же работах примеры берутся исключительно из художественной литературы [Горелов 1980; Верещагин, Костомаров 1981; Галичев 1986].

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1.1. Классы жестов. В соответствии с классификацией, которая была предложена Д. Эфроном [Efron 1941] и уточнена в монографии Г.Е. Крейдлина [Крейдлин 2002], различаются следующие классы жестов:

(а) эмблемы – имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от лексического контекста (аналоги слов или высказываний, например, **покрутить пальцем у виска** или **показать фигу**²). Эти жесты имеют строго закрепленные за ними условия нормального, или стандартного, употребления, которые вполне допускают словарное описание,

(б) иллюстраторы – сопровождающие какой-то речевой фрагмент (в отличие от эмблем, которые могут употребляться независимо от речи) и связанные с содержанием слов, подробнее об иллюстраторах см. 1.3,

(в) регуляторы – управляющие ходом коммуникативного процесса, то есть устанавливающие, поддерживающие или завершающие коммуникацию (например, **академический кивок**, когда слушающий периодически кивает головой; к регуляторам относятся также отдельные позы собеседников и расстояния между ними; см. [Крейдлин 2002 125–126]). Обычно регуляторы не контролируются и не осознаются, но их присутствие играет важную роль; например, такие жесты существенно уменьшают число наложений реплик в диалоге.

В словаре [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 200] предложено дальнейшее деление эмблематических жестов на общие, дейктические и этикетные (см. схему 1). Общие, или коммуникативно нейтральные, жесты образуют самый большой по объему класс эмблем (например, **погроzić кулаком**, **похлопать рукой по животу**, **хлопнуть себя рукой по лбу**). Некоторые из эмблем содержат в своей семантике указание на участников разворачивающейся ситуации, на некоторый объект, место или время, релевантные для данной ситуации. Такие жесты выделяются в отдельный класс дейктических эмблем. Третий класс эмблем – этикетные, которые говорят о соответствии поведения человека общественным нормам, принятым для данной ситуации, и подчеркивают ритуальные ее особенности. К этикетным относятся такие жесты, как **рукопожатие**, **махать рукой на прощание** или **надевать на палец обручальное кольцо**.

Подробному описанию эмблем посвящен словарь языка русских жестов, из которого взяты последние примеры [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001]. Объектом нашего исследования является другая ветвь схемы 1 – иллюстраторы.

Схема 1

² Курсивом выделяются языковые обозначения жестов и примеры, полужирным шрифтом – названия жестов. Подчеркнутый шрифт будет иногда использоваться для выделения некоторых ключевых слов в соответствующем фрагменте.

Жестовый блок определяется как период времени, заключенный между двумя такими последовательными периодами, когда руки находятся в покое. Он начинается в тот момент, когда руки начинают двигаться, и заканчивается, когда руки возвращаются в начальное (нейтральное) положение. Жестовый блок состоит из одной или нескольких жестовых фраз (или жестовых форм по [Крейдлин 2002]).

В свою очередь, жестовая фраза состоит из нескольких последовательных фаз: экскурсия (термин используется по аналогии с фонетикой), пиковая фаза (называемая также реализацией, или воспроизведением) и рекурсия (см. подробно о кинетических фазах в [Крейдлин 2002: 73]). Поскольку не все фазы бывают явно выражены, обязательной иногда считается только центральная, то есть пиковая, фаза, хотя очевидно, что ей будет предшествовать движение рук из нейтральной позиции (экскурсия), затем будет возвращение рук в нейтральное положение. В пиковой фазе выражается значение жеста; обычно она реализуется в центре тела – в прямоугольнике между плечами, поясом и опущенными руками.

После того, как подготовительная стадия закончена, руки некоторое время могут сохранять свое положение (если по каким-то причинам задерживается пиковая фаза – например, из-за пауз или сбоев в речи). Также после реализации пиковой фазы руки могут оставаться без движения до того момента, как вернутся в нейтральное положение. Если несколько жестов следуют один за другим, то последняя фаза – рекурсия – может отсутствовать.

В работе [Kendon 1980] приведены примеры, иллюстрирующие эти фазы:

1. Жест: руки поднимаются, вытянутые пальцы образуют арку, затем руки резко падают вниз.
Экскурсия: руки поднимаются и образуют арку.
Пиковая фаза: резкое движение вниз.
Фиксация после пика: руки остаются в том положении, в каком они оказались после реализации пиковой фазы.
Рекурсия: пальцы расслабляются.
2. Жест: рука поднимается до уровня груди и делает два подметающих движения вперед-назад.
Экскурсия: рука поднимается.
Пиковая фаза: два движения вперед-назад. Это один пик, хотя движение повторяется дважды.
Рекурсия: рука возвращается в то положение, которое было до начала жеста.

1.3. Иллюстративные жесты. Иллюстративные жесты (иллюстраторы) – это очень большой класс жестов, направленных на передачу информации и выпол-

няющих коммуникативную функцию. Среди их отличительных свойств можно назвать следующие:

- (1) Они обычно сопровождают неформальную устную речь, но не всегда фиксируются сознанием как говорящего, так и слушающего; точнее сказать, они обычно фиксируются на периферии сознания (в работе [Chafe 1994] был предложен термин "фокус сознания", по аналогии с движением взгляда: так, некоторое понятие или референт находятся в "фокусе сознания" говорящего и слушающего, если о них шла речь в только что прозвучавшем высказывании, на периферии сознания будут находиться понятия, имеющие непосредственное отношение к только что названным или названным недавно; в настоящее время понятие "периферия сознания" широко используется в англоязычной литературе).
- (2) Для этих жестов не существует раз и навсегда установленного и всем понятного значения; каждое употребление заново создает связи между означаемым и означающим, и класс жестов-иллюстраторов принципиально открыт.
- (3) В связи с этим иллюстраторы появляются только одновременно с речью, их использует только говорящий, а слушающий в процессе диалога жестами-иллюстраторами не пользуется.

Общее число иллюстраторов может меняться в зависимости от самых разных условий. Например, оно уменьшается, если говорящий

- подавлен,
- устал,
- находится в подчиненном положении по отношению к адресату речевого послания;

и увеличивается

- в неформальной обстановке,
- когда говорящий не очень заботится о впечатлении, которое он производит на окружающих,
- когда реакция слушающего заставляет предположить, что тот не очень понимает, о чем идет речь [Ekman, Friesen 1990].

Если на англо-американском материале жесты-иллюстраторы изучаются уже достаточно давно и подробно³, то в русском языке они остаются практически не затронутыми. Гораздо лучше в России изучен другой класс коммуникативных жестов – эмблем (см., например [Акишина и др. 1991; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001; Крейдлин 2002]), несмотря на то, что иллюстраторы значительно преобладают в повседневной речи. Так, в нашем корпусе устных текстов на 535 иллюстраторов встретилось только 5 эмблем. Можно предположить, что ощущаемый недостаток внимания к иллюстраторам обусловлен и размытостью самого этого класса жестов, трудностями в их формальном определении и классификации, и тем, что собеседники не всегда замечают эти жесты.

Другой особенностью русскоязычной традиции является, как уже говорилось, анализ открытого набора примеров. В нашей работе объектом изучения стал заранее созданный корпус устных текстов. Предполагается, что закрытый список позво-

---

³ Можно упомянуть, например, уже ставшую классикой книгу Дэвида МакНила "Hand and mind: What gestures reveal about thought" [McNeill 1992], подробно описавшую все типы иллюстративных жестов, особенности их значения и употребления. В 2000 г. под его редакцией вышел сборник статей, продолжающих эту тему. В статье [Alibali et al. 2000] содержится экспериментально подтвержденное описание того, что жестикуляция говорящего связана со способом обработки информации и степенью сложности производимых мыслительных операций. В работах Джастин Кассел ([Cassel et al. 1996; 1998; 2000] и др.), описывающих создание программы виртуального собеседника, предлагаются способы моделирования невербального поведения человека с тем, чтобы созданная программа учитывала невербальные сигналы живого собеседника и воспроизводила в ответном послании не только естественную речь, но и паралингвистическое поведение.

ляет точнее и детальнее описать соответствия между словами и жестами, поскольку при анализе мы можем учесть редкие или нехарактерные жестовые употребления. Кроме того, изучение закрытого корпуса примеров позволяет количественно охарактеризовать вероятность появления некоторого жеста в определенном контексте.

1.4. Классификация иллюстративных жестов. В литературе представлено много классификаций иллюстративных жестов, практически все они в той или иной степени восходят к классификации Д. Эфрона [Efron 1941]. Сегодня наиболее распространенной является классификация, предложенная Д. МакНилом [McNeill 1992]. В ней иллюстративные жесты делятся на четыре типа по функциональному признаку, а дополнительное разделение исходит из формы кинетического знака. Первые три типа упоминаются еще Д. Эфроном:

1. Дейктические жесты – говорящий указывает пальцем, рукой (или как-то иначе, например, локтем)

а) на некоторый референт,

– присутствующий при разговоре,
либо

– отсутствующий или воображаемый (например, *Ну вот* [[*Майкл Джордан ну метр девяносто шесть–девяносто восемь там*]]⁴ – говорящий указывает в сторону, как если бы рядом находился Майкл Джордан⁵; *Жизнь может начать с начала* / *Бог* – говорящий указывает в сторону рядом с собой).

б) на некоторую точку во времени или пространстве ([*Подойди*] – говорящий движением руки показывает перед собой, куда именно подойти).

2. Изобразительные жесты – наиболее сложные по форме, они передают слушающему какую-то смысловую информацию, дублируя или дополняя слова (*Просто вот* [*две коробки нагружал книг там, кассет всяких*] – говорящий держит ладони перед собой параллельно друг другу на довольно большом расстоянии, показывая, что книг и кассет было очень много).

3. Кинетические ударения – короткие и простые по форме движения руки, обычно согласованные по времени с ударным слогом в слове (ср.: *В какой-то момент человек отстранявается, оглядывается вокруг и понимает, что что-то было потеряно важное*). В нашей работе этот тип жестов был разбит на два подтипа в зависимости от формы иллюстратора:

3а. Однократные жестовые ударения;

3б. Многократные жестовые ударения – ритмические жесты. Этот тип, как и следующий (четвертый), выделяется впервые. Хотя их особенности неоднократно отмечались в работах по данной теме (см., например, [McNeill 1992; Крейдлин 2002]), ритмические жесты и иллюстративные регуляторы (см. ниже) в отдельные классы не выделялись. Многократные жестовые ударения могут отмечать или каждый слог, или только ударный слог каждого слова в выделяемом фрагменте текста (например *может быть*, [*melbe* *мужа* *стоит* *поме|нять*]?).

Наша гипотеза предполагала проверку обоснованности разделения однократных и многократных жестовых ударений с помощью вербального контекста (с точки зрения их использования в речи). Анализ корпуса подтвердил различия между этими типами.

⁴ Здесь и далее вертикальная черта обозначает основную (пиковую) фазу жеста, квадратные скобки – начало и конец реализации (для протяженных по времени жестов).

⁵ Поскольку еще не разработан метаязык для передачи значений жестов, то смысл каждого жеста будет передаваться описательно, при этом мы будем стремиться к максимальной эксплицитности.

4. Основная функция иллюстративных регуляторов, как следует из самого названия, – это регулировать процесс общения. Эти жесты относятся к сопровождаемой речи так же, как метавысказывания к разворачивающемуся дискурсу, и описывают процесс вербализации и передачи говорящим некоторой информации, структуру дискурса и т.п. Такие жесты обычно относят к разряду изобразительных [McNeill 1992, 2000; Cassel, Prevost 1996; Cassel, Stone 2000, Крейдлин 1992]; при этом по своим свойствам они приближаются к эмблематическим регуляторам в классификации Эфрона (см. 1.1, схему 1). Предлагаемый термин призван отразить возможность использования одного жеста в нескольких функциях (и как иллюстратора, и как регулятора). Хотя Д. Эфрон выделил регуляторы в отдельный класс наряду с эмблемами и иллюстраторами, примеры регуляторных единиц можно найти и в этих двух последних классах. Так, *демонстративный зевок или взгляд на часы* может использоваться слушающим как сигнал говорящему к окончанию беседы, то есть эти жесты выполняют регуляторную функцию, хотя они явно близки к эмблемам. В работе [Крейдлин 2002] упоминается *контакт глаз* как пример эмблематического жеста, являющегося одновременно регулятором (с. 81). Среди иллюстративных регуляторов чаще всего встречаются т.н. *метафоры передачи* (conduit metaphor), которые могут сопровождать вопрос, просьбу, восклицание или обращение. Типичная форма жеста 'метафора передачи' такая: ладонь говорящего раскрыта и развернута вверх, и рука делает движение вперед, к адресату; тем самым говорящий как бы передает на ладони свою реплику слушающему.

В речи разные типы жестов встречаются с разной частотой. Таблица 1 показывает, сколько жестов каждого типа встретилось в нашем корпусе.

Таблица 1

Количество иллюстративных жестов в корпусе из 816 предикаций⁶

Тип жестов	Количество	
	абсолютное количество	%
дейктические	45	8%
изобразительные	197	37%
кинети́ческие ударения:		
– жестовые ударения	137	25%
– ритмические	74	14%
регуляторы	88	16%
всего	541	100%

Отметим, что, по данным из [McNeill 1992], пропорции различных типов иллюстративных жестов в американском варианте английского языка примерно такие же.

Следует учесть, что у всех известных нам классификаций иллюстративных жестов есть один общий недостаток, который состоит в том, что один жест может быть отнесен к разным типам, и вопрос об отнесении к тому или иному классу часто решается с неизбежной субъективностью. По-видимому, правильнее было бы говорить не о типах жестов, а о типах функций, выполняемых некоторой кинетической

⁶ В следующих таблицах, также как и в этой, будут рядом приводиться два значения – абсолютная величина и относительная (в процентах)

единицей в данном контексте, и о преобладании какой-то из этих функций⁷ Так, основными функциями можно назвать

- выделительную (наряду с интонационными и др средствами)
- информативно-изобразительную (передача информации изобразительными средствами)
- регуляторную (направленную на ход коммуникации и структуру дискурса)

Построенная нами функциональная классификация отличается тем, что каждой функции соответствуют те или иные классы жестов. Так, выделительная функция связана с жестовыми ударениями и ритмическими жестами, информативно-изобразительная – с изобразительными жестами, регуляторная – с иллюстративными регуляторами Дейктические жесты иногда используются для выделения, а иногда для облегчения идентификации референта, то есть имеют информативную функцию

2. ФУНКЦИИ И СЕМАНТИКА ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ ЖЕСТОВ

Поскольку иллюстративные жесты имеют крайне размытую семантику, которая к тому же может реализовываться в самых разных по форме движениях рук, только анализ контекста может помочь выявить какие-то закономерности в их употреблении Зная о том, с какими словами в какой синтаксической позиции обычно встречаются или не встречаются жесты определенного типа, можно не только предсказывать кинетическое поведение человека (что имеет огромное значение, например, для компьютерного моделирования речевого и жестового поведения), но и описать функции и семантику таких жестов.

Так, частое сочетание определенных жестов с глаголами в противоположность сочетанию с именными группами (ИГ) позволяет говорить, что в семантике этих жестов преобладает динамический компонент, а их появление исключительно в рематической части высказывания указывает на определенные регуляторные и коммуникативные функции (выделение и передача новой информации). Поскольку соотношение между иллюстративными жестами и речью – это тема почти не разработанная, одним из первых шагов здесь может стать выявление основных морфологических и синтаксических характеристик вербальных коррелятов для иллюстративных жестов, в частности, определение того, какими частями речи и членами предложения могут быть такие корреляты. Далее основное внимание мы уделим сочетанию жестов с синтаксическими единицами Обращение к синтаксису позволяет подобрать ключ и к семантике вербальных коррелятов, и к уточнению места жестовой составляющей в информационном потоке.

2.1. Описание вербальных коррелятов. Вербальный контекст для всех типов жестов был охарактеризован по следующим параметрам, призванным отразить синтаксические и семантические особенности речевых коррелятов жестов. При этом учитываются факторы, определяющие тема-рематическое членение высказывания и его место в дискурсе

I Типы синтаксических составляющих

1 Именные группы (ИГ), которые охарактеризованы по следующим признакам:

(1) степень активированности референта ИГ в сознании собеседников.

Этот признак может принимать четыре значения: новый референт, доступный референт, старый референт и нереферентное употребление⁸ К доступным отнесе-

⁷ Эта мысль была высказана Тимо Зова (Билефельдский Университет, Германия) в личном общении

⁸ Эти понятия используются в соответствии с [Chafe 1994] Новый референт – упоминаемый впервые, старый – о котором говорилось в предыдущей предикации. Понятие доступного занимает промежуточное положение, сюда относятся референты, упоминавшиеся недавно, но не в предыдущей предикации, или имеющие непосредственное отношение к тому, о чем говорится Примером нереферентного употребления может быть родовое понятие: *собака – друг человека*

ны референты, находившиеся в поле зрения участников беседы, но о которых до данного момента не шла речь. Мотивировкой для такого расширенного по сравнению с предложенным Чейфом понятия "доступного" послужила часто используемая метафора, соотносящая активацию некоторого понятия в сознании с движением и фокусированием взгляда (старое соотносится с тем, на что направлен взгляд, доступное – с тем, что находится на периферии поля ясного видения, а новое – с тем, что находится вне поля зрения);

(ii) синтаксическая роль ИГ в предикации.

Этот признак может принимать пять значений: подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение, обстоятельство, именная часть сказуемого.

2. Одиночные глаголы, глагольные группы (ГГ) и модальные слова (*должен, можно* и пр.), для которых указывались:

(i) принадлежность к одному из восьми широко известных семантических типов.

Различались следующие типы глаголов: (1) мысли, (2) речи, (3) движения и (4) чувства и восприятия; остальные были поделены на (5–6) глаголы действия и (7–8) состояния, и два этих последних класса – на интерпретативные⁹ (за которыми не стоит конкретного физического действия) и конкретные. Так, слова *бросить, останавливаться, оглядываться, заткнуть (уши), трогать* попали в группу глаголов конкретного (физического) действия; *рисковать, происходить, избежать (ошибок)* – интерпретативные глаголы действия; *сидеть, стоять, висеть* – конкретные глаголы состояния; *собираться (замуж), дружить, иметь (претензии)* – интерпретативные глаголы состояния.

Несомненно, что каждый из этих восьми типов по-своему связывает пространственную реализацию называемого действия и потенциальное кинетическое сопровождение.

(ii) грамматическая форма глагола: (1) причастия и деепричастия, (2) инфинитивы в инфинитивных оборотах, (3) императивы, (4) безличные глаголы, (5) глаголы с модальными словами и (6) остальные – финитные формы в полных предложениях.

3. Наречия: (1) времени, (2) места, (3) меры и (4) образа действия.

4. Междометия.

5. Союзы.

6. Дискурсивные маркеры (вводные слова, или "полнозначные" дискурсивные маркеры, и "слова-паразиты")¹⁰. Первые делились на (1) текстовые (*значит, следовательно*), (2) интеракционные (*понимаешь, ты знаешь*), (3) когнитивные (*насколько я понимаю*), (4) эвиденциальные (*наверное*), (5) формулы вежливости (*здравствуйте, пожалуйста*) и (6) относящиеся к выбору слов, условно названные речевыми (*так сказать, грубо говоря*)¹¹. "Слова-паразиты" были выделены в отдельную группу.

7. Целые предикации как речевые корреляты учитывались только при рассмотрении протяженных по времени ритмических жестов и иллюстративных регуляторов.

II. Особые функциональные и грамматические типы высказываний.

Отмечались следующие типы: цитата (прямая речь), повтор, переформулировка (небуквальный повтор одного из предыдущих высказываний), метавысказывания (относящиеся к собеседникам, обстоятельствам разговора или разворачивавшемуся дискурсу).

⁹ Мы пользуемся термином, предложенным Ю.Д. Апресяном.

¹⁰ Русская терминология в этой области не разработана, поэтому, говоря о дискурсивных маркерах, мы будем пользоваться данными обозначениями, которые хоть и не вполне удачны, по крайней мере, как кажется, понятны.

¹¹ Здесь мы опирались на классификацию У. Чейфа для регуляторных интонационных единиц [Chafe 1987].

III. Наличие речевых сбоев в дискурсе, связанных с прерыванием речевого потока (паузы хезитации, резкая остановка речи и повторы слов, частей высказываний, слогов или фонем), а также самокоррекции, когда после незавершенного (неправильного) высказывания следовал полный (правильный) вариант¹².

Основной нашей задачей было показать зависимость поведения иллюстративных жестов от перечисленных признаков. Статистическая достоверность выявленных различий между отдельными группами иллюстративных жестов, представленных в таблицах 2–8, проверялась по критерию χ^2 . Далее при описании особенностей разных типов жестов перед таблицей будет указываться, если вероятность ошибки превышала 0.05.

2.2. Общие особенности вербального контекста иллюстративных жестов. Нам удалось выявить следующие тенденции, общие для разных типов иллюстративных жестов. Чаще всего жестовое сопровождение получали именные и глагольные группы и наречия (около 20% всех таких составляющих в нашем корпусе), несколько реже – разного рода вводные слова – 15%, и реже всего – "слова-паразиты" (6%). Это распределение показывает, что иллюстраторы чаще всего сопровождают достаточно значимые слова, с которыми прежде всего связаны такие функции жестов, как участие в обработке и передаче информации.

Аналогичным образом можно проанализировать особенности каждого типа составляющих с точки зрения контекста, наиболее привлекательного для кинетического сопровождения. Для ИГ вероятность появления аккомпанирующих иллюстративных жестов определяется степенью активированности соответствующего референта в сознании собеседников. Чаще всего жесты отмечают новые референты, в меньшей степени это относится к доступным, а старые с жестами встречаются очень редко (см. табл. 2).

Таблица 2

Активированность референта ИГ в сопровождении иллюстративных жестов

Степень активированности референта	Дейктические жесты		Изобразительные жесты		Кинетические ударения				Регуляторы	Всего ИГ с жестами		Всего ИГ в корпусе (=100%)	
					Жестовые ударения		Ритмические жесты						
новые	3	2%	29	16%	17	9%	15	8%	2	1%	66	37%	179
доступные	14	8%	18	9%	9	5%	11	6%	3	2%	55	29%	192
старые	20	4%	5	1%	9	2%	9	2%	4	1%	47	9%	516
нереферентное употребление	2	1%	16	9%	4	2%	14	8%	3	2%	39	23%	173
всего ИГ	39	4%	68	6%	39	4%	49	5%	12	1%	207	20%	1060

Синтаксическая роль ИГ слабее связана с появлением иллюстраторов, однако данные таблицы 3 косвенно указывают на связь кинетического сопровождения с тема-рематическим членением высказывания. Как известно, подлежащее в русском языке обычно занимает позицию темы высказывания, а дополнения и обстоятельства, а также именная часть сказуемого (что более характерно для нереферентных употреблений), обычно составляют рему. Из таблицы 3 видно, что доля обстоятельств (26%) и именных сказуемых (26%) в сочетании с жестами больше, чем в среднем для ИГ по

¹² Эти понятия используются в соответствии с [Postma, Kolk, Povel 1990].

корпусу (20%), а доля подлежащих и прямых дополнений – меньше. Это обстоятельство можно проинтерпретировать как подтверждение того факта, что кинетические иллюстраторы чаще всего направлены на выделение рематической части высказывания.

Таблица 3

Синтаксическая роль ИГ в сопровождении иллюстративных жестов

Синтаксическая роль ИГ	Дейктические жесты		Изобразительные жесты		Кинетические ударения				Регуляторы		Всего ИГ с жестами		Всего в корпусе (=100%)
					Жестовые ударения		Ритмические жесты						
подлежащее	14	3%	28	5%	22	4%	6	1%	19	4%	89	17%	516
прямое дополнение	4	2%	11	6%	5	3%	1	1%	7	4%	28	16%	180
косвенное дополнение	1	3%							2	6%	3	9%	33
обстоятельство	20	9%	17	74%	14	6%	2	1%	8	3%	61	26%	232
именная часть сказуемого			12	12%	8	8%	3	3%	3	3%	26	26%	99
всего ИГ	39	4%	68	6%	49	5%	12	1%	39	4%	207	20%	1060

Таблица 4

Семантические типы глаголов (в т.ч. в составе ГГ и предикаций, полностью выделенных жестами)

Семантические типы глаголов: глаголы	Изобразительные жесты		Кинетические ударения				Регуляторы		Всего глаголов с жестами		Всего глаголов в корпусе (=100%)
			Жестовые ударения		Ритмические жесты						
мысли	11	16%	8	12%	5	7%	3	4%	27	39%	69
речи	4	5%	3	4%	5	6%	3	4%	15	19%	78
движения	19	25%	4	5%	4	5%	2	3%	29	38%	77
чувства	2	7%	2	7%	1	3%	3	10%	8	27%	30
интерпретативные глаголы действия	17	12%	8	6%	13	9%	7	5%	45	31%	143
конкретного действия	25	33%	5	7%	6	8%	3	4%	39	51%	76
интерпретативные глаголы состояния	3	6%	3	6%	8	16%	4	8%	18	37%	49
конкретного состояния	4	33%	1	8%	1	8%	2	17%	8	67%	12
всего с глагольными сказуемыми	87	16%	35	6%	44	8%	27	5%	193	36%	539

Нами было обнаружено, что в сочетании иллюстративных жестов с глаголами основную роль играет семантика; при этом картина получается довольно-таки неожиданная и допускающая разные интерпретации (табл. 4). Глаголы речи и чувства и восприятия редко встречаются с иллюстраторами, а доля глаголов мысли в сочетании с ними несколько больше, чем во всем корпусе. Судя по англоязычным источникам (см., например, [Gullberg 1995]), можно было бы ожидать частого сочетания с жестами глаголов движения, однако наши данные не подтверждают этого: глаголы движения с жестами появляются столь же часто, сколь и глаголы в среднем.

Глаголы конкретного действия и состояния (которые предполагают пространственную реализацию и, таким образом, более доступны для кинетического сопровождения) существенно чаще встречаются с жестами, чем глаголы всех остальных групп. При этом доля интерпретативных глаголов, получивших жестовое сопровождение, примерно такая же, как во всем корпусе, хотя здесь можно было бы ожидать их более редкого сочетания с кинетическими иллюстраторами.

Впрочем, эти показатели существенно различаются для разных типов жестов. Факт расхождения, конечно, требует гораздо более детального анализа и комментариев, чем те, что предлагаются ниже. Тем не менее, общая закономерность прослеживается довольно четко: это редкое сочетание с жестами глаголов речи (они часто встречались в конструкциях, вводящих содержательную и важную информацию например, *я говорю <...>*, *а он отвечает <...>*). Можно предположить, что в подобных конструкциях глаголы речи играют не слишком большую информативную роль и именно поэтому не нуждаются в дополнительном выделении путем кинетического сопровождения.

Также по-разному для разных типов кинетических иллюстраторов связано появление жеста с грамматической формой глагола (табл. 5).

Таблица 5

Грамматические формы глаголов (в т.ч. в составе ГГ и предикаций, полностью выделенных жестами)

Грамматические формы глаголов	Изобразительные жесты	Кинетические ударения		Регуляторы	Всего глаголов с жестами	Всего глаголов в корпусе (=100%)		
		Жестовые ударения	Ритмические жесты					
причастные формы		4	31%		4	31%	13	
инфинитивы	7 14%	5	10%	7 14%	19	39%	49	
императивы							3	
безличные глаголы	5 22%	2	9%	2 9%	9	39%	23	
глаголы с модальными словами	8 15%	4	8%	6 11%	5 9%	23	43%	53
финитные формы	67 17%	20	5%	27 7%	22 6%	136	34%	396
всего глаголов	87 16%	35	6%	44 8%	27 5%	193	36%	539

Число наречий и дискурсивных маркеров было недостаточно для подтверждения статистической достоверности наблюдаемых особенностей. Однако при описании отдельных типов жестов эти данные следует принимать во внимание, поскольку они помогают раскрыть специфику иллюстраторов разных типов. Данные по этим двум группам вербальных коррелятов представлены в табл. 6 и 7.

Наречия и иллюстративные жесты¹³

Семантические типы наречий: наречия	Дейктические жесты		Изобразительные жесты		Кинетические ударения				Ритмические жесты	Всего наречий с жестами	Всего наречий в корпусе		
					Жестовые ударения		Регуляторы						
времени	3	4%	4	5%	4	5%	1	1%		12	16%	75	
места	2	6%	2	6%	1	3%	1	3%		6	19%	31	
меры			1	5%	4	19%			1	5%	6	29%	21
образа действия	1	1%	13	13%	10	10%	2	3%			26	26%	102
всего наречий	6	3%	20	9%	19	8%	4	2%	1	<1%	50	22%	229

Таблица 7

Дискурсивные маркеры и иллюстративные жесты¹⁴

Типы дискурсивных маркеров	Изобразительные жесты		Жестовые ударения		Регуляторы		Всего дискурсивных маркеров с жестами		Всего дискурсивных маркеров в корпусе
текстовые	2	11%	2	11%			4	21%	19
интеракционные	3	11%	2	7%			5	18%	28
когнитивные			2	12%	1	6%	3	18%	17
эвиденциальные	2	6%			2	6%	4	13%	32
формулы вежливости					1	11%	1	11%	9
речевые					1	8%	1	8%	13
"слова-паразиты"	2	1%	10	4%	3	1%	15	6%	235
всего дискурсивных маркеров	9	3%	16	6%	8	2%	33	9%	353

Далее взаимосвязь между разными типами иллюстраторов и вербальными единицами будет описана более точно. В качестве примера мы подробно рассмотрим дейктические жесты – по той причине, что они чаще других типов иллюстраторов оказываются одинаковыми у говорящих на разных языках, что, в свою очередь, связано, видимо, с тем, что дейктические жесты являются самым древним классом в системе кинетических знаков (см. об этом подробно в [Крейдлин 2002]).

¹³ В связи с небольшим числом встреченных примеров эти различия статистически недостоверны (вероятность ошибки первого рода по критерию $\chi^2 p = 0.6$).

¹⁴ В связи с небольшим числом встреченных примеров эти различия статистически недостоверны (вероятность ошибки первого рода по критерию $\chi^2 p = 0.32$).

3. ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЖЕСТЫ

Дж. Лайонз указывал, что для понимания высказывания, содержащего дейктические элементы, слушающему необходимо опираться на ситуационный контекст, который включает в себя говорящего и слушающего, действия, совершаемые ими в данный момент, а также различные объекты и события [Лайонз 1978]. Ч. Филлмор говорит об обязательной "зацепленности" дейктических единиц за некоторый социальный контекст, в котором происходит общение ([Fillmore 1982], цит. по [ЧФЯ 1992]). Отсюда следует, что, когда высказывание подкрепляется дейктическими жестами, присутствие показываемого референта в поле зрения участников более вероятно, чем когда используются только языковые средства. С помощью жестов говорящий показывает адресату то, что тот должен увидеть, чтобы правильно проинтерпретировать жест.

В связи с таким представлением о дейксисе естественно, что референт ИГ, сопровождаемой дейктическим жестом, является обычно старым или доступным (такие случаи составляют 66% от всех ИГ с дейктическими жестами, см. табл. 2). Основная функция этих жестов – показать на некоторый объект, который может служить иллюстрацией к произносимым словам. Поэтому чаще всего такие жесты по смыслу соответствуют ИГ (87%), в прототипическом случае – называющим референта в поле зрения участников коммуникации. Остальные дейктические жесты (13%) по смыслу соответствовали наречиям.

Мы выделяем три основные стратегии использования дейктических иллюстраторов в контексте именных групп – с учетом их синтаксической роли и степени активированности референта.

1. Дейктический жест может указывать на смену протагониста, под которым мы понимаем главного героя в данном отрезке дискурса – персонажа, о котором идет речь, – в случае, если жест сопровождает подлежащее, называющее активированного референта. Например, в начале истории, идущей сразу, без какого-либо перерыва, за анекдотом предыдущего рассказчика, говорящий произносит: *Мы с Анатолием уже много лет очень работаем* – и указывает на Анатолия.

2. Дейктические жесты могут встречаться в контексте сопоставления или контрастного выделения (с доступными и новыми подлежащими, а также с доступными и старыми дополнениями и обстоятельствами). Например, *Да я не про вас говорю, [а про соседку]* – контрастивное выделение сопровождается указанием на соседку; *одна артистка у нас пришла в песчовом воротнике, а на заводе – по цехам ходим – здесь [мартен, пламя]* – сопоставление.

3. Возможно также использование дейктических жестов с новыми дополнениями и обстоятельствами в функции простого, не контрастивного выделения, когда говорящий размещает очередного называемого референта, реально не присутствующего при разговоре, рядом с собой (в личном жестовом пространстве), как бы представляя его слушателям.

В работах по кинесике на материале английского языка [Cassel, Prevost 1996; McNeill 1992] описывается возможность использования дейктических иллюстраторов с новыми референтами в речи для снятия возможных неоднозначностей. Это выглядит так, что говорящий "размещает" перед собой нескольких героев, а затем с помощью кинетических знаков уточняет, кого именно имеет в виду. При этом было отмечено, что, говоря о разных действующих лицах, можно обойтись местоимениями третьего лица.

В нашем корпусе такого использования жестов для повторных номинаций объектов не встречалось. Выдвинем предположение, что эта функция нехарактерна или вообще не используется в устном русском дискурсе, а однократное "указание" на некоторого героя, на самом деле не присутствующего при разговоре, служит для выделения соответствующего референта и облегчения его активации (например, *Ну вот [Майкл Джордан ну метр девяносто шесть–девяносто восемь там]*).

Помимо ИГ, дейктические жесты по смыслу могут соответствовать наречиям (других случаев в исследованном нами корпусе не встретилось). Закономерно, что наречия (в подавляющем большинстве) были с дейктической семантикой – общеизвестные наречия места (*тут, там*) и времени (*раньше, теперь, сейчас*). При этом жест может отражать общепринятые метафоры (прошлое – сзади, будущее – спереди), или иллюстратор может опираться на предыдущий вербальный контекст. Например, говорящий одновременно со словами "*там же*" может показывать в сторону слушающего, как бы призывая его восстановить в памяти содержание предыдущих высказываний, или в пол перед собой, как если бы собеседники находились в описанной ситуации мира дискурса.

Дейктические иллюстраторы обладают очевидной и легко распознаваемой семантикой, и в связи с этим момент появления такого иллюстратора в высказывании не всегда строго предопределен. Он может появиться одновременно с предыдущим или следующим словом или даже за несколько слов до своего вербального коррелята, и значение его будет понятно адресату (например, *Вы помните те времена, там, семидесятые-восемидесятые годы? Или Это было все раньше там* – говорящий показывает назад, в метафорическое жестовое пространство прошлого). По времени жесты могут совпадать с любыми синтаксическими составляющими, будь то ИГ, ГГ, дискурсивные маркеры, или даже с целыми высказываниями. При этом смысл жеста остается понятным, и референт, к которому жест относится, всегда можно идентифицировать.

Таблица 8

Сочетание иллюстративных жестов с некоторыми типами высказываний

Типы высказываний	Дейктические жесты	Изобразительные жесты	Кинетические ударения		Регуляторы	Всего высказываний с жестами	Всего высказываний в корпусе (100%)
			Жестовые ударения	Ритмические жесты			
цитата (прямая речь)	8 7%	23 20%	20 17%	21 18%	5 4%	77 66%	116
повтор		1 7%	2 14%		1 7%	4 29%	14
переформулировка		9 47%	5 26%			14 74%	19
метавысказывание	3 7%	8 19%	2 5%	2 5%	8 19%	23 53%	43
остальные	32 5%	143 23%	76 12%	54 9%	66 11%	371 59%	624
всего высказываний с жестами	43 5%	184 23%	105 13%	77 9%	80 10%	489 60%	816

Примечание. В некоторых предикациях появлялось несколько жестов одного или разных типов. В предпоследнем столбце (2-м справа) высказывания, в которых было несколько жестов разных типов, учитывались один раз.

В рамках целого дискурса дейктические иллюстраторы часто сопровождают метавысказывания и цитаты (см. табл. 8). Обычно метавысказывания в сопровождении жестов относятся к своего рода вступительной части, где говорящий сообщает что-то о себе, о присутствующих рядом или о своих намерениях относительно других лиц, также присутствующих при разговоре. В случае с цитатами дейктические жесты иллюстрируют прямую речь, перенося слушателя в описываемые обстоятельства и таким образом добавляя живости и реалистичности рассказу.

Изучение различных сбоев и рассогласований между речью и иллюстративными жестами позволяет получить дополнительную информацию о речевом замысле го-

ворящего, не выраженном в словах. Так, нам встретились случаи, когда жест совпал по времени с незавершенным "неправильным" высказыванием, после которого следовала самокоррекция (т.е. говорящий сам себя поправлял и продолжал свою реплику). При этом по смыслу жест соответствовал правильному варианту (например, *Я отношусь вот [к... Я хотела бы у Павла] спросить* – произнося эти слова, женщина с самого начала показала на Павла; или *Знаете, я – Вы Мышкина играете, да?* – говорящий, произнося я, показал на собеседника). Такие примеры говорят о том, что кинетические средства передачи информации иногда точнее передают намерение говорящего и в целом могут дать слушающему ключ для понимания хода мыслей и эмоционального состояния говорящего.

4. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ЖЕСТЫ

Изобразительные жесты чаще других иллюстраторов встречаются с высказываниями, относящимися к описанию мира дискурса (ср. с действительными жестами, сопровождающими также метавысказывания), которые к тому же тяготеют к главной линии рассказа¹⁵. Таким образом, изобразительные жесты, способные передавать более разнообразную информацию, чаще всего появляются с фрагментами речи, более важными в дискурсе и наиболее содержательно нагруженными.

В рамках предикации почти половина изобразительных иллюстраторов соответствовала глаголу или ГГ (ср. с действительными жестами, которые соответствовали только ИГ или наречиям – см. табл. 9). При этом среди глаголов речевыми коррелятами изобразительных жестов более чем в половине случаев оказывались слова, описывающие действия или состояния с конкретной пространственной реализацией (в т.ч. глаголы движения). Однако возможность использования различных метафор значительно расширяет сферу применения изобразительных жестов (например, *Рискну и начну жизнь сначала* – рука делает резкое движение вниз, что означает решимость).

Таблица 9

Иллюстративные жесты и синтаксические составляющие

Синтаксические составляющие	Дейктические жесты		Изобразительные жесты		Кинетические ударения				Регуляторы	Всего синтаксических составляющих с жестами в корпусе (100%)	
					Жестовые ударения		Ритмические жесты				
ИГ	39	19%	68	33%	49	24%	12	6%	39	19%	207
глаголы и ГГ			50	48%	31	30%	12	11%	13	11%	105
наречия	6	12%	20	39%	19	37%	1	2%	4	10%	51
междометия			4	100%							4
союзы			1	25%	3	75%					4
дискурсивные маркеры			9	27%	16	48%			8	24%	33
предикации			45	40%			49	44%	18	16%	112
незавершенные высказывания					13	68%			6	32%	19
всего синтаксических составляющих	45	8%	197	37%	137	25%	74	14%	88	16%	541

¹⁵ Противопоставление высказываний как относящихся к главной линии или фону рассказа используется нами согласно работе [Labov 1972].

Особенности ИГ, сопровождаемых изобразительными иллюстраторами, подтверждает их направленность на выделение новой информации: в подавляющем большинстве это такие, которые относятся к рематической части. Редкие случаи появления этих жестов с ИГ, входящими в тему высказывания, связаны с появлением нового или доступного референта, то есть и здесь изобразительные иллюстраторы помогают говорящему и слушающему обработать новую (и важную в дискурсе) информацию.

Только изобразительные жесты сопровождали междометия, причем основная смысловая нагрузка ложилась на кинетические знаки, а в речи были выражены экспрессивные значения (например, *Она йоп!* – и в обморок – рука, поднятая вертикально вверх от локтя, показывает падение навзничь).

Также отличает эти жесты возможность сочетаний с любым типом синтаксических составляющих (от последовательностей целых предикаций до союзов и междометий). Этот факт служит подтверждением того, что изобразительные иллюстраторы способны передавать самые сложные и разнообразные значения.

5. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ

Среди иллюстративных регуляторов, выделенных в нашей работе, 90% составили метафоры передачи (по [Лакофф, Джонсон 1987]): говорящий протягивает адресату открытую ладонь, развернутую вверх, как будто передает на руке свои слова. В нашем корпусе чаще всего речевыми коррелятами иллюстративных регуляторов были более статические синтаксические элементы – ИГ и дискурсивные маркеры (ср. с изобразительными жестами, часто соответствующими ГГ или предикациям). По-видимому, это связано с доступностью соответствующих слов для метафорических преобразований, согласно которым слова, сопровождаемые этими жестами, передаются на ладони как небольшой предмет.

Среди отличительных особенностей иллюстративных регуляторов следует отметить их частое сочетание с метавысказываниями, а также с референтами, обеспечивающими связь между двумя соседними смысловыми абзацами. Кроме того, перед высказываниями в сопровождении иллюстративных регуляторов часто появлялись паузы хезитации. На основании последнего факта можно сделать вывод, что иллюстративные регуляторы направлены на выделение фрагментов, сложных для говорящего или по крайней мере требующих дополнительного внимания, что заставляет его обращать внимание адресата на процесс передачи соответствующей мысли и пользоваться кинетическими знаками.

Буквальный смысл жеста "метафора передачи" также часто используется в речи: три из четырех дативных дополнений в корпусе, выделенных жестами, были выделены иллюстративными регуляторами.

Кроме того, эти жесты отличает частое сочетание с дискурсивными маркерами, прежде всего с речевыми (отражающими процесс выбора слов говорящим, например: *если можно так выразиться, грубо говоря*) и с эвиденциальными (*на самом деле, естественно*). Таким образом, в сочетании иллюстративных регуляторов с дискурсивными маркерами проявляются две тенденции в употреблении этих жестов, а именно: их направленность на формальную сторону оформления речевого замысла (аналогично тому, как эти жесты выделяли связки между смысловыми абзацами) и обращение к слушающему, когда ему передается некоторая мысль, сложная для говорящего или имеющая личную направленность.

Последняя особенность в употреблении этих жестов соотносится с преобладанием среди глаголов, выделенных иллюстративными регуляторами, таких, которые так или иначе описывали состояние говорящего, физическое или эмоциональное (треть глаголов, выделенных иллюстративными регуляторами, относится к группе чувства и восприятия), и отчасти с тем фактом, что перед высказываниями с этими жестами часто появлялись паузы хезитации.

6. ЖЕСТОВЫЕ УДАРЕНИЯ

Жестовые ударения отличаются тем, что только они чаще среднего сопровождали речевые сбои (повторы, паузы hesitation, незавершенные высказывания) и дискурсивные маркеры. Можно предположить, что именно этому типу иллюстраторов присуща функция снятия напряжения у говорящего, которую часто упоминают, говоря об иллюстративных жестах [Dittman, Lewelyn 1969; Krauss et al. 2000: 264]. Кроме этого при речевых сбоях жестовые ударения служат для удержания внимания слушающего: говорящий таким образом сигнализирует, что не закончил свою реплику.

К этой группе употреблений примыкает маркирование второстепенных речевых фрагментов с помощью жестовых ударений. Такие короткие движения руки могут сопровождать повторы и примечания к основной части высказывания (например, повторные названия одного референта). Грамматическая форма предикатов, выделяемых жестовыми ударениями (очень часто это были деепричастия и инфинитивные обороты) говорит об удаленности соответствующей предикации от главной линии дискурса. Аналогичным образом, используя эти жесты с глаголами мысли и чувства, говорящий, по всей видимости, указывает на второстепенное значение замечаний о своих соображениях и ощущениях по отношению к описываемой истории.

С другой стороны, жестовые ударения могут использоваться с короткими словами для выделения, но в таких употреблении эти жесты являются менее "сильным" средством по сравнению с другими иллюстраторами. В такой функции жестовые ударения сопровождают ИГ, наречия и союзы (последние два грамматических класса не всегда допускают возможность иллюстрации с помощью кинетических средств, даже с использованием метафор, так что простая форма жестовых ударений является существенным условием, обеспечивающим востребованность выделительной функции этих жестов).

7. РИТМИЧЕСКИЕ ЖЕСТЫ

Поскольку ритмические жесты по определению – протяженные во времени, их речевыми коррелятами не могут быть короткие слова. Чаще всего (две трети употреблений ритмических жестов) они соответствуют целым высказываниям. В противоположность жестовым ударениям, ритмические иллюстраторы сопровождают высказывания, которые занимают достаточно важное место в дискурсе и часто выражают главную мысль в своем смысловом абзаце. Тот факт, что перед высказываниями с такими жестами ни разу не было пауз hesitation или речевых сбоев, позволяет сделать вывод, что соответствующая мысль должна быть достаточно продумана к моменту ее озвучивания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая полученные результаты, можно коротко описать типичный контекст для разных типов иллюстративных жестов следующим образом. Дейктические жесты обычно соответствуют референтным ИГ, выполняя функцию идентификации и выделения, или в контексте сопоставления; несколько реже они появляются с наречиями, в семантике которых содержится понятие дейксиса (места и времени). Изобразительные жесты чаще всего отмечают новую информацию, важную на данном отрезке дискурса, помогая говорящему сформулировать, а слушающему – понять речевое послание. Иллюстративные регуляторы, представленные в основном метафорами передачи, могут использоваться для выделения слов и словосочетаний, важных для сохранения связности дискурса, или же указывать на важность данного фрагмента для говорящего. Жестовые ударения могут использоваться как меньший по интенсивности вариант ритмических жестов – с короткими словами (наречия, дискурсивные маркеры), или же как указатель отступлений, примечаний и др. малоинформативных фрагментов; часто они появляются при речевых сбоях. Наконец,

ритмические жесты используются также для выделения важных в дискурсе фрагментов, но достаточно длинных (обычно это целое высказывание) и которые не предполагают иллюстрации в виде изобразительного жеста

Хотя иллюстраторы обычно считаются абсолютно произвольными, так что на основании одного только вербального контекста предсказать их форму невозможно, некоторые закономерности все же прослеживаются. Например, для всех случаев практически една форма метафоры передачи, с учетом подтипов, когда пиком оказываются разные стадии реализации одного прототипического жеста – "передачи" слов на открытой ладони (говорящий только "показывает" свое сообщение, не делая движения вперед, к адресату, или даже не раскрывает ладонь, "держа" свое послание в руке как в чаше). Очевидно, что существует несколько типичных видов дейктических жестов (показать пальцем, рукой и пр.). Для изобразительных жестов форма часто определяется пространственными характеристиками иллюстрируемого объекта или действия

По всей видимости, непредсказуемость формы иллюстративного жеста объясняется явно не недостаточной изученностью этой сферы кинесики. Как в интонации существуют стандартные модели и при этом возможны вариативность и индивидуальные особенности, так и в движениях рук говорящего в перспективе возможно будет и выделить типичные формы и общие закономерности, и описать наиболее частотные варианты.

В настоящей работе были описаны особенности типичных контекстов для разных типов жестов. Эти контексты могут быть оценены только как более вероятные, соответствующие некоторым функциям и имплицитным значениям иллюстративных жестов. Для того, чтобы стало возможным прогнозировать кинетическое поведение человека, требуется рассмотреть намного больше характеристик спонтанной речи, чем это было сделано в данной работе, и более точно описать условия, определяющие момент наложения иллюстративного жеста на речь. Анализ соотношений вербального и невербального поведения должен стать предметом дальнейших лингвистических и семиотических исследований

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишина и др 1991 – А А Акишина Х Кано, Т Е Акишина Жесты и мимика в русской речи // Лингвострановедческий словарь М, 1991.
- Верещагин, Костомаров 1981 – Е М Верещагин, В Г Костомаров О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // ВЯ 1981 № 1
- Галичев 1986 – А И Галичев Сопоставительное описание некоторых элементов кинесики и проксемики носителей немецкого и русского языков // Перевод и проблемы сопоставительного изучения языков / Под ред В М Нечаевой М 1986
- Горелов 1980 – И.Н. Горелов Невербальные компоненты коммуникации М, 1980
- Горелов, Енгальцев 1991 – И Н Горелов В Ф Енгальцев Безмолвный мысли знак М, 1991
- Григорьева Григорьев, Крейдлин 2001 – С А Григорьева Н В Григорьев, Г Е Крейдлин Словарь языка русских жестов М, Вена, 2001
- Красильникова 1983 – Е.В Красильникова Жест и структура высказывания в разговорной речи // Русская разговорная речь Фонетика, морфология, лексика, жест / Под ред Е А Земской. М, 1983
- Крейдлин 1998 – Г Е Крейдлин Семантические типы жестов // Лики языка К 45-летию научной деятельности Е А Земской / Под ред М.Я Гловинской и др М, 1998
- Крейдлин 2002 – Г Е Крейдлин Невербальная семиотика. М, 2002
- Лайонз 1978 – Дж. Лайонз Введение в теоретическую лингвистику М, 1978
- Лакофф Джонсон 1987 – Дж Лакофф М Джонсон Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия М, 1987
- Литвиненко 2001 – А О Литвиненко Описание структуры дискурса в рамках Теории Риторической Структуры: применение на русском материале // Труды международного семинара Диалог 2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям Т 1 Теоретические проблемы. Аксаково, 2001

- Николаева 1969 – *Т М Николаева* Структура речевого высказывания и национальная специфика жеста // Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы М, 1969.
- Николаева, Успенский 1966 – *Т М. Николаева, Б А Успенский* Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей славянской типологии М., 1966.
- Пахарь 1999 – *А В Пахарь* Семантика и коммуникативные функции кинесических средств общения Автореф дис .. канд. филол наук М, 1999
- ЧФЯ 1992 – Человеческий фактор в языке Коммуникация, модальность, дейксис М, 1992
- Alibali et al 2000 – *M W Alibali, S Kita A.J. Young* Gesture and the process of speech production We think therefore we gesture // *Language and cognitive processes* 15 (6) 2000
- Cassell et al. 1998 – *J Cassell D McNeill K E McCulough* Speech-gesture mismatches: Evidence for one underlying representation of linguistic and non-linguistic information // *Pragmatics and cognition*, 6 2. 1998
- Cassell Prevost 1996 – *J Cassell S Prevost*. Distribution of semantic features across speech and gesture by humans and computers // *Proceedings of the workshop on the integration of gesture in language and speech* 1996.
- Cassell Stone 2000 – *J Cassell, M Stone* Coordination and context-dependence in the generation of embodied conversation // *International natural language generation conference* June 12–16. Mitzpe Ramon; Israel. 2000
- Chafe 1987 – *W Chafe*. Integration and involvement in speaking, writing and oral literature // D. Tannen Spoken and written language: exploring orality and literacy. Norwood, 1987
- Chafe 1994 – *W. Chafe* Discourse consciousness and time. Chicago, 1994
- Dittmann, Llewelyn 1969 – *A T Dittmann, L G Llewelyn* Body movement and speech rhythm in social conversation // *Journal of personality and social psychology* 23 1969
- Efron 1941 – *D Efron* Gesture and environment. New York (2-nd edition 1972 *Gesture, race and culture*), 1941
- Ekman Friesen 1990 – *P Ekman, W. Friesen* Hand movements // *The nonverbal communication reader* Illinois. 1990
- Fillmore 1982 – *Ch Fillmore*. Towards a descriptive framework for spatial deixis // *Speech, place and action* Chichester, 1982
- Gullberg 1995 – *M Gullberg* Giving language a hand: gesture as a cue-based communicative strategy // *Working papers of Lund University, Dept. of Linguistics* 44 1995
- Kendon 1980 – *A. Kendon* Gesticulation and speech two aspects of the process of utterance // M.R. Key (ed.) *The relation between verbal and nonverbal communication*. The Hague, 1980.
- Krauss et al 2000 – *R Krauss, Y Chen R Gottesmann*. Lexical gestures and lexical access: a process model // D. McNeill (ed.). *Language and gesture*. Cambridge, 2000
- Labov 1972 – *W. Labov*. Language in the inner city studies in the Black English vernacular Philadelphia 1972.
- McNeill 1992 – *D McNeill* Hand and mind: what gestures reveal about thought Chicago, 1992.
- McNeill 2000 – *D McNeill* ed Language and gesture Cambridge, 2000
- Postma Kolk, Povel 1990 – *A Postma H Kolk D -J Povel* On the relation among speech errors, disfluencies and self-repairs // *Language and speech* 33 (1). 1990

© 2004 г. А.Д. КОШЕЛЕВ

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ ПРИСТАВКИ *О-/ОБ-*

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена описанию наиболее общих значений приставок *о-* и *об-*. У этого вопроса большая история (подробно об этом см. в [Кронгауз 1998: 132]). До сих пор неясно, разные это приставки или алломорфы (вместе с *обо-*) одной приставки. Мы придерживаемся последней гипотезы и показываем, что выявляемые ниже общие значения присущи обоим приставкам (с одной оговоркой, сделанной в замечании в этом же пункте). Поэтому далее будем говорить об одной приставке *о/об-*.

Несколько слов следует сказать о природе выявляемых общих значений. По существу эти значения представляют собой довольно абстрактные, но в то же время содержательные схемы действительности, которые приписываются последней в процессе языковой (и референциальной) деятельности человека, давая, тем самым, этой действительности смысловую интерпретацию. Именно посредством таких общих значений и осуществляется языковая концептуализация действительности. Поэтому нам кажется уместным называть эти общие значения концептуальными и отличать их от частных значений этой приставки, отражающих более конкретную, человеческую – прагматическую, социальную, бытовую классификацию действительности.

В работе мы постарались показать, что все или почти все частные значения и употребления приставки *о/об-* охватываются тремя концептуальными значениями:

- о/об-1* – “внешнее действие”: *Х обошел Y (дом кругом) / обмазал лицо / оправил алмаз* – ‘действие, названное мотивирующим глаголом, происходит на поверхности или во внешнем пространстве *Y-а* и связано с *Y-ом*’;
- о/об-2* – “тотальное действие”: *Х обстучал Y-а (всю стену) / обзвонил друзей / одала детей* – ‘действие, названное мотивирующим глаголом, захватывает весь протяженный или распределенный в пространстве объект *Y*, распространяется на всего *Y-а*’;
- о/об-3* – “новое качество”: *Y одеревенел / обезумел / ожил / оглох / овдовел; X оплодотворил / освятит Y-а* – ‘мотивирующая основа прямо или косвенно (метафорически) указывает на качественно новое свойство, состояние или положение дел *Y-а*’.

Замечание. В первых двух значениях нет явного преобладания какой-либо одной приставки. Однако в третьем значении безусловно доминирует приставка *о-*. Из всего множества глаголов, реализующих это значение, глаголы с приставкой *о-* составляют более 90 процентов.

Первое значение задает оппозицию “объект – его внешнее пространство” и, соответственно, определяет “внешнее действие” как происходящее во внешнем пространстве и как-то связанное с *Y-ом*. Например, фраза *Иван обошел дом кругом* говорит, что действие Ивана “шел” было определенным образом связано с домом, а именно: дом предопределил траекторию движения Ивана. Фраза *Иван ободрал кожу на локте* также указывает на “внешнее” действие – поверхностное повреждение кожи. В пер-

вой из приведенных фраз действие Ивана (обход дома) никак не влияет на дом, во второй – действие влияет на Ивана, но не сильно: например, употребление глагола *разодрал*, вместо *ободрал*, исключило бы такой вывод.

Второе значение – "тотальное действие" – указывает на полноту охвата действием пространственно распространенного или распределенного Y-а: *Иван обошел все магазины* (плохо **обошел некоторые магазины*), *Собака обнюхала гостя* (странно **частично обнюхала гостя*).

Третье значение – "новое качество" – указывает на появление у Y-а качественно (а не просто количественно) нового свойства, состояния (= характеристики, принадлежащей объектам другого класса) или переход Y-а в радикально новое положение. Это могут быть предельные состояния типа *обезуметь*, *оторопеть* или качественно новые положения: *оплодотворить*, *овдоветь*, *ожеребиться*. *Кобыла ожеребилась* (*околела*, *ожила*) – оказалась в новом положении.

1. ОБЗОР ОСНОВНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

1.1 Краткий сопоставительный анализ концептуальных значений

Поясим кратко на примерах введенные значения.

1) "Внешнее действие": *Иван обошел свой участок вдоль забора, Маша очистила яблоко, Иван обнес дом забором*;

2) "Тотальное действие": *Иван обошел весь участок в поисках щенка, Аппарат очистил воду от примесей свинца, Слуга обнес всех гостей мороженым*.

"Внешнее действие" осуществляется по краю участка, по поверхности яблока, во внешнем пространстве (вне) дома. Подчеркнем, что оно не обязательно происходит на всей поверхности Y-а или по всему окружающему Y пространству. Вполне нормально сказать *Иван обошел участок с северной и западной стороны, Маша очистила яблоко только наполовину, С трех сторон дом был обнесен крепким забором*. Ср. также *Господский дом, уединенный, горой от ветров огражденный*. Пушкин.

"Тотальное действие" распространяется на весь участок, по всему объему воды, для всех гостей. Оно не может частично охватывать объект, поэтому плохо сказать *В поисках щенка Иван обошел участок только *наполовину, Слуга обнес гостей мороженым *не полностью, *не до конца*. Конечно, можно сказать, *Иван обошел половину / большую часть участка, Слуга обнес мороженым половину гостей*, но при этом не действие локализуется, а его объект сокращается: Y составляет уже не весь участок, не всех гостей, большую часть или половину.

Рассмотрим взятое из словаря [Ушаков] описание глагола

Остричь

1. что. Обрезать, срезать ножницами. *Остричь ветки. Остричь волосы. Остричь ногти.*

2. кого-что. Срезать волосы, шерсть с кого-чего-н. *Остричь барана. Коротко острижен для порядка*. Грибоедов. *Голова у него была правильно круглая и гладко острижена*. Максим Горький.

Сравним две фразы: *Остричь волосы* и *Остричь ногти*. В первой глагол указывает, что все волосы состригаются (тотальное действие для волос), а во второй – что состригаются только края ногтей (внешнее действие для ногтей). В этом плане вторая фраза *Остричь ногти* должна быть отнесена ко второму значению, поскольку аналогична фразе *Остричь барана* – удаляется поверхностная часть барана, т.е. осуществляется внешнее действие для барана.

3) "Новое качество": *Иван ослеп / обнищал / одичал / осиротел. Иван освятил кулич / оживил замерзшую птицу / остановил машину*.

Здесь в первой серии примеров X (Иван) приобрел новое качество: стал слепым, нищим, диким, сиротой, а во второй – новое качество приобрел Y: кулич стал освя-

ценным, птица живой, машина неподвижной. Не всегда для нового качества находится бесприставочное прилагательное (в роли субстантива), называющее итоговое положение, например, кулич стал освященным, но не святым. Однако если такое имя находится (оно фактически называет новый класс), как правило, налицо значение 'новое качество'. Например, *Фильтр прекрасно очистил воду* – вода стала чистой (можно пить) – значение "новое качество". *Фильтр очистил воду от примесей свинца* – здесь нет нового качества (и нельзя сказать, что вода стала чистой) – имеет место значение "тотальное действие", поскольку каждая капля воды подверглась очистке.

Для сравнения вернемся к фразе *Очистить яблоко*. И здесь нет нового качества – неверно будет сказать, что яблоко стало чистым. Однако действие для яблока не тотальное, а только поверхностное, не сильно на него повлиявшее, следовательно, имеет место значение "внешнее действие".

1.2. Определения концептуальных значений *o/ob-1*, *o/ob-2* и *o/ob-3*

Описания, данные во введении для внешнего и тотального действий, носят частный характер, поскольку имеют смысл только для физических объектов физического пространства. Между тем, значения *o/ob-1* и *o/ob-2* охватывают гораздо более общий класс объектов, включающий также ментальные объекты и объекты, имеющие не только пространственные, но и функциональные отношения со своим окружением. Это утверждение можно проиллюстрировать такими примерами *Обжить квартиру*, *Оплакать покойника*, *Обрисовать ситуацию* (*o/ob-1*) и *Оговорить все условия*, *Обделать свои делишки*, *Обсчитать все расходы* (*o/ob-2*). Обобщим дефиниции концептуальных значений

Для полного определения *o/ob-1* дадим сначала общее определение "внешнего действия".

(1 0) Внешним действием к Y-у, или относительно Y-а называется действие, которое а) как-то связано с Y-ом, имеет к нему отношение, но б) не влияет или не очень сильно влияет на Y.

(1 1) Значение *o/ob-1* – "внешнее действие": *X объехал Y (дом слева) / оплакал покойника / обрисовал ситуацию* – 'X каузировав действие, названное мотивирующим глаголом, являющееся внешним относительно Y-а'

Поясним (1 1) Для покойника важнейшее, сильно влияющее на него действие – похоронить, а оплакать, обмыть – внешние, вторичные действия. На ситуацию сильное влияние оказывают действия *изменить, создать, разрешить, исключить*. Действия *обрисовать, описать* и даже *определить* и *охарактеризовать* имеют к ситуации отношение, но никак на нее не влияют

Теперь можно объяснить, почему в физическом пространстве манифестантом "внешнего действия" выступает действие, происходящее вне (во внешнем пространстве) Y-а или на его поверхности: такое действие, как правило, не оказывает сильного влияния на Y. Иначе говоря, протекание действия на поверхности объекта – признак того, что это действие не окажет сильного влияния на объект.

Для полного определения *o/ob-2* важно понять функциональную структуру объекта, на который направлено тотальное действие, а именно: этот объект является многоэлементным, многоаспектным, или же совокупностью элементов. Характерным для тотального действия является то, что оно захватывает все элементы (аспекты) Y-а, реализуясь на каждом из них. Из сказанного следует такое определение.

(1.2) Значение *o/ob-2* – "тотальное действие": *X оговорил Y (все условия) / обзвонил всех друзей / обшил всю семью / обсчитал все расходы* – 'благодаря X-у действие, названное мотивирующим глаголом, осуществляется для каждого элемента (фрагмента) многоэлементного объекта Y';

Оговорить все условия – оговорить каждое условие многоаспектного Y-а, аналогично, *обшить семью, обсчитать расходы*

В физическом пространстве манифестантом функционального понятия "многоэлементный объект" служит понятие "протяженный или распределенный в пространстве объект". *Обойти (обискать) весь участок / всю квартиру в поисках ценки* означает обойти все места и уголки участка (все комнаты и закутки квартиры). Ясно, что участок (квартира) трактуется здесь как многоэлементный объект и на каждом его элементе осуществляется названное действие.

Для значения "новое качество" нет пространственного, визуального манифестанта, поэтому его определение не претерпевает изменений.

1.3. Иллюстрация применимости введенных значений

Проиллюстрируем применимость введенных концептуальных значений к описаниям глаголов *обогащать* и *обновить* из словаря [Ушаков]. Для наглядности будем помечать в цитируемом описании каждое частное значение концептуальным значением, к которому оно относится

Обогащать

1. *кого-что* Сделать богатым, состоятельным, увеличив имущество, доход и т. п. *Лишняя тысяча меня не обогатит* Батюшков || Увеличить чей-н. капитал, средства при помощи эксплуатации. *Империалистическая война обогатила военных промышленников* ("новое качество")

2. *что* Умножить ценными приобретениями, сделать более ценным (книжи). *Обогащать библиотеку новыми книгами* || *перен.* Увеличить, расширить, сделать более содержательным. *Обогащать свои знания* *Обогащать свой опыт* ("внешнее действие").

3. *что*. Удаляя пустую породу, повысить чем-н. (в каком-н. минерале, ископаемом) процентное содержание полезных составных частей (тех.). *Обогащать руду* *Обогащать уголь* ("тотальное действие")

Первое значение относится к типу "новое качество", поскольку указывает на резкое, многократное увеличение богатства. *Иван был беден, а эта идея его обогатила* – Иван оказался в качественно новом положении – стал богатым, ср. сомнительность фразы *Эта идея его слегка обогатила*.

Второе значение относится к типу "внешнее действие". В самом деле, фраза *Библиотека обогатилась новыми книгами* указывает на относительно небольшое прибавление фонда, не сильно его увеличивающее. Если бы фонд удвоился или утроился, эта фраза утратила бы корректность. Включенные в описание выражения "более ценный, более содержательный" также указывают на несильное влияние действия на объект.

Третье значение относится к типу "тотальное действие", поскольку указывает, что многоэлементный объект "руда" весь (включая все частицы) охватывается действием.

Обновить

1. Заменить (негодное устаревшее) чем-н. новым. *Наступила весна, лес обновил свою листву* ("тотальное действие") || Изменить, пополнить внесением нового. *Обновить состав труппы* *Обновить инвентарь* ("внешнее действие")

2. Изменить введением новшеств, устроить по-новому, реформировать. *Обновить организацию управления* *Обновить страну* ("новое качество")

3. Восстановить, произвести ремонт, починку чего-н. (разг.). *Обновить крышу* *Обновить сломанный стол* ("внешнее действие")

4. Освежить, оживить, придать новую силу чем-н. *Обновить свои знания* *Обновить свои силы* ("внешнее действие")

5. Впервые употребить, применить какую-н. новую вещь, воспользоваться чем-н. новым (разг.). *Обновить пальто* *Обновить сани* *Обновить путь, дорогу* ("внешнее действие").

В первом примере. *Лес обновил свою листву* налицо тотальное действие – многоэлементный объект полностью охвачен действием. Аналогичны примеры из сло-

варя [БТС]: *Надо обновить портьеры в комнате, В цехе обновили оборудование*¹. Нельзя сказать *обнови портьеру / станок* в значении 'замени новым', поскольку в единственном числе объект не является многоэлементным. Но для множества объектов – *обнови портьеры / станки* это значение существует и реализует, тем самым, "тотальное действие".

В последующих примерах из 1: *Обновить состав труппы, Обновить инвентарь* объект не меняется радикально, а лишь пополняется чем-то новым. Налицо – "внешнее действие". Аналогичны примеры *Обновить вино в бокале, Обновить платье* (добавлением нового элемента). Частичность изменений подтверждается корректностью фраз *Слегка обновить платье / вино в бокале*. Аналогично объясняются и значения 4 и 5, также указывающие на локальный характер изменений объекта – *Обновить крышу, Обновить свои знания*.

И, наконец, значение 2 указывает на качественно новое свойство или состояние объекта: *обновить страну* – значит сделать ее другой. Здесь уже плохо сказать **Слегка обновить страну*.

Замечание 1. Следует признать, что, приобретая благодаря концептуальным значениям полноту охвата материала, мы неизбежно теряем в детальности его описания, присущей частным значениям. Однако не следует рассматривать эти два типа описания как альтернативные. Наоборот, разумно думать, что релевантно именно совместное, так сказать, двухуровневое описание. Каждое концептуальное значение задает чисто языковую таксономию, а относящиеся к нему частные значения формируют дополнительную, более дробную классификацию, индуцированную уже энциклопедическими знаниями о мире. В данном случае концептуальные значения приставки *о/об-* задают три общих класса: "внешнее действие", "тотальное действие" и "новое качество", а частные значения и употребления задают в этих рамках свою таксономию (подробнее об этом см. в п. 5).

Замечание 2. Условимся далее для краткости обозначать действие или состояние, названное мотивирующим глаголом, словами "мотивирующее действие или состояние".

Перейдем теперь к более детальному рассмотрению введенных концептуальных значений.

2. ЗНАЧЕНИЕ *О/ОБ-* – "ВНЕШНЕЕ ДЕЙСТВИЕ"

2.1. Примеры употреблений

Рассматриваемое значение охватывает следующий ряд употреблений.

О-: *огранить, окатить, оклеить, оковать, окропить, окунуть, окутать* (ноги пледом), *опалубить, оплести, опыть, оползти, оправить* (рубин), *опутать, опухнуть, опушить, оскоблить, отець, очистить* (яблоко), *ошкурить* (снять кору с бревна)...

Об-: *оббежать, оббить, обвалить* (избу землей), *обвиснуть, обвить, обвялить, обгадить, обгнуть, обглодать, обгореть, обдать, обделать* (кожу), *обжать* (мокрую одежду), *обжечь* (руку), *обкапать, обклеить, обкопать, обкорнать, облепить, облететь* (вокруг стадиона), *облицевать, обложить, обломить, облупить, облущить, обмозжить, обмарать, обмельть* (о реке), *обмести, обметить* (территорию), *обмотать, обмыть, обнажить, обнять, ободрать, обрамить, обрасти, обрезать, обрубить, обсадить, обсесть, об-*

¹ Ввиду многочисленности использования примеров из словарей [БТС] и [Ушаков], далее это не будет специально оговариваться.

ступить, обтереть, обтрепать, обцаранать, обчистить (яблоко), *обхватить, объесть* (со всех сторон)...

Часть этих употреблений описывает так называемое "круговое" значение приставки *о/об-*. Например, в Русской грамматике [Гр-80, 1: 362–363] оно представлено следующим образом: "действие, названное мотивирующим глаголом, направить вокруг чего-нибудь, на все стороны чего-нибудь": *обежать* 'пробежать вокруг чего-нибудь', *окутать, обрызгать, окопать, оклеить, обрасти, облепить*.

Другая часть – еще одним значением (там же): "действие, названное мотивирующим глаголом, направить мимо предмета, находящегося на пути движения" – *обезжать, оплыть, оползти, обойти, объехать*.

2.2. Пространственное "внешнее действие" и его свойства

Как уже отмечалось, пространственно ориентированное значение "внешнее действие" опирается на оппозицию: "объект Y" – "внешнее к Y-у пространство и внешняя часть Y-а". Обсудим ее подробнее. Среди физических мотивирующих действий можно выделить два типа: 1) действие происходит во внешнем к Y-у пространстве, не затрагивая Y-а (*обкопать дерево, окружить, обступить со всех сторон, обойти за версту, обежать вокруг* и под.), и 2) действие происходит на поверхности Y-а или в его поверхностном слое (*обмазать, обмотать, опалубить, обкапать, обхватить, обтереть, обрезать, облупить, облущить, оскоблить, обгнуть, обстричь* и под.).

Во всех примерах второго типа действие касается лишь внешней, поверхностной части Y-а, и не затрагивает его по существу. Действительно, в примерах *Обрезать ногти / книгу* речь идет об удалении лишнего, не нужного Y-у; ср. *Обрезать ножки стула* и *Отрезать ножки стула*. Глагол *оббить* имеет два употребления: "покрыть" и "удалить лишнее с краев". Аналогично, удаляется лишнее или несущественное в примерах *обчистить яблоко, обтесать, отряхнуть пепел / снег, опалить щетину, облупить яйцо, облущить семечки, обтесать*. В примерах *обгнуть, обгрызть, обглодать, обкусать со всех сторон* речь идет об удалении краев, причем, в относительно небольших количествах, т.е. без серьезных последствий, ср., с употреблениями *отгнуть, отгрызть, откусить*. В примерах *обморозил, обгорел* и под. речь идет о нежелательных (для субъекта) последствиях, но только в поверхностных, внешних частях Y-а. В случаях увеличения или утолщения поверхности Y-а: *ожиреть, оплыть жиром, опухнуть, обрасти, отец* и под. (ср. *одутловатый*) прибавка также характеризуется как ненужная или поверхностная, но, опять же, не фатальная для Y-а, а в случае *оббить* (крышку сундука железом) как полезная, но тоже не очень важная, не меняющая сущностных свойств крышки.

Сказанное выше позволяет утверждать, что значение *о/об-* трактует поверхностную часть Y-а как внешнюю, не существенную, противопоставленную Y-у так же, как и внешнее, окружающее Y-а пространство. Таким образом, во введенной в рассмотрение основной оппозиции Y-у противопоставлено единое "внешнее пространство", составленное из окружающего пространства и поверхностного, внешнего слоя самого Y-а.

Теперь мы можем сформулировать три свойства внешнего действия.

Во-первых, это действие происходит во внешнем к Y-у пространстве. Оно не обязательно должно охватить полный круг или всю поверхность, "все стороны" Y-а, ср.: *обкопали дерево с северной стороны, края были в нескольких местах оббиты, обмазал кончики пальцев*. Поэтому значение *о/об-* включает оба частных значения, как "круговое" – *Иван обошел вокруг дома*, так и "огibaющее" – *Иван обошел болото стороной*.

Второй характеристикой внешнего действия является его ориентированность на Y, определенная связанность с ним. Говоря *Дом окружен забором*, мы имеем в виду не только тот факт, что вокруг дома имеется забор, но и то, что этот забор как-то соотношен с домом: защищает его, определяет границу прилегающего к дому участка и

проч. Если это не так, например, забор слишком далеко и охватывает также другие участки, данное высказывание вряд ли будет корректным. О дороге, идущей мимо озера и огибающей его слева, нормально сказать *Дорога обходит / огибает озеро слева*, поскольку именно озеро предопределило ее изгиб. Но о второй дороге, идущей параллельно и еще левее первой, уже так не скажешь, хотя визуально она тоже огибает озеро. Аналогично, если человек вскопал лопатой землю вокруг яблони, отступив, скажем, 50 метров от ствола, то вряд ли правильно сказать *Он обкопал дерево*, поскольку такое взрыление земли никак не влияет на яблоню. Однако, если речь идет не о яблоне, а, скажем, об огромной секвойе, высказывание становится нормальным. Если стайер сделал круг по дорожке вокруг футбольного поля и выбежал со стадиона, болельщик вряд ли скажет, что *Он оббежал футбольное поле*, поскольку знает, что цель спортсмена бежать по дорожке и поле не являлось для него препятствием. Но посторонний наблюдатель вполне может так сказать, посчитав, что именно поле предопределило маршрут бегуна.

В-третьих, внешнее действие не должно слишком сильно влиять на Y и менять его существенные свойства. Если же влияние сильное, высказывание становится некорректным. Представим себе высокий забор, стоящий вплотную к стенам дома и закрывающий окна. Плохо сказать в этой ситуации *Дом обнесен забором*, поскольку забор ухудшает существенную характеристику дома как жилища. Корректно сказать *Торт обкусан со всех сторон*, если съедены лишь края торта. Если же съедена существенная часть торта (осталась только сердцевина), то высказывание утратит корректность. Нормально сказать *Иван обложил деревянный дом кирпичом*, если внешняя кладка не слишком толстая и массивная, по сравнению с деревянными стенами. В противном случае фраза станет сомнительной, поскольку кладка будет восприниматься как самостоятельная и основная, а не как оболочка деревянного каркаса.

Замечание 1. Конечно, можно привести массу примеров, когда внешнее действие оказало в итоге сильное воздействие на X-а, типа *Иван сильно обгорел на пожаре / окружен противником*, но это – экстралингвистическое влияние контекста, усилившего последствия внешнего действия. Поясним сказанное таким примером: *Все тело Ивана облепили скорпионы / комары / божьи коровки*. В нем корректно описывается поверхностное действие. Понимание фатальности исхода в случае скорпионов и безобидности в случае божьих коровок обусловлено уже нашими энциклопедическими знаниями о мире.

Замечание 2. Третья характеристика внешнего действия, будучи важнейшей, в ряде случаев элиминирует первую: сильные изменения Y-а перестают трактоваться как внешние. Однако из соображений эксплицитности описания мы пока сохраняем обе характеристики как самостоятельные.

Сформулируем теперь пространственный вариант значения "внешнее действие".

(2 0) Внешним действием к Y-у или относительно Y-а называется действие, которое а) произошло во внешнем пространстве Y-а, б) связано с Y-ом и в) не очень сильно повлияло на Y-а.

(2 1) *o/ob-1: X окутал (оплел, объехал, обрезал) Y-a* = 'X каузировал мотивирующее действие, которое является внешним к Y-у, т. е. а) произошло во внешнем пространстве Y-а, б) связано с Y-ом и в) не очень сильно повлияло на Y-а'

(2 1a) *o/ob-1 X опух (окружен, обгнил, обгорел, оброс)* = 'Во внешнем пространстве X-а произошло мотивирующее действие, внешнее к X-у, т. е. связанное с X-ом и несущественно повлиявшее на X-а'

Замечание 3. В ряде случаев значимость или незначимость периферийных частей Y-а задается говорящим. Можно сказать: *Оборвать лепестки ромашки* (лепестки – поверхностная часть ромашки), *Оборвать крылышки у мухи*. Однако не всякая на-

ружная часть многоэлементного объекта может трактоваться как внешняя, например плохо сказать *Обрезать палец* в значении 'отрезать палец'. В отличие от лепестков ромашки, крылышек, пальцы не могут трактоваться как внешняя, несущественная часть человека.

2.3. Анализ частных значений многозначных глаголов

В этом пункте и далее анализируются полные описания глаголов из словаря [Ушаков] При этом мы руководствовались следующим соображением: чтобы объективно проверить объяснительные возможности предлагаемых концептуальных значений, необходимо рассматривать все без исключения частные значения глагола, содержащиеся в хорошем толковом словаре (а не только те, которые захочет выбрать автор). Это соображение вытекает из более общей точки зрения, высказанной автору в частной беседе С.А. Крыловым в такой примерно форме Для того, чтобы определить полноту описания языка, даваемую произвольно взятой академической грамматикой, нужно выбрать представительный набор текстов и посмотреть, какой их процент охватывается этой грамматикой. Этот процент и будет мерой полноты грамматики.

Обвязать

1 *что* Обвернув обмотав туго затянуть *Обвязала ему голову платком* Пушкин || Стягивая кругом, завязать. *Обвязать пакет веревкой* ("внешнее действие").

2 *кого-что*. Обвешать, привязав что-н. со всех сторон (разг.) *Охотник, кругом обвязанный убитой дичью* ("тотальное действие" – полностью весь обвязан вокруг пояса; много мест и все заняты. ср. сомнительность фразы *Обязанный с обеих боков*)

3. *что*. Сделать надвязку вокруг чего-н (спец.) *Обвязать платок кружевами* ("внешнее действие" ср. *Платок по углам обвязан шелком*)

4. *кого-что*. Навязать много чего-н. (чулок и т. п.) для кого-н. *Всех обшила, обвязала* ('тотальное действие').

Последнее употребление корректно только в отношении многих человек, семьи, постояльцев и под. Даже если и признать корректность фразы *Обвязала меня с ног до головы*, то и в этом случае имеет место тотальное действие, поскольку здесь человек представлен как совокупность мест для вязаных изделий: шапочки, рукавиц, носков, свитера. Толкование 'навязать много чего-н. (чулок и т. п.) для кого-н.' неудачно. Для аналогичного значения глагола *обшить* приведено более адекватное толкование '3. *кого-что* Шить одежду для всех, многих (разг.) *Мать обшила всех детей*".

Обделать

1 *что* Подвергнуть обработке, придать нужный вид *Обделать кожу Обделать дерево* ("внешнее действие").

2 *что во что* или *чем*. Обложить чем-н для укрепления *Обделать яму камнем* ("внешнее действие")

3 *что во что* или *чем*. Придать какой-н вид вставить во что-н (в какую-н. оправу) *Обделат драгоценный камень в золото* ('внешнее действие')

4. *что* Выгодно что-н. устроить, с пользой выполнить (разг. фам.) *Обделать все поручения Обделать свои делишки Я теперь какое хочешь дело обделаю* А. Островский || Вообще сделать, обработать (разг.) *Попадись эта тема другому автору, тот бы ее обделал иначе* Добролюбов ("тотальное действие", см. комментарий ниже, в замечании 2 пункта 3.1).

5. *кого-что* Ловко обмануть, надуть (напр. в денежных делах; простореч. фам.) ("внешнее действие", см. ниже, п. 2 5.1).

6 *что* То же, что обгадить (разг. эвф.) ('внешнее действие')

Обжечь

1 *что* Заставить обгореть, обуглиться со всех сторон *Обжечь конец бревна Обожженных елей ряд* Тютчев ('внешнее действие')

2 *что*. Повредить огнем или чем-н горячим, едким, жгучим кожный покров, поверхность чего-н *Я сегодня обожгла себе утюгом левую руку* Достоевский. *Крапива обожгла мне руки* Тургенев. || *кого чем* Обдать жаром (разг.) ('внешнее действие').

3. что. Обрабатывая, подвергнуть действию сильного огня для придания твердости, прочности. *Обжечь кирпич. Обожженная глина* ("новое качество").

4. что. Впервые подвергнуть действию огня, чтобы приспособить для горения. *Обжечь свечу* ("внешнее действие" – свеча более удобна в пользовании, подробнее см. в п. 2.6).

5. перен., кого-что. Воздействовать на кого-что сильным образом, заставить проникнуться каким-н. чувством (книжн.). *Глаза.. обожгут и мгновенно спрячутся под длинными ресницами.* Гончаров. *И вдруг страстная похоть обожгла его.* Л. Толстой ("новое качество" – переход в новое состояние).

Облезть

1. Лишиться волос, шерсти, перьев. *Мех облез. Обрюзг, опустился физически, облез, но стал добрее и душевнее.* Чехов ("внешнее действие").

2. Сойти с поверхности чего-н., потерять верхний слой чего-н. *Краска облезла. На стене торчал в трех гвоздях осколок облезшего зеркала.* Леонов ("внешнее действие").

Отечь

1. Опухнуть вследствие скопления под кожей или во внутренних органах жидкого выпота из крови. *Что это ты, мой дружок, как заспался, ...даже личико отекло?* Гончаров. *Пьяница. был отъявленный, даже отек весь.* Тургенев ("внешнее действие").

2. О свече: оплыть при горении (редко) ("внешнее действие").

2.4. Внешнее функциональное пространство

До сих пор в центре нашего внимания было физическое внешнее пространство объекта: *Окружил дом забором. Облепили комары, Дом оброс хозяйственными постройками. Во фразах Он окружил себя подхалимами / родственниками / охраной, Ее облепили приживалки и беззастенчиво тянут из нее деньги, Новоявленный артист быстро оброс и поклонниками и недоброжелателями* речь также идет о физическом (пространственном) окружении, только близость к Y-у окружающих его людей определяется уже не расстоянием, а характером отношений с ними. Условимся говорить в таких случаях о внешнем функциональном пространстве. Покажем, что и для этих случаев сформулированное значение приставки *о/об-*1 полностью сохраняется.

Обратимся к последнему примеру *Новоявленный артист быстро оброс и поклонниками и недоброжелателями*. Функциональное пространство объекта – его "артистическая деятельность". Элементами этого пространства выступают как сам артист, так и все те, кто как-то влияет на эту деятельность. Поклонники и недоброжелатели являются внешними элементами этого пространства, поскольку влияют на него, но не очень сильно. Ср. некорректность фразы *Новоявленный артист быстро оброс конкурентами и врагами*. Здесь конкуренты и враги не относятся к внешним элементам, поскольку существенно влияют на деятельность артиста. Поэтому и фраза сомнительна – значение (2.1a) *о/об-*1 требует, чтобы "мотивирующее действие ("расти"), связанное с X-ом, не очень сильно влияло на него".

В недавнем (28.10.03) телеинтервью зам. мэра Москвы В. Шанцев с сожалением сказал об одном хорошем, но не имеющем финансовой базы проекте: *"Пройдет время. Этот проект обростет десятком других проектов"*. И здесь речь не идет о чисто пространственном "обрастании". соседстве новых проектов (они могут находиться и рядом и в других организациях). Однако из контекста ясно, что проекты, которыми "обрастает" главный проект, а) не являются его частью, существенными дополнениями и изменениями, т.е. являются внешними к нему, и б) связаны с ним решением той же или близкой задачи. Нормально сказать *Проект оброс поправками, экспертными оценками, замечаниями, но плохо новыми нестандартными решениями, оригинальными чертежами*, поскольку последние существенно изменяют проект и поэтому не являются внешними для него. Плохо также сказать *Этот проект оброс десятком других проектов, решающих уже новые задачи и в других регионах страны*, поскольку новые проекты явно не связаны с прежним и потому не относятся к его пространству.

Сказанное легко обнаруживается и в других примерах. Во фразе *Стоит ему несколько минут постоять в очереди, как он тут же обростает бабами* словосочетание *обрастает бабами* означает не просто тот факт, что рядом с ним оказываются

ся незнакомые женщины, но и то, что он быстро знакомится и начинает с ними общаться. Поэтому "бабы" с одной стороны – внешние, не близкие субъекту люди, а с другой – имеющие к нему отношение (общаются и проч.). Сомнительность фразы 'Он быстро оброс семьей / детьми связана с тем, что семья, дети – как очень близкие люди – принадлежат не внешнему пространству субъекта, а являются в эмоциональном и духовном плане его частью. Но фраза *Он быстро оброс собутельниками* вполне корректна. Это и понятно: собутельники трактуются как внешние, не близкие субъекту, хоть и связанные с ним.

Итак, значение *о/об-* имеет одну и ту же структуру как для физического, так и для функционального пространства.

2.5. Об одном классе глаголов с семантикой агрессивности

Рассмотрим класс глаголов с приставкой *о/об-*, описывающих так называемые агрессивные действия человека X (субъекта действия) в отношении человека Y (объекта действия) типа *X обругал / охаял Y-а*:

о-: *оболванил, ограбил, одурачил, оклеветал, околпачил, окрутил, освистал, осмелял, осрамил, охаял, ошельмовал...*

об-: *обвешал, обдурил, обворовал, обкакал, обложил (матом), обманул, обматерил, ободрал (как липку), обокрал, оболгал, обсчитал, обхамил, объегорил...*

Кажется естественным приписать агрессивный вклад приставке, поскольку у многих глаголов основа никакой агрессивности не содержит:

о-: *говорил – оговорил, свистал – освистал, славил – ославил, окрутил, осмелял...*

об-: *вешал – обвешал, делил – обделил, вел – обвел, обдул, обличил, обложил (матом), обмерил, обнес (блюдом), обовзвал, оболыстил, обошел, обскакал, обставил, обсчитал, обхаживал, обчистил, объел...*

И действительно. Русская грамматика [Гр-80, 1: 364] выделяет агрессивное значение у приставки *об-* и формулирует его так: 'причинить ущерб кому-либо (иногда – обмануть кого-либо) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом'.

2.5.1. Анализ примеров с семантикой агрессивности

Пытаясь найти более точное описание, характеризующее специфику рассматриваемой агрессивности, мы пришли к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: приставка *о/об-* не обладает собственно агрессивным значением. Ее значение, порождающее агрессивность как частный случай, носит более общий характер.

2.5.1a. X в позиции "внешний" к Y-у

В ряде случаев семантика агрессивности предопределена тем, что X находится во внешних, не близких отношениях с Y-ом. Объясним на примере.

Иван обругал Петра ≡ 'Иван ругал Петра, как человек "неблизкий", "чужой" Петру'.

Иначе говоря, приставка *о/об-* указывает, что Иван находится к Петру в позиции "не близкий", "внешний" человек и эта позиция Ивана предопределяет характер его мотивирующего действия: ругать Петра, не сдерживаясь, грубо, не боясь оскорбить.

Именно поэтому вряд ли корректно в обычной ситуации (в норме) сказать 'Отец обругал сына / Жена обругала мужа. Отец к сыну и жена к мужу обычно находятся в позиции "близкий человек". Но фраза *Продавщица обругала покупателя* вполне корректна, поскольку для покупателя продавщица находится в позиции "неблизкий", "внешний". Заметим, что глагол *отругать* вполне годится в обоих случаях: *Отец отругал сына / Жена отругала мужа*. Это значит, что отмеченная неупотребимость глагола *обругать* не связана с агрессивностью основы *ругать* или различным социальным статусом участников.

Еще менее употребим в приведенных фразах глагол *обхамить* – ²Сын обхамил мать, ²Сестра обхамила брата. Но глагол *нахамить* более приемлем, ср. Сын нахамил матери, Сестра нахамила брату. В то же время совершенно нормально *Дворничиха обхамила прохожего*.

Также сомнительно сказать ²Сын обозлил отца, при полной корректности *Сын разозлил отца*. Внешняя позиция X-а к Y-у, задаваемая глаголом *обозлить*, хорошо объясняет, например, такое употребление *Ребенок отбился от семьи и обозлился на весь мир* (плохо **разозлился на весь мир*).

Точно так же сказать *обнесли блюдом* можно о госте, приживальщике, но вряд ли о ком-то из близких домашних, кто был лишен (не получил) данного блюда. Точно так же об отце, сыне, пожалуй, не скажешь *Он нас объедает*. О дальнем родственнике, постояльце так сказать можно. К ним ко всем субъект находится в позиции "чужой", "внешний".

2.5.16. Y в положении "новое качество"

Однако не все глаголы с агрессивной семантикой определяются внешней позицией X-а и имеют значение "внешнее действие". Например, глаголы *обвинить*, *обелить*, *обличить*, *оговорить*, *оклеветать*, *опозорить*, *опорочить*, *оправдать*, *очернить*, *осельмовать* имеют значение "новое качество". Если глаголы *обложить* (матом), *обматерить*, *обозвать*, *обругать*, *обхамить*, *осмеять*, *освистать* выражают лишь отношение X-а к Y-у, а глаголы *обнести* (блюдом) или *обозлить* – на небольшую степень результативности действий X-а (*обозлился* вовсе не означает стал злым), то глаголы *оклеветать*, *очернить*, *обелить* и др. указывают на результативность деятельности X-а, приведшей к качественной перемене положения Y-а (как видим, не обязательно негативной). Рассмотрим два описания из словаря [Ушаков].

Обвинить

1. *кого-что* в чем. Сов. к *обвинять* во 2 знач. *В неблагодарности он меня не обвинит*. Герцен ("внешнее действие").
2. *кого-что*. Вынести кому-н. обвинительный приговор, осудить (право, офиц.). *Суд обвинил подсудимого* ("новое качество").

Первое значение лучше анализировать для глагола несовершенного вида *обвинять* (2. (сов. *обвинить*). *Осуждать за что-н., упрекать в чем-н.* – словарь [Ушаков]). В словаре [БТС] приводятся такие примеры: *Обвинять за опоздание / за участие в драке*. И толкование и примеры указывают на "внешнее действие", не сильно влияющее на Y-а. Здесь X высказывает лишь свое личное неодобрение действиями Y-а.

Второе значение, напротив, сильно влияет на Y-а, поскольку меняет его статус: раньше был не виновен – теперь виновен. Налицо "новое качество". Аналогично толкуется глагол *осудить*.

Обелить

1. (несов. не употр.) *что*. То же, что *побелить* (обл.). *Обелить потолок, стены* ("тотальное действие").
2. *перен., кого-что*. Восстановить чью-н. репутацию, оправдать в чем-н., признать заподозренного невинным, не причастным к преступлению, проступку. *Вот по статье такой-то можно вас обелить*. Салтыков-Щедрин ("новое качество").
3. *кого-что*. Освободить от податей и повинностей (истор.). *Обелить крестьян. Обелить двор* ("новое качество").

Подобно глаголам *осудить*, *оговорить* значение "новое качество" имеют и глаголы, описывающие разные варианты пресечения деятельности Y-а, в частности, выступления: *обрезать*, *оборвать*, *одернуть*, *осадить*.

Вместе с тем, нельзя считать существенно новым положение Y-а, приблизительно описываемое формулой "X оставил Y-а в дураках" и задаваемое глаголами: *обвести* (вокруг пальца), *обвешать*, *обдурить*, *обжулить*, *облапошить*, *обмануть*, *обмерить*, *обойти* (по службе), *обсчитать*, *обчистить*, *обыграть*, *объегорить* и под. Здесь нет перехода в новое состояние (положение): *обвести* (вокруг пальца), *обдурить*, *обмерить*, *обчистить*, *обыграть* Y-а – не значит сделать его дураком, или "лопухом". Поэтому следует признать за перечисленными глаголами значение "внешнее действие", указывающее на нанесение не очень сильного, локального ущерба Y-у.

Аналогично, глаголы *обворовать*, *обокрасть* и даже *ограбить* также не означают переход Y-а в качественно новое положение типа: был небедным – стал бедным или нищим и, следовательно, тоже представляют понесенный Y-ом материальный урон как локальный, а действие как внешнее.

В то же время, как было показано в предыдущем пункте, действия *обличить*, *опорочить*, *оклеветать*, *очернить*, *оправдать*, *обелить* и под. свидетельствуют о сильном воздействии на объект Y, поскольку переводят его в другой класс.

Замечание. В связи со сказанным, можно высказать следующую гипотезу о специфике русской языковой концептуализации действительности: утрата человеком материальных ценностей, даже при таких воздействиях как *ограбить*, *обокрасть*, не считается сильно действующим, т.е. очень важным для него, также как и разные виды обмана (*обвешать*, *обдурить*, *обжулить*, *облапошить*, *обсчитать*, *обчистить*). В то же время, падение или наоборот, восстановление репутации (*обвинить*, *обелить*, *обличить*, *оговорить*, *оклеветать*, *опозорить*, *опорочить*, *оправдать*), а также контактные физические воздействия негативного характера считаются сильно действующими и, стало быть, важными.

Чтобы проиллюстрировать значимость физического воздействия на Y-а, заметим, что среди поразительного разнообразия агрессивных действий человека X против человека Y, называемых глаголами с приставкой *о/об-*, практически нет контактной, физической агрессии. Она широко представлена глаголами с другими приставками: *забить* (на смерть), *избить*, *побить*, *прибить*, *убить*, *врезать*, *вмазать*, *вдарить*, *высечь*, *задавить*, *зарезать*, *замочить*, *излупить*, *изранить*, *измордовать*, *изувечить*, *отлупить*, *покалечить*, *погубить*, *поранить*, *раздавить*, *сжечь* (со света), *сгноить*, *удавить* и под. Исключение составляет лишь совершенно обособленный глагол *огреть*. А воздействия, называемые глаголами типа *обцарапать*, *обгадить* и под. не могут считаться сильнодействующими. Что же касается глаголов типа *окосять*, *оглохнуть*, *ослепнуть*, *обалдеть*, *одуреть* – стать косым, глухим, слепым, балдой, дурнем и под., то они имеют значение "новое качество". Тем самым подтверждается значимость для Y-а серьезного физического и умственного ущерба.

2.5.2. Другие (неагрессивные) глаголы с "внешней позицией" X-а

Перейдем теперь к неагрессивным глаголам *обласкать*, *обогреть*, *обнадежить*, *обременить*, *обслужить*, *обучить*, *обхаживать*, *ознакомить* и *оказать*. Легко видеть, что и для них сохраняется значение приставки *о/об-*: 'мотивирующее действие направлено на Y-а "чужим", "внешним" ему X-ом'. Плохо сказать *Мать обласкала сына, жена – мужа, девушка – своего возлюбленного*, но с глаголом *приласкать* эти высказывания вполне нормальны. Глагол *обласкать* в норме приложим к неблизким людям, ср. *Посылаю к Вам этого молодого человека. Примите его как сына, обласкайте и помогите на первых порах*. Ср. также пример из Пушкина *Приютить и обласкать бедную сироту*. Аналогично и с глаголом *обогреть*, ср. просьбу стрекозы к "внешнему" муравью: *И до вешних только дней прокорми и обогрей*. Крылов.

Об обслуживании естественно говорить в кафе, магазине, библиотеке, в парикмахерской, т.е. там, где X общается со случайными, неизвестными Y-ми. Можно сказать *Мать обслуживает сына, жена – мужа*, но лишь в ситуациях, в которых как бы нивелируется близкая родственная связь между участниками (например, мать – парикмахер и стрижет сына). Даже о служанке, постоянно работающей в доме и, в силу этого, ставшей близким человеком, плохо сказать *Она обслуживает хозяев*. Получившее сейчас широкое распространение слово *обслуга* вместо *прислуга*, отражает то же самое.

Сказанное в полной мере относится и к глаголу *обучить*: плохо сказать *Мать обучила сына чтению и письму*, хотя вполне нормально *Мать научила сына чтению и письму*, также как и *Приходящий дьячок обучил мальчика чтению и письму*. Нормально сказать *Я научился*, но плохо *Я обучился*, по крайней мере, в значении 'обучил сам себя'. Нормально сказать *Бакалейщик обучил его своему ремеслу*, но сомнительно *Старший брат обучил его приемам карате*, лучше *научил*.

Для глагола *обхаживать* проверяемое свойство очевидно: *обхаживать* Y-а, в попытке чего-то от него добиться, может только не близкий ему человек. В то же время на глагол *ухаживать* это ограничение не распространяется. Можно ухаживать и за больной матерью и за малознакомой девушкой. Аналогично и с глаголом *ознакомить*, ср. сомнительность фразы *Я ознакомил своего друга с моим дневником* при полной корректности употребления здесь глагола *познакомил*. По меньшей мере странным выглядело бы следующее обращение учительницы литературы к своему классу: *Ребята, сегодня я ознакомлю вас с творчеством Чехова*. Однако вполне возможно такое обращение: *Ребята, прежде чем начать урок, я ознакомлю вас с приказом директора*. Оно корректно, поскольку учительница становится во "внешнюю" к ученикам позицию, чтобы осуществить не очень важное для урока литературы действие. Глагол *оказать* отличается от предыдущих тем, что объект мотивирующего действия X-а не человек, а "услуга", т.е. нечто приятное для человека Z, которому эта услуга адресована. И несмотря на это, X занимает явно отчужденную, "внешнюю" позицию относительно Z-а, ср. сомнительность высказываний типа *Отец оказал услугу / поддержку / внимание / помощь / доверие сыну*. Гораздо более естественно сказать *Отец помог / поддержал / внимательно выслушал сына / доверил сыну свою тайну* и под.

Итак, мы видим, что такие разные глаголы как *обругать*, *обслужить*, *обласкать*, *обхаживать*, *ознакомить* и др. имеют общее свойство: 'X осуществил мотивирующее действие в отношении Y-а, находясь в позиции "не близкий". "внешний" к Y-у'. Ясно, что во всех этих случаях воздействие X-а на Y-а не очень велико, см. свойство в) значения (2.1).

2.5.3. Итоговое определение расширенного значения "агрессивности"

Как мы убедились, само по себе "внешнее положение" X-а к Y-у еще не гарантирует значения "внешнее действие". Требуется еще, чтобы действия X-а не сильно влияли на Y-а. Например, в высказывании *Сын опорочил мать* сын занял позицию "внешний" к матери, но его действия столь результативны, что мать оказывается в качественно новом положении ("порочная"). Сказанное приводит к такому определению, представляющему собой вариант описания (2.1).

(2.1б) о/об-1: X обругал (обслужил, обласкал) Y-а = 'Субъект X, а) находясь в позиции "внешний", "чужой" к Y-у, б) осуществил мотивирующее действие (ругает, служит, ласкает), направленное на Y-а и в) не очень сильно повлиявшее на него'.

Это описание, очевидным образом, охватывается общим определением (1.1): 'X казюировал внешнее к Y-у действие'.

2.5.4. Анализ характера некорректности некоторых примеров

Напрашивается следующее возражение сказанному выше: почти всегда можно придумать ситуацию, в которой запрет на то или иное употребление снимается. Например, *Увидев эту записку, муж пришел в ярость и обругал жену последними сло-*

вами, или *Представляешь, какой сын у нашей соседки! Она на рынке купила у него яблоки, и он ее обвешал.* Нам кажется, что ни эти, ни другие примеры такого рода не могут служить опровержением сказанного. Дело в том, что в тех или иных ситуациях субъект действия X, будучи исходно "близким" к Y-у, может временно или постоянно выступать в роли "не близкого", "чужого": муж вспылил и обругал жену, сын утратил родственные чувства к матери и под. В описании значения (2.16) специально подчеркивается, что X находится в позиции не близкого партнера. Скажем больше, некоторые глаголы, например, глагол *обозвать*, употребляются вообще без всяких ограничений. Вполне корректно сказать *Сестра обозвала брата грубияном, Жена обозвала мужа эгоистом* и под. Тем не менее, мы считаем, что этот глагол также обладает значением (2.16). Просто в последних примерах сестра и жена заняли позицию "неблизкого" к соответственно брату и мужу.

В связи со сказанным, остановимся подробнее на статусе утверждений типа "Фраза *Муж обхамил жену* звучит плохо". Почему эта фраза действительно выглядит некорректной? Потому, что в ней вступают в противоречие лингвистическая и экстралингвистическая информация. С одной стороны, приставка *об-*1 указывает, что муж с особой грубостью хамил чужому человеку – жене. Это лингвистическая информация. С другой стороны, нам известно, что муж обычно близкий жене человек. Кроме того, нам также известно, что муж редко хамит жене в особо грубой форме. Таким образом, наши знания о мире говорят, что лингвистическая формулировка невозможна в действительности. Лингвистическую формулировку мы отменить не можем, следовательно, нужно опровергнуть наши знания о мире: придумать контекст, который покажет, что такое бывает. И действительно, как только мы эксплицируем такую ситуацию: жена ушла к любовнику, но продолжает требовать у мужа деньги, – высказывание сразу же становится нормальным.

Стало быть, суждение о корректности таких высказываний базируется на экстралингвистической информации: на языковом опыте говорящего, социальной среде, в которой он живет, на специфике общественной жизни и под. Например, в восточных культурах, с укорененной системой почитания старших, возможно, высказывание *Сын обозвал отца / внук – деда* будет признано абсолютно некорректным, поскольку реальные референты для него отсутствуют. Во времена гражданской войны или сталинских чисток, когда разные гражданские позиции разделяли близких людей, возможно, фраза *Сын обругал отца* воспринималась вполне нормально, поскольку референтных ситуаций было достаточно. (Замечу, что даже у соседних поколений, живущих, казалось бы, в одной социальной среде, языковой опыт может сильно различаться. Например, одна совсем молодая лингвистка, прослушав мое сообщение, возразила: "По-моему, вполне нормально сказать *Сын обхамил отца*".)

Из сказанного, в частности, следует, что свободная употребимость глагола *обозвать* в высказываниях типа *Отец обозвал сына шалопаем* не является опровержением утверждения о том, что приставка *о/об-* имеет в данном случае значение (2.16). Обычность таких ситуаций говорит лишь о специфике нашего социума: ради совершения действия "обозвать" субъект легко может стать к близкому человеку в позицию "чужой".

Другое следствие из проведенного рассуждения: некорректность фраз типа *Муж обхамил жену* служит лишь косвенным, но не прямым подтверждением правильности сформулированного значения (2.16) приставки *о/об-* (просто потому, что можно придумать ситуации, в которых эти фразы корректны). Что же в таком случае может служить прямым подтверждением правильности этого значения? На наш взгляд, только то, что рассмотренные косвенные подтверждения носят системный характер и проявляются у лексически самых разных глаголов: *обругать, обласкасть, обнести* (блюдом), *обслужить, освистать, осмеять* и др.

Замечание. Сказанное выше позволяет объяснить, почему у приставки *о/об-*1 явно ощущается (и выделяется) частное значение агрессивности. Если из большого

набора глаголов: *поругать*, *отругать*, *разругать*, *изругать* и др. говорящий выбирает глагол *обругать*, значит он в называемом действии "ругать" выделяет именно "внешность", "чуждость" позиции X-а к Y-у. Но среди всех ситуаций, в которых на Y-а воздействует именно "внешний", "неблизкий" ему X, агрессивных воздействий X-а гораздо больше, чем, например, доброжелательных. Аналогично, оказывается, что из всех сильных воздействий X-а на Y-а гораздо больше таких, которые резко ухудшают позицию Y-а [*оскорбить*, *очернить*, *осудить* (решением суда)], чем резко улучшающих (*обелить*, *осчастливить*). Поэтому подкласс агрессивных действий и получает (из чисто прагматических, не языковых соображений) статус самостоятельного класса, индуцированного приставкой *об-*.

2.6. Еще раз о "внешнем действии"

Имеется целый ряд примеров, в которых X вовсе не находится во "внешней", "неблизкой" позиции к Y-у: *Дочь обрадовала / огорчила отца, Продавищица обрадовала покупателя, Мать ободрила сына, Брат озоботил сестру, Сын обдал отца ледяным взглядом / окатил презрением* и др. Все эти примеры совершенно нормальны при том, что никак не отмечают позицию X-а: "близкий – неблизкий" к Y-у. Значение *об-* обусловлено здесь тем, что действия X-а являются внешними в самом общем понимании (2.0): а) относятся к Y-у и б) не очень сильно на него влияют. Приведем еще некоторые описания из словаря [Ушаков], иллюстрирующие значение "внешнее действие" в самом общем понимании.

Обставить

1. *кого-что чем*. Поставить что-н. вокруг, оградить, окружить кого-что-н. *На столе стоял портрет, обставленный цветами* ("внешнее действие").

2. *что*. Омеблировать, уставить мебелью, завести обстановку где-н. *Обставить квартиру*. || Оборудовать (декоративную, бутафорскую часть представления). *Плохо обставить пьесу* ("внешнее действие").

3. *перен.* Обеспечить, устроить (разг.). *Я хорошо обставлен, и дела мои недурны*. Гончаров ("внешнее действие").

4. *что*. Организовать, создать какие-н. условия для проведения чего-н. (разг.). *Торжественно обставить встречу делегации. Обставить дело так, чтоб успех был обеспечен* ("внешнее действие").

5. *кого-что*. Обыграть (разг. фам.). *Обставил его в карты*. || Обмануть, надуть (простореч.) ("внешнее действие", см. выше п. 2.5.1).

Поясним, почему все значения относятся к типу "внешнее действие", хоть и с разными реализациями внешнего пространства. Для первого значения, очевидно, имеет место просто физическое внешнее пространство. Для высказывания *Обставить квартиру* внешнее пространство уже не физическое. Ведь здесь физическое пространство – внутренность квартиры – и его не удастся трактовать как **внешнее** физическое, даже если мы будем представлять, что мебель ставится вдоль стен. Будь так, все, что ставится вдоль стен, можно было бы назвать глаголом *обставить*. Мы можем сказать *Портрет обставлен цветами, стаканами, оловянными солдатиками* и т.д. Но плохо сказать *Квартира обставлена стульями, бутылками, ящиками с книгами*, если стулья, ящики с книгами стоят вдоль стен. По этой же причине не следует считать, что здесь реализуется "тотальное действие" – 'вся квартира уставлена мебелью', поскольку в этом случае предыдущее высказывание было бы корректным, когда стульями, ящиками с книгами была бы заставлена вся квартира. Кроме того, вполне корректна фраза *Квартира была уже в значительной мере обставлена мебелью*. Да и потом, "обставил мебелью" это не "заполнил мебелью", а "создал в квартире удобства посредством мебели", т.е. сделал внешнее действие в отношении квартиры, не сильно на нее влияющее, поскольку изменения не связаны с самой квартирой; ср. сомнительность *Обставить квартиру новыми стенами*, при том, что такую реальность пред-

ставить можно: поставить новые раздвижные стены, или добавить новые стационарные. Тем самым, получаем следующую конкретизацию определения (2.1):

(2.1в) *Иван обставил квартиру мебелью* = 'Иван осуществил в отношении квартиры действие, не сильно на нее повлиявшее, – поставил в нее мебель, сделав квартиру более удобной'.

(Аналогичное значение имеют фразы *Оборудовать / оснастить квартиру*).

Во фразе *Плохо обставить пьесу* функциональное пространство задается значением лексемы пьеса $\cong$ 'представление'. Значение всей фразы в интересующем нас ключе можно описать так: вставить в представление нечто, не меняющее его по существу, но имеющее к нему какое-то отношение (неудачно использовать бутафорию и оборудование). Вполне аналогично и значение фразы *Торжественно обставить встречу делегации*: вставить в процесс встречи нечто, не меняющее ее по существу, но влияющее на нее (оркестр, подарки и пр.). И высказывание *Я хорошо обставлен, и дела мои недурны* можно интерпретировать сходным образом: имеет место нечто, не меняющее жизненное пространство субъекта по существу, но благотворно влияющее на него (хорошая работа, финансовый успех, друзья и под.).

Итак, мы видим, что все значения глагола *обставить* из словаря [Ушаков] охватываются значением *о/об-1*. Проанализируем кратко другие примеры.

Глаголы *обжить*, *обвыкнуть*, *обжечь* (свечу), *обкатать* (дорогу, коляску), *обкурить* (трубку), *обладить* (сани), *облежать* (диван – согласно словарю [Ушаков] – 'продолжительным лежаньем обмять, сделать более удобным'), *обносить* (новую одежду), *обстрелять* (ружье), *обустроить*, *объездить* (жеребца), *обуютить*, *оснастить* и под. имеют это же значение. Они выделяются (по энциклопедическому критерию) в отдельную группу, поскольку допускают простую общую трактовку: 'посредством внешнего действия приспособить Y для более полноценного функционирования'. *Обжить*, *обстрелять*, *обносить*, *объездить* – посредством внешнего действия (жить, стрелять, носить, ездить...) сделать более удобным для использования квартиру, ружье, одежду, жеребца и пр. Ср. описание из словаря [Ушаков].

Обносить

1. Привыкнуть к одежде, сделать что-н. удобным, надев несколько раз. *Обносить новый костюм* ("внешнее действие").

2. Обтрепать, привести в ветхость и негодность. *Все сапожки обносили*. Тургенев ("новое качество").

Вполне самостоятельную группу образуют глаголы *обнародовать*, *объявить*, *огласить*, *озвучить*, *опубликовать*, обозначающие различные представления текста для широкого (публичного) восприятия. Все они имеют в качестве объекта действия текст. Публикация, оглашение текста – это внешние действия, имеющие отношение к тексту, но не оказывающие сильного влияния на него – не создают, не изменяют его – налицо значение *о/об-1* в формулировке (2.1а). Очевидно сходное общее значение имеют глаголы *оформить*, *обрамить*, *обрисовать* (ситуацию), *облечь* (в слова), *очертить* (создавшееся положение), *осознать*, *осмыслить*, *определить*, *охарактеризовать* и под.

Аналогично трактуются глаголы *объяснить* (задачу, теорему), *обосновать*, *обозначить* (понятие, рисунок), *оценить*, *опознать* (человека). Ср. наличие глаголов с другими приставками, называющих главные действия: *разрешить*, *дополнить*, *изменить*, *упростить*, *доказать* (задачу, теорему, понятие, рисунок) и даже приемлемость *раздоказать* и отсутствие глаголов типа **обрешить*, **обдоказать*, **ополнить*: приставка *о/об-1* не может образовывать названия важных, невнешних действий.

Рассмотрим фразу *Оплакать покойника*. Здесь *оплакать* – также внешнее действие. Оно относится к покойнику, но не очень важное, в отличие, скажем, от *похоронить*, *захоронить*, ср. отсутствие аналогичных глаголов **охоронить*, **обхоронить*

покойника и наличие глагола *охранять*, называющего вторичное, "обслуживающее" действие.

Анализ глагола *оплатить* показывает, что он употребим в ситуациях, когда то, за что следует платить (предмет, услуга), уже предоставлено. Например, если покупатель набрал в открытой овощной лавке продуктов, продавец вполне может сказать: *Оплатите товар*. Но, если покупатель, стоя перед закрытой стеклянной витриной, перечислил продавцу, что он хотел бы купить, сомнительно сказать *Сначала оплатите*, но вполне нормально *Сначала заплатите*. Аналогично, сказать пассажиру *Оплатите билет* можно лишь в случае, когда билет уже в его руках, иначе – *Заплатите за билет*. Обращение *Оплатите проезд* уместно к уже едущим пассажирам, а не к тем, кто еще стоит в очереди, чтобы войти в автобус. Ср. также нормальную фразу *Моя поездка оплатил профсоюз* (внешняя организация) при том, что фраза *За мою поездку заплатил профсоюз* звучит хуже. Все это позволяет нам трактовать мотивирующее действие "плата" как внешнее, т.е. связанное с оплачиваемой услугой, но не решающее (то, что оплачивается, уже получено). Представим себе гайшника, который говорит водителю *Платите / заплатите мне штраф и поезжайте*. Плохо в данной ситуации сказать *Оплатите штраф и поезжайте*. Если же гайшник выписал квитанцию и водитель в Сбербанке спрашивает, куда платить, вполне нормален ответ *Оплатите штраф во вторую кассу*. Сказанное, в частности, объясняет, почему требование рабочих выплатить задержанную зарплату плохо выразить фразой *Оплатите наш труд, нашу работу*, поскольку никакого "залога" у рабочих нет. Однако директор вполне может сказать кассиру *Оплатите их труд*, поскольку этот труд директором уже получен. Ср. также фразу *Оплату труда гарантируем*, задающую такую ситуацию: сначала работа, потом ее оплата.

Сходным образом объясняется и глагол *одолжить*: здесь мотивирующее действие – "дать / взять Y в долг" – не отдает совсем, а только передает Y во временное пользование, т.е. является внешним, неглавным. Заметим, что глагол *одарить*, который оказал бы сильное воздействие – изменил бы владельца – по логике вещей такого значения иметь не должен. Он его и не имеет, ср. некорректность фразы **Одарил сестру машиной*.

В глаголах *обознаться*, *обмшуриться*, *обмолвиться*, *оговориться*, *описаться*, *осечься*, *оступить*, *ослышаться*, *ошибиться* "внешнее действие" производит в отношении себя сам X. Поскольку все эти глаголы указывают на небольшие промашки X-а, естественно в номинации соответствующих действий использовать приставку *о/об-1*. Глагол *опоздать* также указывает на не сильный ущерб Y-у, ср. *Он слегка опоздал*.

В словарных описаниях глагола *обменять* указывается, что мена обычно происходит на объект того же типа и ценности, ср. *Обменять*. Отдав какой-н. предмет, получить взамен другой, обычно равноценный" [Ушаков]. *Обменять книгу / собаку / квартиру / валюту*. Следовательно, мотивирующее действие "менять" является внешним, т.к. не сильно изменяет этот объект. Аналогично обстоит дело с глаголами *обналичить*, *обезналичить* (деньги), *оприходовать* (товар) и глаголами *обжаловать*, *опротестовать* (решение суда). В последнем случае мотивирующее действие называет лишь попытку изменить решение суда. Глаголы, реально влияющие на него, не содержат приставки *о-/об-1*: *изменить*, *отменить*, *пересмотреть*, *утвердить*, *утратить* (силу). На их фоне глагол *одобрить* указывает лишь на согласие с решением и, стало быть, тоже не сильно на него влияет.

Перечислим еще некоторые глаголы, имеющие значение *о/об-1*.

Обрусеть, *офранцузеть*, *обольшеветь*... – не стать русским, французом, большевиком (нет радикальной перемены), но приобрести сходные черты. Ср. также *Русский фанатизм оленевел*, *обрежневел*. А. Солженицын.

Глаголы *облегчить*, *облокотить*, *огрубеть*, *огрубить*, *ожесточить*, *оздоровить*, *окрепнуть*, *омолодить*, *опереть*, *опробовать*, *опустить*, *оробеть*, *освежить*, *осветить* (положение дел), *ослабить*, *охорашивать* указывают на приобретение объек-

том некоторой степени признака, не меняющей объект радикально. Например, они употребимы в словосочетаниях типа *Слегка (немного) облегчить / омолодить / обновить / оробеть...* Ср. также, *ожесточить* означает стать более жестоким, но не стать жестоким. Стало быть, эти глаголы имеют значение *о/об-1*.

3. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ *О/ОБ-2* – "ТОТАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ"

3.1. Определение и классы употреблений

Это значение отличается от значения "внешнее действие" двумя основными свойствами: а) объект, на котором осуществляется действие, должен быть многоэлементным или многоаспектным (пространственно протяженный объект, представленный как совокупность частей, множество, совокупность аспектов объекта) и б) действие распространяется на все элементы или аспекты объекта и не может распространяться только на некоторые. Определение значения уже было дано в п. 1.2. Повторим его.

(1.2) Значение *о/об-2* – "тотальное действие": *Х оговорил Y (все условия) / обошел весь дом / обзвонил всех друзей / обделал свое дельце / обсчитал все расходы* – 'благодаря X-у действие, названное мотивирующим глаголом, осуществляется для каждого элемента (фрагмента) многоэлементного объекта Y'.

Замечание 1. "Внешнее действие" может относиться как одноэлементному, так и многоэлементному объекту. Например, фраза *Иван обошел все посты* может трактоваться двояко: а) Иван избежал контактов с постами ("внешнее действие") и б) Иван проверил все посты ("тотальное действие").

Замечание 2. Свойство многоэлементности объекта не всегда носит объективный, внеязыковой характер. Часто оно является продуктом языковой интерпретации объекта. Высказывание *В поисках кота Иван обошел весь участок* фактически означает, что Иван представил участок как совокупность множества мест, в каждом из которых мог находиться кот. Точно так же, о человеке, который посредством стука искал пустоты в стене, вполне можно сказать *Он обстучал всю стену*. При этом стене приписывается мозаичная структура, обуславливающая многократное повторение действия "стучать". Аналогично с фразой *Обделать дельце*, которая, на наш взгляд, представляет результативный процесс, как последовательность отдельных мелких результативных действий, приведших в совокупности к положительному результату. Фраза *Попадись эта тема другому автору, тот бы ее обделал иначе* (Добролюбов) также представляет "тотальное действие": тема многоаспектна и *обделать ее* – значит раскрыть, проработать все аспекты (см. описание глагола *обделать*, п. 2.3, значение 4).

Разобьем глаголы с приставкой *о/об-2* на классы, задаваемые типом объекта Y, испытывающего тотальное действие.

1. Протяженный (линейно, по площади, по объему) пространственный объект:

обглядеть, обнюхать, обсмотреть, общупать, оглядеть... обмахать (весь город), *обойти* (весь дом), *облететь* (весь район)... *обжать* (всю рожь), *обкосить* (весь луг), *обловить* (озеро, реку – 'выловить рыбу на всем пространстве', ср. *облава*)... *опорожнить, опростать, опустеть, опустошить, охолостить* ([БТС] дает такое описание значения 2: "выпить или съесть все без остатка". *Охолостить целого гуся, Охолостить бутылку водки*)... *осыпать* (торт сахарной пудрой), *опылить* (поля)... *обелить* (потолок), *обложить* (небо тучами), *обрить*... *обследовать, обыскать... обколоть* (все пальцы), *обстучать* (стену), *обвешать* (стену картинами), *обработать* (помещение, деталь)... *обводнить, озеленить, облесить, ...очистить* (от примесей), *обогащать* (руду)... *ободрать* (шкуру), *одеть, ожиреть, окутать, осветить, остричь*.

2. Объект – множество элементов:

обзвонить *оборвать* (яблоки, лепестки), *обсосать* (все косточки), *оповестить*, *опросить*, *охватить* (население подпсковой)... *обстирать*, *обшить*, *обчинить*, *обмундировать* (призывников), *одарить* (детей подарками)... *обломать* (ветки), *облететь* (о листьях)... *обрусить*, *онемечить*, *офранцузить*.

3. Многоаспектный объект:

обобрать, *ободрать* (как липку), *обмерить* (изделие), *обсчитать* (расходы), *обговорить* (все детали договора), *обмозговать*, *обозреть* (творчество писателя), *обсосать* (все нюансы), *обсудить*, *оговорить* (все условия сделки)... *обделать* (дельце), *обложить* (налогом), *обуять*.

Выше, в п. 1.1 были рассмотрены примеры *Остричь ногти* ("внешнее действие" – срезается край Y-а) и *Остричь волосы* ("тотальное действие" – срезается весь Y). Аналогично с глаголом *обрезать*, см. ниже, п. 3.2. В связи с этим может возникнуть впечатление, что интерпретация характера действия – внешнее оно или тотальное – зависит от говорящего. Однако это не всегда так. Глагол *обломать* относится только к "тотальному действию". Можно сказать *Обломай все ветки*, но плохо **Обломай несколько веток*, ср. значение 1 из словаря [Ушаков]: "Отбить, отломать кругом. *Обломать сучья дерева*". Глагол *обломить*, напротив, имеет значение "внешнее действие", ср. корректность фраз *Обломи несколько веток*, *Ветка обломилась* (плохо **обломилась*), и *Иван упал*.

В первом классе есть и другие глаголы, например, *одеть*, *ожиреть*, *обвешать*, *обрить*, которые, подобно глаголу *обломать*, имеют только значение "тотальное действие". *Одеть ребенка* означает ≡ 'полностью закрыть его тело'. Поэтому, в частности, правильно сказать *Одеть в плащ / в платье* и неправильно – **Одеть в рубашку, в брюки* (≡ частично закрыть тело), но правильно *Одеть ребенка в рубашку и брюки*. Глагол *ожиреть* тоже соотносим только со всем человеком. Плохо сказать **У него ожирели ноги / ягодичцы*. В медицине используется словосочетание *ожирение сердца*, но оно возможно лишь потому, что сердце мыслится как самостоятельный объект (плохо сказать **ожирение живота*, но можно – *ожирение желудка*). С глаголом *обвешать* ситуация несколько иная. Можно сказать *Обвешал игрушками / картинками верхнюю часть елки / стены*, но тогда верхняя часть и есть весь Y. Нельзя сказать, что часть Y-а обвешана, ср. некорректность фразы **Елка была с трех сторон обвешана игрушками* и корректность фразы *Елка была с трех сторон окружена заграждением* ("внешнее действие"). Глагол *обрить* допускает в качестве своего объекта только целостный, самостоятельный Y, ср. *обрил голову, ноги, руку*, но **обрил часть подбородка*, **обрил макушку головы*.

Глаголы второго класса обладают только значением "тотальное действие", ср. некорректность выражений **обзвонить / *обстирать / *одарить некоторых детей*.

Глаголы третьего класса полисемичны, но обладают и значением "тотальное действие". Корректность высказываний типа *Обговорить некоторые детали* обусловлена, на наш взгляд, тем, что эти "некоторые" и есть все те детали, которые требовалось обговорить.

3.2. Анализ примеров со значением "тотальное действие"

Для иллюстрации специфики "тотального действия" рассмотрим описания глаголов *обрезать*, *обложить* и *окутать* из словаря [Ушаков]:

Обрезать

1. *что*. Отрезая часть чего-н., укоротить, уменьшить в размере. *Обрежь ножки стола на вершок* Даль. *Обрезать ногти. Обрезать ровно книгу* ("внешнее действие").

2. *что*. Срезать, отрезать совсем. *Обрезать волосы* *Обрезать бахрому у брюк* *Обрезать веревку* ('тотальное действие').

3. *что*. Отрезать по всей поверхности чего-н., срезать кругом. *Обрезать мясо с костей* *Обрезать корку у хлеба* ("тотальное действие")

4. *что* Поранить чем-н. режущим. *Обрезать палец* ("внешнее действие").

5. *кого-что*. Совершить над кем-н. обряд обрезания (религ.) ("новое качество").

6. *кого-что* Не дать говорить кому-н, остановить, сделав резкое замечание (разг.) *Он его на первом слове обрезал* Даль ("новое качество").

7 При кладке или рубке стены – сделать уступом, чтобы нижняя часть была шире верхней (спец.) ("внешнее действие")

Первое частное значение относится к "внешнему действию" – удаляется небольшая внешняя часть объекта: кончики ножек стола, края ногтей, страниц.

Второе значение относится уже к "тотальному действию", поскольку действие охватывает весь объект – удаляются все волосы, вся бахрома, вся веревка. И волосы и бахрома и веревка трактуются как многоэлементный объект, все элементы которого удаляются. В последнем случае возможно двойное толкование. Фраза *Обрезать веревку* может пониматься и в значении "внешнее действие", если отрезается не вся веревка, а только ее конец, и в значении "тотальное действие", если она отрезается полностью (все ее элементы), ср. сомнительность фразы *Обрезать половину веревки*, не допускающей ни ту, ни другую трактовку (лучше использовать глагол *отрезать*).

Третье значение – также "тотальное действие": удаляется все мясо, вся корка хлеба, ср. некорректность фраз **Обрезать кусочек мяса с кости / корки с хлеба* (если это не последний кусочек мяса / корки – тогда это снова "тотальное действие").

Четвертое значение – "внешнее действие" – поверхностный порез или срезана часть кожи

Пятое значение – "новое качество" (в религиозном плане), также как и шестое, см выше, конец пункта 2.5.16.

Седьмое значение – "внешнее действие".

Обложить

1 (*несов* обкладывать), *кого-что чем* Положить что-н. кругом кого-чего-н., окружить чем-н. *Обложить больного подушками* *Хозяйка обложила голову ему льдом*. Гончаров || *что*. Обделая, располагая что-н по поверхности, вокруг. *Обложить клумбу дерном* *Печи обложить пестрыми .. изразцами*. Гончаров ("внешнее действие", ср *Обложить клумбу дерном со стороны улицы, Обложить печи по бокам изразцами*).

|| *что* Покрыть сплошь густой, плотной массой, чем-н. стелющимся, расстилающимся. *Туча уже обложила горизонт*. Гончаров *Небо кругом обложило свинцовыми облаками*. Салтыков-Щедрин. || *безл* обложить, обложило. О языке, горле: покрыть слоем густого белого налета (при заболевании) (' тотальное действие ').

2. (*несов* *нет*) *кого-что*. Окружить войсками (воен.). *Обложить крепость* *Обложить неприятеля*. *Уральск долго был обложен казачьим кольцом* *Фурманов* ("тотальное действие", ср. некорректность фразы **Крепость обложили с трех сторон* – крепость трактуется как многоэлементный объект, с разными выходами, и все они должны быть закрыты).

3 (*несов*. обкладывать) *кого-что* Окружить (зверя) при охоте (охот.). *Обложить медведя в берлоге* ("тотальное действие").

4 (*несов* облагать) *кого-что чем*. Обязать к уплате какой-н. денежной суммы (налога, каково-н. взноса в пользу государства или на общественные цели; офиц.) *Обложить подоходным налогом* *Обложить штрафом*. || *что чем*. Установить налог на какой-н. вид имущества (офиц.) *Обложить прибыли* *Обложить доход с торговли* ("тотальное действие").

5. (*несов* обкладывать), *кого-что* Грубо обругать (вульг.) ("внешнее действие", см. выше, п 2.5.1)

Прокомментируем отдельно значение 4. В целом, его трактовка понятна: объект обложения (подоходным налогом, штрафом) очевидно многоэлементный, а само обложение распространяется на все элементы. Трудность возникла лишь с последним примером *Обложить доход*, пока не было осознано, что и здесь доход – многокомпонентный объект, поскольку периодически повторяется; все его компоненты и подвергаются урезанию. Ср. сомнительность фразы с однокомпонентным объектом *Полученные нами деньги обложили налогом* и нормальность аналогичной фразы с многокомпонентным объектом *Получаемые нами деньги обложили налогом*.

Окутать

1. *чем.* Обвернуть для сохранения тепла или для согревания. *Окутать ребенка одеялом. Окутать ноги пледом. Плотно укутала голову шалью* ("внешнее действие").

2. *перен.* Обволакивая, плотно окружить со всех сторон (поэт.). *Мартовская ночь, облачная и туманная, укутала землю. Чехов. Синее даль с ее угрюмым лесом, укутанным осенней мглой. Тютчев* ("тотальное действие").

4. ЗНАЧЕНИЕ О/ОБ-З – "НОВОЕ КАЧЕСТВО"

4.1. Определение и классы употреблений

Определение этого значения было дано во Введении. Повторим его с небольшими модификациями:

(4.1) *о/об-з* – "новое качество": *Х одеревенел / обезумел / ожил / обнищал / овдовел* – 'мотивирующая основа прямо или косвенно (метафорически) указывает на появление у *Х-а* качественно нового свойства, состояния или возникновение для него нового положения дел';

(4.2) *о/об-з* – "новое качество": *Х оплодотворил / осыятил / очаровал / образумил Y-а* – 'мотивирующая основа прямо или косвенно (метафорически) указывает, что благодаря *Х-у* у *Y-а* появилось качественно новое свойство, состояние или возникло новое для него положение дел'.

Разъяснение понятия "качественно новое свойство, состояние" будет дано ниже в этом пункте.

Разобьем множество употреблений глаголов в этом значении на два класса: непереходные (1), когда новое качество обретает *Х* (*Иван онемел*) и переходные (2) – новое качество обретает *Y* (*Иван оживил птицу*). Внутри каждого класса для облегчения восприятия выделены относительно произвольные подклассы а), б) и т.д.:

1а) *одеревенеть, окаменеть, окостенеть, окоченеть, оледенеть, омертветь* ('стать безжизненным, нечувствительным'), *ороговеть* (о затвердевшей коже), *остекленеть, остолбенеть, отвердеть, оцепенеть, очерстветь, очугунеть* ('стать тяжелым, неподвижным' – *лицо очугунело*)...;

1б) *оглохнуть, околоть, окосеть, окриветь, онеметь, опочить, осипнуть, ослепнуть, охрипнуть, охрометь, ояловеть* ('стать бесплодной')...;

1в) *обалдеть, обезуметь, обмереть, обомлеть, оборзеть, одичать, одуреть, ожить, озвереть, окосеть* (от водки), *опунеть, опьянеть, осатанеть, осоловеть, осоветь, оторопеть, отрезветь, отупеть, офигеть, офонареть, охаметь, охмелеть, охренеть, очертенеть, очуметь, ошалеть, ошизеть*...;

1г) *обеднеть, обнищать, одряхлеть ...овдоветь, осиротеть*...;

1д) *ожеребиться, окотиться, опороситься, отелиться, оцелиться, оягниться, обьягниться*...;

1е) *одуматься, оказаться, опомниться, очнуться, очутиться, очухаться... окончиться, остановиться, остаться ... осветиться* (внутренним светом), *очиститься* (от грехов)...*опозориться, осрамиться*...;

2а) *обворожить, образумить, оглушить* (успехом), *огорошить, одарить* (талантом), *одурманить, окрылить, окрутить, опьянить* (призывом), *ослепить* (красотой), *осчастливить, охмелить, очаровать, ошеломить... обагрить, озолотить, окрасить* (кровью снег), *осеребрить... обожествить* (силы природы), *обожить* (человека), *одухотворить, одушевить, оживотворить, окрестить, опростить, освятить, очистить* (от скверны)...;

2б) *обрюхатить, оживить, оплодотворить, опылить* (цветок), *осеменить... оскопнить, охолостит*...;

2в) *обводнить* (местность), *обогащать* (торговца), *озеленить* (район), *опреснить, оросить* (степи), *осушить* (болото), *очистить*...;

2г) *обвинить, обелить, обличить, оговорить, оклеветать, опозорить, опорочить, оправдать, очернить, ошельмовать... оборвать* (на полуслове), *обрезать, одернуть, опустить* (замечанием), *осадить* (репликой)...

2д) *обрести, овегествить* (труд в товаре), *осадить* (соль), *осуществить* (замысел)... *овладеть, одолеть, осилить...освободить... опечатать* (квартиру)...

2е) *обездолить, обезличить, обезлюдеть, обезобразить*...;

2ж) *окончить, оставить, остановить*...

Попробуем разяснить третье значение "новое качество" и отделить его от двух предыдущих значений. Прежде всего, заметим, что предыдущие значения определяют действие относительно объекта: в одном случае действие является внешним к объекту, в другом – тотальным, захватывающим все его элементы. Но главное при этом, что объект в общем и целом сохраняется, не изменяется кардинально. Можно *остричь кончики волос*, а можно *остричь все волосы*. Но при этом сами волосы останутся неизменными. Можно *обломать ветки, обсосать косточки, обтереть губы, обрезать мясо с кости, обхамить покупателя, оплатить покупку, обменять валюту, обставить квартиру, объяснить задачу, оценить вещь, опознать человека, обрисовать ситуацию, ободрать шкуру, озеленить участок*. При этом окружение, поверхность, отражение, понимание, удобство объекта или отношение к нему изменятся, но сам объект – ветки, косточки, губы, мясо, покупатель, покупка, деньги, квартира, задача, вещь, человек, ситуация, шкура, участок – останется по существу неизменным. Именно поэтому и можно говорить о характере действия в отношении объекта.

В значении "новое качество" акцент переносится с действия на объект: глагол указывает, что объект радикально изменился, преобразовался, обрел свойство, переводящее его в другой класс объектов. *Иван онемел* – Иван стал немым. Неясно, какое действие вызвало этот эффект, да это и не важно. Сообщается о новом качестве Ивана. Аналогично с фразами *Иван остолбенел, охамел, обеднел, овдовел, очухался, окоченел, осатанел, окрылен, осветился внутренним светом*. В большинстве случаев мы также не можем представить, какое действие привело к качественной перемене в Иване, к тому, что он застыл подобно столбу, стал хамом, бедным, вдовцом, пришел в себя, стал недвижим и скован от холода, уподобился сатане, как бы обрел крылья, достиг "зримого" внутреннего просветления.

Из сказанного следует, что глаголов с приставкой *о/об-*, определяющих одновременно и действие и кардинальное изменение объекта, не существует (невольно напрашивается аналогия с принципом неопределенности в квантовой механике). А стало быть, все глаголы с приставкой *о/об-* распадаются на два типа: глаголы-действия, называющие изменения, происходящие с объектом или вокруг него, но не затрагивающие его сущностных свойств: *объехать, окружить, обрезать, обмыть, обmaterить, обыскать, осветить* и др., и глаголы-качества, указывающие на возникновение у объекта качественно нового состояния, свойства, или на переход объекта в другой класс: *оглушить* (успехом), *одурманить, окрылить, ошеломить, обожествить, оживотворить, окрестить, очистить* (от скверны), *обрюхатить, оплодотворить, опреснить, осушить* (болото), *оговорить, опорочить, оправдать, овегествить* (труд в товаре), *осадить* (соль), *освободить, опечатать* (квартиру) и др.

Выше, в п. 2.6, мы отнесли глаголы *оговориться, описаться, оступиться* и др. к значению "внешнее действие", поскольку ущерб, нанесенный X-ом самому себе, невелик. Сейчас глаголы *опозориться* и *осрамиться*, включенные в (1е), отнесены к значению "новое качество". И дело не только в том, что здесь ущерб количественно гораздо больше. Последние два глагола безусловно относятся к типу глаголов-качеств, поскольку они называют состояния (позор, срам). Предыдущие глаголы, напротив, представляют тип глаголов-действий (говорить, писать, ступать).

Ниже мы убедимся, что введенная дихотомия, отражая существо дела, не решает всех проблем различения значений. Проиллюстрируем это одним примером.

Во фразе *Я опустил немного полку* глагол *опустил* имеет значение "внешнее действие" и относится к типу глаголов-действий, поскольку он описывает конкрет-

ное изменение положения картины. Во фразе *Ты опустил Ивана этой репликой* тот же глагол относится уже к значению "новое качество" и к типу глаголов-качеств, поскольку указывает (посредством метафоризации) на новое состояние Ивана ("упавший авторитет"), ср. также сомнительность выражения *«слегка опустить Ивана замечанием»*. Аналогично объясняются глаголы *оборвать* (на полуслове), *обрезать*, *одернуть*, *осадить* (репликой).

Поэтому, наряду с введенной дихотомией, хотелось бы иметь какой-то простой признак или контекст, идентифицирующий "новое качество". К сожалению, единого критерия нам найти не удалось. Однако можно указать несколько важных, часто сопутствующих этому значению свойств. Прежде всего, это наличие бесприставочного субстантивного прилагательного или существительного, задающего самостоятельный таксономический класс. Например, глаголы типа *ослеп*, *облысел*, *осиротел* или *отупел*, очевидно, имеют значение "новое качество", поскольку указывают на новое свойство объекта, а именно: он стал слепым, лысым, сиротой или тупицей. В этом случае мы имеем как бы языковое свидетельство перехода объекта в другой языковой таксон.

К сожалению, наличие бесприставочного субстантива не является ни необходимым, ни достаточным признаком.

Во-первых, не всякий языковой таксон имеет такой субстантив. Например, фраза *Х одушевил Y-а* указывает на переход Y-а в новый класс – *одушевленных* (но не духовных или душевных) вещей. Здесь трактовка "новое качество" также не вызывает сомнений, поскольку вещь в результате стала восприниматься как имеющая душу.

Во-вторых, не всякое имя задает требуемый – самостоятельный, отграниченный от других – таксон. Например, прилагательные типа *умный*, *глупый*, *добрый* называют не отграниченный класс, а степень признака. Возможно, поэтому и нет соответствующих глаголов **оглушел*, **обумел*, **одобрил*, но есть глаголы *поумнел*, *поглупел*, *подобрел*, называющие несколько большую степень признака, но не новое качество (= новый таксон).

В то же время, если есть подходящий субстантив, но называемое глаголом свойство ему не соответствует, это свидетельствует о том, что свойство не является качественно новым. Рассмотрим фразу *Х ожесточил Y-а*. Она говорит о том, что X стал ожесточенным или более ожесточенным, но не жестоким. Следовательно, имеет место значение "внешнее действие" – изменение объекта не существенно.

Важно подчеркнуть, что "новое качество" – это языковая, а не энциклопедическая категория. Язык не фиксирует, а навязывает, приписывает эту характеристику реальным объектам. Можно указать, по меньшей мере, пять способов языковой манифестации качественно нового состояния.

Во-первых, новым может быть дискретное (изолированное) состояние, например, *Глыба снега оледенела*. Глыба не была – стала *ледяной*². *Он давно отвердел / охромел / охамел*. Не был – стал твердым / хромым / хамом. Или *Он образумил / осилил / оскорбил его*. Дискретность состояний иллюстрируется некорректностью словосочетаний типа **Слегка (немного) оледенела / охромела / охамела*, или **Немного образумил / осилил / оскорбил его*. Наряду с приставкой *о/об-*3, дискретность здесь задают и лексические значения мотивирующих глаголов: быть льдом, хромым, хамом или разумным, усиленным, оскорбленным – неградулируемые состояния.

Во-вторых, новым может быть просто предельное, но недискретное состояние типа "опьянеть", "одичать". Недискретность подтверждается корректностью словосоче-

² Точный сопоставительный анализ пары глаголов *оледенеть* – *обледенеть* дан в [Кронгауз 1998: 147]: "...Глагол *оледенеть* означает изменение состояния субъекта действия, т.е. фактически 'стать ледяным', или 'стать как лед', или просто 'приобрести свойства льда'. Глагол же *обледенеть* означает 'покрыться льдом', т.е. речь идет об одном из пространственных вариантов значения приставки *об-*. Субъект действия в данном случае не становится ни льдом, ни ледяным...".

таний он слегка (немного) опьянел / одичал, указывающих на реальность промежуточных состояний, а предельность – тем фактом, что словосочетания *он опьянел / одичал* синонимичны словосочетаниям *он стал пьяным / диким* (достигнута полнота признака). Для сходных глаголов типа *оробеть, окрепнуть, ослабеть, облегчить, обновить, оздоровить, ободрить*, имеющих значение *о/об-1* ("внешнее действие"), такой синонимичности (в полноты признака) нет. Ряд *X оробел / окреп / ослабел* синонимичен ряду *X стал несколько робким / довольно крепким / заметно более слабым*, а не ряду *X стал робким / крепким / слабым*. Аналогичное высказывание *X облегчил / обновил / оздоровил / ободрил Y-а* синонимично высказыванию *Благодаря X-у Y стал более легким / более новым / более здоровым / более бодрым*, но не синонимично высказыванию *Y стал легким / новым / здоровым / бодрым*. Это свидетельствует о том, что данные глаголы называют не предельные (и качественно новые), а промежуточные состояния.

В-третьих, качественно новое состояние может конституироваться приписыванием объекту "чужеродного" свойства, характерного для объектов не только другого класса, но и другого мира. Например, *Древние обожествляли силы природы*. Здесь чужеродный признак "обожествляли" приписан вполне реально. Силы природы могут иметь божественное происхождение, и опровергнуть это утверждение вряд ли возможно. Тем самым, объект "силы природы" приобретает новое состояние. Другие примеры. *Он опростил свою жизнь*. Априори сложному объекту "жизнь" приписан адекватный в данном случае, но чужеродный, вообще говоря, признак "опростил" – сделал жизнь опрощенной, свойственной другому миру. Налицо – новое качество жизни. *Он овегествил свой труд в этом инструменте*. Нематериальный объект "труд" получает реальную характеристику "вещественность".

В-четвертых, новое состояние манифестируется метафорически: реальный признак объекта заменяется сходным, подобным, но явно не тождественным чужеродным признаком, принадлежащим объектам совершенно другого класса. Например, фраза *Иван ошизел* вовсе не означает, что Иван заболел шизофренией. Она означает, что он ведет себя подобно шизофренику.

И, наконец, в-пятых – новое состояние объекта может задаваться неологизмом: *Иван офонарел, охренел, опунел, огорошил Петра* и под.

4.2. Анализ примеров со значением "новое качество"

Рассмотрим сначала примеры метафорического задания новых состояний. Фразы *Ноги оледенели / одеревенели / омертвели* не означают, естественно, что ноги действительно стали ледяными / деревянными / мертвыми. Они означают, что реальные характеристики ног – холодные / неподвижные / нечувствительные – названы сходными характеристиками объектов других классов: лед / дерево / мертвец. Очевидным образом интерпретируются и фразы *Иван очерствел / осатанел / очумел*. Глаголы *обагрить, озеленить* и *очернить*, по-видимому, используются только метафорически, ср. типичность фраз *Обагрить снег кровью, Заря обагрила небо, Озеленить территорию. Очернить соседа* и некорректность фраз **Обагрить / озеленить забор краской. У глаголов обелить, осеребрить, озолотить* основные употребления – метафорические: *Луна осеребрила сад, Время осеребрило виски, Эта идея озолотила его* и под. Глагол *окрасить* также имеет метафорические употребления типа *Кровь окрасила снег, Лучи солнца окрасили море* (ср. *окрас* – цвет масти).

Словарь [Ушаков] отмечает у глагола *охватить* семь значений. Идентифицируем их.

Охватить

1. То же, что обхватить в 1 знач. *Охватил рукой его стан*. Тургенев ("внешнее действие").
2. Окружив, сдавить, сжать. *Задрожал охваченный черным платом подбородок*. А.Н. Толстой. *Охватить трубу железным обручем* ("внешнее действие").
3. Объять (о пламени). *Пламя охватило дом* ("тотальное действие").

4. Объять, обучать, подвергнуть своему влиянию. *Меня охватил запах гостиницы.* Л. Толстой ("тотальное действие"). *Охваченный возбуждением, он говорил то усмехаясь, то хмурая брови.* Максим Горький *Меня охватило чувство одиночества, тоски и ужаса.* Чехов ("новое качество").

5. Ввести в круг действия, влияния чего-н., включить в себя (нов.). *Охватить подпиской на заем всё население.* *Охватить клубной работой массу молодежи* ("тотальное действие").

6. Понять, уразуметь, усвоить (многое). *В этом умении охватить полный образ предмета.* *отчеканить, изваять его – заключается сильнейшая сторона таланта Гончарова.* Добролюбов ("тотальное действие").

7. Обойти, окружая и не отрываясь от своих частей (воен.). *Охватить правый фланг противника* ("тотальное действие").

Глагол *ослабить* – сделать слабее, имеет значение "внешнее действие", а глагол *ослабеть* – стать слабым – значение "новое качество".

Глагол *окончить* также имеет значение "новое качество", поскольку называет естественный конец процесса, предопределенный его содержанием, а не просто случайное его прерывание, ср. корректность словосочетаний *окончить школу / пьесу / шахматную партию / посевную / конференцию* и сомнительность словосочетаний *окончить подачу воды / бег / добычу руды*. Это же подчеркивает и существительное *окончание*, называющее завершающую стадию процесса. Аналогичное значение имеют и глаголы *остановить* (новое состояние – неподвижность объекта) и *оставить*.

5. О СООТНОШЕНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ И ЧАСТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПРИСТАВКИ *О/ОБ-*

5.1. Частные значения приставки

В академических грамматиках и некоторых других описаниях приводится от четырех до десяти частных значений приставки *о/об-* (см. весьма содержательный аналитический обзор этой темы в [Кронгауз 1998: 134–139]). Наиболее полные наборы значений даны в [ГРЯ, I: 580–582] и в книге [Барыкина и др. 1989: 29–30]. Перечислим эти значения по последней книге, помечая их соответствующими префиксными концептами.

1) "направить движение вокруг предмета" – *обойти, объехать, обнести...* ("внешнее действие");

2) "направить движение мимо предмета, в обход" – *обойти болото справа...* ("внешнее действие");

3) "направить действие на все стороны, на всю поверхность предмета или вокруг предмета (пространства)" – *оклеить, облицевать, обступить, огородить, обжарить...* ("внешнее действие");

4) "ошибочное действие" – *ослышаться, оступиться, оговориться...* ("внешнее действие");

5) "превзойти другого исполнителя действия" – *обойти, обыграть, опередить...* ("внешнее действие");

6) "нанести ущерб кому-либо" – *обвесить, обмерить, обсчитать...* ("внешнее действие");

7) "распространить действие на много объектов" – *обойти все магазины, одарить, обшить...* ("тотальное действие");

8) "всестороннее подробное действие" – *обдумать, осмотреть, обследовать...* ("тотальное действие");

9) "стать каким-либо, сделать(ся) каким-либо, довести действие до результата" – *оглохнуть, оглушить, осчастливить, осиротеть, окаменеть, ослабеть* ("новое качество"); *ослабеть, окрепнуть, облегчить, освежить* ("внешнее действие");

10) "снабдить кого-либо, что-либо чем-либо" – *обводнить, озеленить...* ("новое качество"); *озаглавить, оснастить, отоварить...* ("внешнее действие").

Ясно, что этот самый подробный список значений далеко не покрывает всех употреблений глаголов с приставкой *о/об-*. Конечно, его можно пополнять новыми ча-

стными значениями, например, на основе классов 1а–2ж из п. 4.1. Но все равно полным он не станет. Однако это и не нужно, поскольку у частных значений совсем другая функция. Чтобы уяснить ее, нужно сопоставить концептуальные и частные значения.

5.2. Двухкомпонентная структура значения приставки

Сделаем одно терминологическое разъяснение. На протяжении всей статьи используются термины "частное значение" и "концептуальное значение" приставки. Они называют два типа значения принципиально различной природы и назначения.

Концептуальное значение приставки – это довольно абстрактная схема, описывающая референтные ситуации в самых общих понятиях. Например, концептуальное значение *о/об*-1 "внешнее действие" характеризует референтные ситуации так: 'X каузирует внешнее относительно Y-а действие, т.е. действие, как-то связанное с Y-ом, но не влияющее или не сильно влияющее на него'. Такое описание нельзя непосредственно соотносить с ситуацией действительности, чтобы убедиться в ее пригодности быть референтом. Прежде необходимо интерпретировать ситуацию, уяснить в ней степень влияния действия на объект и т.д. Благодаря своей общности, такое описание задает очень широкий класс референтных ситуаций с самыми различными свойствами. Требуется лишь, чтобы эти свойства допускали интерпретацию общей схемы описания. Концептуальное значение недоступно непосредственной языковой интуиции носителя языка (будем говорить, что оно находится в языковом подсознании), и поэтому его экспликация требует определенной аналитической работы.

Частные значения, напротив, описывают те же референтные ситуации вполне конкретно и очевидно: "направить движение вокруг предмета", "направить действие на всю поверхность предмета", "нанести ущерб кому-либо" (см. список в п. 5.1). Каждое такое значение непосредственно отражает свойства своего подкласса референтов и никаких интерпретаций не требует. Оно доступно интуиции носителя языка (находится в языковом сознании). Отвечая на вопрос о значении, скажем, что с помощью приставки *о*- носитель языка описывает именно частные значения. В отличие от концептуального, частное значение задает узкий класс однотипных, прототипически схожих референтных ситуаций.

Итак, с приставкой связаны два типа значения: концептуальное и частные. Концептуальное значение дает общее описание всего класса референтов, а частные значения дают конкретные описания отдельных подклассов типичных референтов этого класса. Например, для приставки *о/об*-1 имеем:

(5.0) концептуальное значение "внешнее действие" – *о/об*-1 – частные значения 1–6.

Эту запись нужно понимать следующим образом. Если говорящий хочет дать языковое описание воспринятой и осмысленной им ситуации действительности, в его языковом подсознании спонтанно идет подбор подходящего концептуального значения, общие свойства которого соответствуют конкретным свойствам ситуации. Как только оно подобрано, допустим это "внешнее действие", сразу же в языковом сознании актуализируется форма *о/об*-1 [эту связь обозначает первое тире в (5.0)], а вслед за ней и форма глагола с этой приставкой. И наоборот, если слушающий воспринял такую форму глагола в рамках высказывания, то от формы его приставки *о/об*-1 он переходит к частным значениям 1–6 [эту связь обозначает второе тире в (5.0)] и на основе контекста высказывания выбирает подходящее частное значение. Оно подсказывает слушающему, на что похож референт воспринятого высказывания (ведь референта он, как правило, не видит), и помогает ему, тем самым, понять высказывание.

Например, услышав фразу *Иван обошел болото слева*, мы сразу же понимаем, о какой примерно ситуации действительности идет речь, поскольку контекст фразы указывает на частное значение 2 – "направить движение мимо предмета". С другой стороны, о разболевшейся и увеличившейся в объеме руке мы, не задумываясь, скажем *Рука опухла*, хотя эта ситуация не охватывается ни одним частным значением

из (5.0). Здесь мы уже непосредственно проверяем соответствие свойств этой ситуации концепту "внешнее действие" (подробнее о структуре языкового значения и его функциях в языковом процессе см. в [Кошелев 1999 41–52; 2001 78–84]).

В связи со сказанным, кажется разумным определить значение приставки как пару: 1) концептуальное значение и 2) соответствующий ему набор частных значений. Например, значение приставки *о/об-*1 имеет вид:

(5.1) значение *о/об-*1 = '1) концептуальное значение 'внешнее действие' и 2) его частные значения 1–6 (из списка в п. 5.1)'

Подчеркнем важность строгого разделения компонентов 1) и 2) в толковании (5.1). В совокупности они представляют собой сигнификативное значение (по Фреге). Смещение их, представление в толковании в нерасщепленном виде затрудняет выполнение рассмотренных только что функций, а, стало быть, и проверку адекватности толкования.

Аналогичные толкования получаем для других значений:

(5.2) значение *о/об-*2 = '1) концептуальное значение 'тотальное действие' и 2) его частные значения 7–8 (из списка в п. 5.1)'

(5.3) значение *о/об-*3 = '1) концептуальное значение "новое качество" и 2) его частные значения 9–10 (из списка в п. 5.1)'

Итак, приставка *о/об-* имеет три значения: (5.1), (5.2) и (5.3). Их количество определяется числом различных концептуальных, а не частных значений

Замечание. В рамках изложенной точки зрения не находится места понятию и термину 'инвариант', поскольку концептуальное значение ни в какой мере не является обобщением своих частных значений. В то же время термин концептуальное значение (или концепт) кажется нам подходящим, поскольку именно это значение отражает специфику представления ("концептуализации") действительности, свойственную русскому языку. Например, концепты "внешнее действие", "тотальное действие" и "новое качество" позволяют понять, какие действия в русской языковой картине мира относятся к сильно влияющим на объект, а какие – к слабо влияющим, какие положения или состояния объекта признаются существенно новыми, а какие – нет и под. Пример такого рассуждения дан в замечании пункта 2.5.1в.

6. О ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЯХ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

Этот раздел будет посвящен анализу и описанию лексических значений некоторых глаголов с приставкой *о/об-*. Знание концептуальных значений приставки сильно облегчает эту задачу, поскольку их вклад в семантику приставочных глаголов весьма велик. Поэтому мы будем стремиться к тому, чтобы в описании лексического значения глагола семантический вклад приставки был явным образом выделен

6.1. Лексические концепты

При анализе глагола мы будем исходить из того, что структура его лексического значения аналогична структуре приставки, т.е. состоит из двух компонентов: концептуального значения лексемы (мы будем называть его более кратко – лексический концепт) и частных значений. Например, лексическое значение глагола *обежать* (вокруг чего-то), рассматриваемого чуть ниже, имеет вид:

(6.0) Лексическое значение *обежать* (*Иван обежал поляну*) = '1) лексический концепт 'обежать' и 2) его частные значения'.

Лексический концепт дает общее описание всего класса референтов лексемы *обежать*, а частные значения дают конкретные описания подклассов типичных референтов этого класса. В толковых словарях приводятся именно частные значения слов. Это и понятно: человеку, не знающему значения слова, нужно прежде всего

понять, какие типичные ситуации оно обозначает. Лексический концепт, отвечающий за правильное употребление слова, ему в этом не поможет

Для иллюстрации сказанного рассмотрим описание глагола *обежать* из словаря [Ушаков].

Обежать

1. *что* Бегом обойти, пробежать кругом *что-н* *Обежать поляну* ("внешнее действие").
2. *что* Пробежать мимо *чего-н*, миновать во время бега *Обежать камень* ("внешнее действие")
3. *кого-что* Опередить в беге (спорт) ('внешнее действие').
4. *кого-что* Бегая, побывать в разных местах, повсюду; *Шутя три лавки обежала* Полонский ("тотальное действие")

Как мы видим, первые три частных значения относятся к концепту "внешнее действие", а четвертое значение – к концепту "тотальное действие". Следовательно, единый лексический концепт может быть только у первых трех частных значений. Попробуем сформулировать его, причем, таким образом, чтобы семантический вклад приставки (концепта "внешнее действие") был представлен явно.

Рассмотрим в качестве исходного следующее толкование частного значения 1:

(6.1) *X обежал 1 Y* = 'X осуществил перемещение вокруг Y-а посредством бега'.

Оно выглядит вполне адекватным, но мы, зная концепт "внешнее действие" приставки, можем указать, по крайней мере, две неточности. Во-первых, не всегда такое перемещение X-а можно назвать глаголом *обежал*. Например, если спринтер пробежал по спортивной дорожке вокруг футбольного поля дистанцию в один круг, вряд ли правильно сказать *Он обежал футбольное поле*. Во-вторых, пробегая вокруг Y-а, X не должен находиться слишком далеко от него, иначе также сомнительно будет сказать *X обежал Y*.

Обратимся к концепту "внешнее действие". Он указывает, что действие а) проходит во внешнем пространстве объекта Y, б) как-то связано с Y-ом и в) не очень сильно повлияло на него [см. определения (2.0) и (2.1) в п. 2.2]. Подчеркнем, что внешним пространством Y-а оказывается лишь довольно близкая его окрестность, в которой действие, не затрагивающее Y непосредственно, может трактоваться как связанное с ним. Например, если Иван вскопал землю вокруг яблони на расстоянии 30 метров от нее, вряд ли корректно сказать *Иван обкопал яблоню*, поскольку такое взрыхление земли, как мы понимаем, не влияет на яблоню (см. в п. 2.2 и другие примеры на эту тему).

Лексический концепт глагола *обежать 1* складывается из концепта приставки – "внешнее действие" и основы *бежать*. Объединяя ограничения концепта приставки и основы, получаем следующее толкование.

(6.2) Лексический концепт *обежать 1 (X обежал 1 Y)* = '(а) X поступательно перемещается посредством бега (б) во внешнем пространстве Y-а и (в) траектория его перемещения связана с Y-ом'.

В нем компонент (а) отражает вклад основы, а компоненты (б) и (в) – вклад приставки. Прежде, чем проверять адекватность этого толкования, напомним, что, будучи концептуальным, оно для каждого референта требует интерпретации, уяснения, можно ли конкретные свойства референта интерпретировать общими свойствами концепта.

Заметим, что перемещение X-а, огибающее Y в его близкой окрестности, удовлетворяет всем условиям концепта, поскольку X перемещается во внешней области Y-а и его огибающая траектория X-а легко интерпретируется как зависящая от Y. Далее, обратим внимание, что концепт (6.2) исключает пример с футболистом, бег которого удовлетворяет условиям (а) и (б), но не удовлетворяет условию (в), поскольку на траекторию его движения футбольное поле не влияет (об этом свидетельствуют наши знания ситуации). Исключается и случай, когда X огибает Y по слишком далекой тра-

ектории, поскольку здесь тоже сомнительным выглядит связанность траектории X-а с Y-ом (условие в).

Итак, общее толкование (6.2) оказалось точнее конкретного (6.1). Важно также, что удалось обойтись без характеристики "вокруг", которой нет ни в концепте "внешнее действие", ни в основе *бежать*. Более того, как мы видим, в (6.2) нет никакого требования, чтобы X пробежал полный круг. И это правильно, поскольку такого требования также нет ни в концепте, ни в основе. Следовательно, концепт (6.2) охватывает также и частное значение 2 'пробежать мимо чего-н., миновать во время бега'. Кстати, это описание существенно неточно: необходимо, чтобы X не просто пробежал мимо Y-а, а изменил бы свою траекторию под влиянием Y-а. Только тогда это движение можно интерпретировать как удовлетворяющее свойствам концепта (6.2).

Легко видеть, что (6.2) охватывает и промежуточные случаи, когда X обежал Y на три четверти круга или почти на круг. В этих случаях можно сказать X обежал Y и *пообежал дальше*, имея в виду, что Y был препятствием для X-а на пути его движения.

Обратимся, наконец, к частному значению 3 – 'опередить в беге'. До сих пор мы по умолчанию предполагали, что объект Y неподвижен. Но концепт (6.2) такого ограничения не содержит, поэтому вполне можно рассмотреть случай, когда Y тоже бежит. Зададимся вопросом: как должен бежать в этом случае X, чтобы удовлетворять условиям (6.2)? Ответ прост: он должен бежать вблизи Y-а и постепенно обгонять его. Только тогда X будет находиться во внешнем пространстве Y-а и траекторию его движения можно будет трактовать как связанную с Y-ом. Если X будет бежать наравне с Y-ом, он окажется неподвижным относительно Y-а и, следовательно, никакого действия, связанного с ним, производить не будет. Если же X будет отставать, он, во-первых, выйдет из сравнительно узкой внешней области Y-а, а во-вторых, такое перемещение (отставание) трудно будет трактовать как связанное с Y-ом. Итак, частное значение 3 тоже охватывается концептом (6.2).

В итоге получаем следующее толкование.

(6.3) Лексическое значение *обежать* 1 (*X обежал* 1 Y) = '1) лексический концепт (6.2) и 2) его частные значения 1 ("вокруг предмета"), 2 ("мимо предмета") и 3 ("опередить в беге")'.

Замечание. Лексический концепт (6.2) *обежать* 1 представляет собой результат сложения концепта "внешнее действие" с глагольной основой *бежать*, осуществленного путем взаимной конкретизации слагаемых значений. Благодаря основе а) произвольное внешнее действие стало конкретным (*бежать*) и б) внешнее пространство Y-а стало обычным физическим. Благодаря концепту траектория бегущего X-а получила ограничение: проходить в близкой окрестности Y-а. Короче говоря, итоговое значение представляет собой результат взаимной конкретизации значений-слагаемых. При этом дополнительных значений в новом концепте не возникает. Новое значение – оценка 'X опережает Y-а' – появилось не в концепте, а в частном значении 3 благодаря его прагматической интерпретации.

Еще один пример. В [БТС] дано такое толкование:

обласкать

ласково обойтись с кем-либо, проявить внимание, участие к кому-либо'. *Радушные хозяева обласкали гостя. Знаменитый писатель обласкал начинающего автора* ("внешнее действие").

В начале п. 2.5.2 было показано, что глагол *обласкать* относится к префиксному концепту "внешнее действие", который конкретизируется следующим образом: X занимает позицию "внешний", "чужой" к Y-у (поэтому плохо, в частности, сказать **Жена обласкала мужа*). Отсутствие такой конкретизации в приведенном толкова-

нии элиминирует семантический вклад приставки в лексическое значение. Сформулируем искомые толкования.

(6.4) Лексический концепт *обласкать* (X обласкал Y -а) = '(а) X ласкал Y -а, (б) находясь в позиции "чужой" к Y -у'.

Здесь компонент (а) отражает вклад основы, а компонент (б) – приставки.

(6.5) Лексическое значение *обласкать* (X обласкал Y -а) = '1) лексический концепт (6.4) и 2) частное значение "ласково обойтись, проявить внимание, участие"'.
Теперь наша главная цель – дать толкование лексического значения глагола *остановить*, имеющего согласно словарю [Ушаков], 12 частных значений. Но начнем мы с более простого, но близкого ему по значению глагола *остановить*.

6.2. Лексические концепты глагола *остановить*

Согласно словарю [Ушаков] глагол *остановить* имеет три частных значения:

1. Прекратить движение кого-н., чего-н., удержать на месте. *Вдруг сырный дух лису остановил*. Крылов. *Нужно было остановить лошадь*. Чехов. *Остановить маятник*. *Остановить часы*. || *что*. Прекратить, прервать. *Морозы остановили работу*. Даль ("новое качество").

2. *кого-что*. Сдерживать, запретить делать что-н. *Останови его, он стал говорить глупости* ("новое качество").

3. *перен.* Обратить, направить на что-н., сосредоточить на чем-н. (книжн.). *Остановить на ком-н. свои подозрения* ("внешнее действие").

Третье значение относится к "внешнему действию", поскольку здесь объект по существу не затрагивается действием и, тем более, не приобретает нового свойства или положения (см. п. 2.6). Первые же два значения относятся к префиксному концепту "новое качество". Действительно, оба они указывают на возникновение качественно нового положения объекта – неподвижности или прекращения деятельности – по сравнению с его движением или деятельностью.

Отдельно следует рассмотреть относящиеся к значению 1 примеры типа *Сиди, остановила Маша Петра, готового уйти*, говорящие об удержании на месте неподвижного, но готового прийти в движение человека. Они также относятся к концепту "новое качество", поскольку и здесь состояние объекта радикально изменилось.

Посмотрим сначала, какой вклад может дать основа, точнее существительное *стан*. Согласно словарю [Ушаков], это

1) Место расположения, стоянки; лагерь (книжн., обл.). *Певец во стане русских воинов*. Жуковский. *Стать станом в поле*; 2) Неподвижное основание... *Трубопрокатный стан*.

Резюмируя, можно сказать, что *стан* – это 'а) неподвижный массив и б) несдвигаемый с места, из-за своей большой массы'. (Свойство б) реализуется, в частности, в существительном *станина* – 'неподвижное основание для станка'.) Можно предположить, что и а), и б) – это два качественно новых состояния, в которые может переходить объект. Спрашивается, какие тогда могут быть у этого объекта прежние, качественно старые состояния? Ясно, что одно старое состояние – антипод состоянию а) – это движущийся объект, который в новом состоянии оказывается неподвижным. А второе старое состояние – антипод состоянию б) – это неподвижный объект, готовый в любой момент прийти в движение. И действительно, фраза *Мария остановила проходившего мимо Петра*, реализует тип а) (также как и существительное *остановка*), а фраза *Постой, остановила Мария Петра, собравшегося уже было идти дальше* – тип б).

Конечно, речь может идти не только о поступательном движении объекта. Фразы *Иван остановил кровотечение*, *Судья остановил игру*, *Морозы остановили работу* указывают на переход от течения процесса к его прекращению, а фразы *Не от-*

крывай окно, остановила меня сестра Петр уже готов был выстрелить но подзрительный шорох остановил его. Иван всем своим видом показывал, что хочет выступить, но сидевшая в президиуме Мария Ивановна остановила его гневным взглядом указывают на переход от состояния готовности к действию, к состоянию полного отказа от действия. Заметим, что тип б) не реализуется для неодушевленных предметов и нецеленаправленных процессов, ср. некорректность фраз *Иван остановил грозивший упасть камень или *Нужно остановить эпидемию, пока она не началась. Здесь нет явных свидетельств того, что движение камня, распространение эпидемии вот-вот начнется. Отметим в заключение, что глагол *остановить* указывает на прекращение какого-то вида движения или действия, но не свидетельствует, вообще говоря, о том, что объект стал полностью недвижим. Фраза *Иван остановил Петра, готового выстрелить* указывает на прекращение действия стрелять, а не на полную неподвижность Петра.

Из проведенного анализа следуют искомые определения

- (6.6) Лексический концепт *X остановил 1 Y-а* (*Мария остановила прохожего, Судья остановил игру*) = 'X проявил активность, благодаря которой объект Y прекратил движение или деятельность / процесс Y прекратил течение'.
- (6.7) Лексический концепт *X остановил 2 Y-а* (*Мария остановила прохожего, собиравшегося продолжить путь, Судья жестом остановил адвоката, видя его желание задать вопрос*) = 'X проявил активность, благодаря которой объект Y, собиравшийся начать какое-то движение / какую-то деятельность, сохранил неподвижность / состояние бездеятельности'.

Подчеркнем, что в каждом определении явным образом присутствует конкретизация префиксного концепта "новое качество".

6.3. Лексическое значение глагола *оставить*

Словарь [Ушаков] различает у глагола *оставить* 12 значений. Ввиду чрезвычайного разнообразия этих значений и употреблений, интересно будет рассмотреть их подробнее. Приведем сначала сокращенное (за счет примеров) описание из словаря [Ушаков]

Оставить

1 *кого-что*. Принося куда-н. или передавая, предоставляя кому-н., дать, положить, поставить и т.п. *Не застав никого, оставил записку. Оставил рукопись в редакции для просмотра.* || Положив, поставив, забыть, не взять с собой. *Оставил калоши в поезде*

2 *кого-что* Сохранить, приберечь, отложить. *Только для себя оставила лазейку Крылов. Оставил обед для опоздавших.* || Сохранить, не уничтожая того, что есть. *Бороду он брил, но усы не решился — оставил.* А. Н. Толстой *Оставил в силе закон.* || *что* Причинить, обусловить наличие чего-н. (о том, кого или чего уже нет, о минувшем, исчезнувшем, умершем источнике виновнике этого наличия). *Страсти и неумеренные увеселения плоти говорят языком старинных русских романов, оставили на нем свои глубокие бразды.* Салтыков-Щедрин. *Проехавший автомобиль оставил запах бензина* || Сохранить в каком-н. положении, состоянии. *Молю, теперь оставь меня в покое.* Пушкин *Оставить кого-н. в недоумении. Оставить вопрос открытым*

3 *кого-что* Заставить, предложить, пригласить остаться; заставить находиться где-н. *Оставить детей дома. Оставить гостей ужинать* || Не прогнать, не уволить. *Оставить на службе*

4. *кого-что* Уйти, удалиться от кого-н. оставшегося. *Я оставил генерала и поспешил на свою квартиру.* Пушкин || Уйти, уехать от кого-н. или откуда-н. *Оставь нас гордый человек!* Пушкин. *Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом.* Пушкин | Покинуть, бросить, лишив забот, внимания и т.п. *Солнышко мое ненаглядное, на кого ты меня оставил?* Л. Толстой || *перен* Покинуть, перестать существовать в ком-чем-н. (книжн.) *Силы оставили его.*

5. *кого-что без чего*. Не дать, не сделать, не предоставить чего-н. кому-чему-н., лишить чего-н. *Оставить без внимания просьбу. Оставить без обеда*

6 что и с инф. Бросить, перестать что-н. делать, чем-н. заниматься (книжн.). *Оставь надежду навсегда. Пушкин Оставить науку*

7 что Прекратить, не продолжать дальше (книжн.) *Оставить рутину и идти новыми, неизвестными доселе путями Салтыков-Щедрин Оставьте этот разговор*

8 что. Простить (устар.) *Оставь мне вину мою. Даль.*

9 кого-что Перестать трогать, приставать, надоедать *Оставь бумаги, не вороши Даль*

10 кого-что. О проигравшем человеке: сделать кем-н. (дав прозвище в зависимости от названия игры; разг.) *Оставить дураком (или в дураках)*

11 кого-что Не перевести в следующий класс (спец.). *Неуспевающего ученика оставили на второй год*

12. *Пов накл.* оставить, оставьте употр. также при отрицании и опровержении чего-н., несогласии с чем-н. или при требовании прекратить что-н. делать – *Оставьте! Это спор славян между собою. Пушкин. Петр Иванович, перебила Лизавета Александровна, не умничай, ради бога, оставь Гончаров*

Как кажется, и здесь все употребления глагола *оставить* распадаются на два аналогичных типа.

Тип а)

(а.1) *Павел оставил семью* (ушел из семьи);

(а.2) *Вошедший Павел прошел в комнату, оставив шляпу на вешалке;*

(а.3) *Павел оставил гостей на кухне.*

Тип б)

(б.1) *Павел оставил семью при себе* (не стал отправлять на дачу),

(б.2) *Вошедший Павел прошел в комнату, оставив шляпу в руке,*

(б.3) *Павел оставил гостей ночевать.*

Тип а) задает такой качественный переход: X был вместе с Y-ом и не предполагалось, что кто-то из них отделится – благодаря активности X-а, теперь X отделился от Y-а.

Тип б) задает другой качественный переход: X был вместе с Y-ом, но предполагалось, что Y отделится от X-а – благодаря активности X-а, Y по-прежнему вместе с X-ом, не отделился от него

Действительно, если в первой группе примеров X (Павел) *бросил Y-а* (семью, шляпу, гостей), отделился от него, то во второй группе наоборот – X сохранил при себе Y-а, воспрепятствовал его отделению. Этот же критерий обнаруживается и при отрицании: *Павел не оставил семью* (= остался с семьей), *Павел не оставил семью при себе* (= отправил ее на дачу).

Конкретизируем теперь введенные понятия Тип а) ("X отделился от Y-а") означает следующее: 'благодаря активности X-а некоторая деятельность Y-а **прекратилась**' (семья, гости утратили возможность общаться с Павлом, шляпа оказалась на вешалке, вне контакта с ним). Тип б) ("Y не отделился от X-а") означает другое: 'некоторая ожидаемая деятельность Y-а **не началась**, т.е. Y сохранил состояние бездеятельности относительно нее' (семья не поехала на дачу, гости не ушли домой, шляпа не переместилась на вешалку).

Замечание. Легко усмотреть полную аналогию с глаголом *остановить*, см. определения (б.6) и (б.7). Правда, у глагола *остановить* употребления типа б) гораздо беднее, чем у глагола *оставить*.

Рассмотрим фразу *Иван оставил семью без копейки денег*. Она допускает следующие два прочтения а) Иван забрал у семьи все деньги – деятельность семьи, связанная с расходованием денег, прекратилась и б) Иван не отдал семье полученную и ожидавшуюся семьей зарплату – та же деятельность семьи не началась (сохранилась бездеятельность в этом аспекте)

Это же различие проявляется и в других употреблениях. Во фразах *Проехавший автомобиль оставил запах бензина, Писатель оставил неопубликованный роман*.

Павел оставил детей без присмотра – реализуются употребления типа а) – запах перестал перемещаться с автомобилем, писатель перестал заниматься романом, дети лишились внимания, а во фразах *Павел оставил голову грязной / котенка в живых / лучшие земли за собой* – представлены употребления типа б) – Павел сохранил состояние бездеятельности – не помыл голову / не утопил котенка / не продал земли.

Прежде, чем сформулировать лексический концепт глагола *оставить*, обратим внимание на следующее обстоятельство: этот глагол употребим лишь в случае, если X как-то тесно связан с Y-ом, или Y в той или иной форме принадлежит X-у, подвластен ему. Рассмотрим такую ситуацию: В ресторане официант везет мимо столиков поднос с десертом. Можно сказать *Оставьте нам эти пирожные*, если поднос рядом и как бы "в вашем распоряжении". В противном случае, если, скажем, поднос недостаточно близко и предлагается всем, нужно сказать иначе, например, *принесите, подайте* и т.п., но не *оставьте*. Аналогично, оставить гостей ночевать могут только хозяева, а оставить шляпу можно только свою или чужую, которая на данный момент стала своей. Корректно сказать *Иван оставил рукопись Петра в издательстве*, но лишь в ситуации, когда Иван сам отнес и отдал ее в издательство и, тем самым, оказался непосредственно связанным с ней. Если рукопись передана через курьера, это высказывание становится некорректным (нужно сказать *передал в издательство*).

Дадим теперь определения концептов.

(6.8) Лексический концепт *X оставил Y-а* (*Иван оставил семью, Автор оставил рукопись в издательстве*) = '1) Y принадлежит X-у, его влиянию, или тесно связан с X-ом; 2) с какого-то момента времени Y благодаря активности X-а перестал участвовать в некоторой деятельности, в которой он участвовал до этого момента времени (т.е. оказался в состоянии бездеятельности относительно нее)'

(6.9) Лексический концепт *X оставил 2 Y-а* (*Иван оставил семью дома, Парламент оставил закон в силе*) = '1) Y принадлежит X-у, его влиянию, или тесно связан с X-ом; 2) с какого-то момента времени Y благодаря активности X-а не начал участвовать в некоторой деятельности, в которой он с этого момента времени должен был начать участвовать (т.е. сохранил состояние бездеятельности относительно нее)'

Эти концепты можно очевидным образом объединить: и в том и в другом случае до момента времени t_0 ожидалось, что после него Y будет участвовать в некоей деятельности (семья продолжит общаться с Иваном / семья отправится на дачу), но с момента t_0 ситуация кардинально поменялась ("новое качество"), поскольку ожидания не оправдались и Y оказался не участвующим в ожидаемой деятельности (семья утратила возможность общаться с Иваном / Семья не поехала на дачу). Теперь получаем единый лексический концепт

(6.10) Лексический концепт *X оставил Y-а* (*Автор оставил рукопись в издательстве, Автор оставил рукопись у себя*) = '1) Y принадлежит X-у, его влиянию, или тесно связан с X-ом; 2) до некоторого момента времени t_0 ожидалось, что Y после момента t_0 будет участвовать в некоторой деятельности, однако, благодаря активности X-а, Y с момента t_0 не участвует в ожидаемой деятельности'

В нем также явным образом присутствует конкретизация префиксного концепта "новое качество"

Не представляет труда проверить, что концепты (6.8) и (6.9) охватывают все 12 частных значений, приведенных в словаре [Ушаков]. Прокомментируем некоторые употребления, еще не рассмотренные выше.

Только для себя оставила лазейку Крылов *Оставить обед для опоздавших* *Оставить работу на завтра* *Оставить до другого раза* *Оставить для кого-н место в вагоне* *Бороду он брил, но усы не решился – оставил* А.Н. Толстой *Оставить в силе закон* *Оставить во-*

прос открытым. Оставить на службе Оставить без внимания просьбу Оставить без обеда Оставить надежду навсегда. Пушкин. Оставить науку

Все примеры относятся к типу б), т.е. к (6.9) – ожидаемое действие не началось (лазейку для себя не ликвидировал, обед не отправлен на кухню, место в вагоне не отдано обычным порядком, усы не сбриты, закон не отменен, вопрос не затронут, не уволить со службы, не рассмотреть просьбу, не дать обеда, перестать надеяться, перестать заниматься наукой)

Казалось бы, схожие примеры

Оставить дела в полном порядке, Оставить одни долги

уже относятся к типу а) т.е. к (6.8), поскольку имевшее место действие прекратилось (оставивший дела утратил к ним причастность, должник перестал отвечать по долгам) К этому же типу относятся и примеры

Страсти и неумеренные увеселения плоти, говоря языком старинных русских романов оставили на нем свои глубокие бразды. Салтыков-Щедрин На мне года гнетущих впечатлений оставили неизгладимый след. Некрасов.

Они аналогичны примеру *Заяц оставил следы*. Здесь следы, порождаясь в процессе движения зайца, затем отделились от него и, сохраняя отношение к зайцу, перестали находиться с ним в контакте, во взаимодействии. Точно так же "года", "страсти", в процессе протекания порождали свои следы, которые затем сохранились, "не ушли" вместе с ними. Аналогично трактуются фразы *Оставил бардак / следы пьянки / идеальный порядок* – тот, кто это порождал, перестал с этим взаимодействовать.

Наконец, нижеследующие примеры снова относятся к типу б), т.е. к (6.9):

Оставить дураком (или в дураках) Оставить зевакой Оставить акушкой Неуспевающего ученика оставили на второй год Оставил ферзя под ударом.

Здесь ожидаемое действие: "выйти из игры", "перейти в следующий класс", "убрать из-под удара" не произошло.

Ясно, что все 12 частных значений охватываются лексическим концептом (6.10), поэтому получим

(6.11) Лексическое значение *оставить* (Автор оставил рукопись в издательстве, Автор оставил рукопись у себя) = '1) лексический концепт (6.10) и 2) набор его частных значений 1–12 (см. начало п. 6.3)*".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барыкина и др. 1989 – А.Н. Барыкина, В.В. Добровольская, С.Н. Меерзон Изучение глагольных приставок 3-е изд. М., 1989
БТС – Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998
Гр-80 – Русская грамматика. Т. 1 М., 1980
ГРЯ – Грамматика русского языка: В 2 т. М., 1952–1954.
Кошелёв 1999 – А.Д. Кошелёв Описание когнитивных структур, составляющих семантику глагола *есть* // Логический анализ языка Языки динамического мира. Дубна, 1999
Кошелёв 2001 – А.Д. Кошелёв О некоторых механизмах функционирования языка (на примере глагола *взбираться*) // Rling. 2001 № 25
Кронгауз 1998 – М.А. Кронгауз Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика, М., 1998
Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова Т. II М., 1938.

* Выражаю глубокую благодарность И.Б. Шатуновскому за ряд проницательных критических замечаний, сделанных к первому варианту данной статьи

© 2004 г. Ж. БАГАНА

**МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ
ФРАНКО-КОНГОЛЕЗСКОГО БИЛИНГВИЗМА**

Международная значимость французского языка неоспорима. Наряду с такими языками, как английский, немецкий и испанский, французский язык широко распространен во многих странах мира. Особенно ярко он представлен в бывших французских и бельгийских колониях. Своеобразие французского языка в Африке проявляется практически на всех языковых уровнях и привлекает внимание как африканских, так и европейских исследователей (А. Кеффелек, А. Нвангуна, М.М. Нгалассо, О. Массуму, В.Т. Клоков, В.М. Дебов, В.П. Хабилов). Изучение особенностей, присущих французскому языку в Африке, позволяет намного лучше познать сам язык и, с другой стороны, способно внести серьезный вклад в разработку теоретических вопросов двуязычия и связанной с ним интерференции.

Прежде чем перейти к изложению основной темы статьи – интерферирующему влиянию конголезских языков на французскую морфологию и синтаксис в условиях афро-европейского двуязычия – приведем краткий обзор основных теоретических положений, касающихся билингвизма и интерференции в условиях языкового контакта.

Изучение языковых контактов в современной лингвистике представляет собой самостоятельное направление. Как отмечает Н.Б. Мечковская, происхождение языка и его контакты с "себе подобными" – это силы, как бы спорящие друг с другом, с противоположных сторон формирующие своеобразие конкретного языка [Мечковская 2000: 169]. При этом билингвизм становится одним из важнейших условий, делающих возможным языковой контакт. Согласно классическому определению, представленному в книге У. Вайнрайха "Языковые контакты", двуязычие – это попеременное использование двух языков [Вайнрайх 1979: 22]. Причем в процессе употребления двух языков происходит взаимное наложение языковых систем, что неизбежно приводит к интерференции.

Надо отметить также, что в употреблении термина "интерференция" в современной лингвистике наблюдаются довольно существенные разногласия. Одни исследователи, вслед за У. Вайнрайхом, продолжают под интерференцией понимать любые языковые изменения, обусловленные контактом и подразделяющиеся на "заимствование при сохранении языка" и "интерференцию вследствие языкового сдвига", но признают при этом оба явления "подтипами" интерференции [Thomason, Kaufman 1988]. Другие противопоставляют интерференцию как структурное и/или семантическое изменение форм одного языка под влиянием другого прямого непосредственному заимствованию. Третьи вообще трактуют интерференцию как понятие, характеризующее исключительно процесс усвоения второго языка (то есть, собственно говоря, ограничивая его применение речевой деятельностью), а контактные изменения в речевой деятельности предпочитают обозначать термином заимствование [Appel, Muysken 1987: 82–100]. Несмотря на то, что термин "интерференция" в последние годы сузил сферу своего применения, мы предпочитаем использовать его в первоначальном "вайнрайховском" понимании как удобное обозначение для любых изменений контактного происхождения в языковой системе речевой деятельности индивида.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В КОНГОЛЕЗСКОМ ВАРИАНТЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Изменения грамматической структуры под влиянием интерференционного фактора привлекает большое внимание ученых, в том числе исследователей европейских языков в Африке. Общее количество специфических элементов ФЯ (французского языка) в Конго, возникающих в результате контактов с местными языками и отличающих его от центрально-французского варианта, относительно невелико. В противном случае, имел бы место процесс пиджинизации, при котором "происходит изменение грамматического строя языка в сторону его изоляции, что сопровождается редукцией на различных уровнях (фонологическом, лексическом и грамматическом) в результате фрагментарного и неправильного усвоения этого языка носителями другого или других языков" [Дьячков 1987: 8]. На сегодняшний день выявление основных тенденций в эволюции грамматической системы ФЯ представляет определенную трудность, так как здесь, как и в случае с португальским языком в Африке, "степень отклонения от стандарта варьируется в зависимости от уровня использования" [Молодкин 2001: 158]. Литературный язык отличается нечастым употреблением некодифицированных грамматических особенностей, так как он ориентируется на литературную норму Франции. Напротив, разговорная речь "пестрит" подобными особенностями. Наибольшее количество изменений наблюдается в мезолекте и базилекте, иначе говоря, как и на фонологию языка, на его морфосинтаксис оказывает значительное влияние уровень образования населения. Однако фактор образованности не может быть определяющим, так как существуют нормы, характерные для всех слоев конголезского населения.

В данной статье мы будем рассматривать морфологические и синтаксические особенности конголезского варианта ФЯ, уделяя особое внимание тем явлениям, которые возникли в результате интерферирующего влияния языка киконго на французский язык. При этом, рассматривая явления морфологии и синтаксиса, мы, с одной стороны, старались выявить среди них общие, характерные как для центрально-французского, так и африканского ареалов, а с другой стороны – подчеркнуть те черты, которые определяют собственно конголезскую специфику ФЯ.

Существительное

Имя существительное представляет собой серьезную проблему в изучении французского языка. Определяя круг интересующих нас вопросов, необходимо в первую очередь отметить категории рода и числа имени существительного. Им в большей степени и будет посвящена следующая часть нашей статьи.

Чтобы выяснить все особенности существительного в конголезском варианте ФЯ, необходимо проанализировать данное явление и в языке киконго. В киконго имя существительное может иметь номинальную и вербально-номинальную базу. Номинальная база, в свою очередь, делится на два типа, согласно выполняемым функциям, – собственно номинальный и адъективный. Для того чтобы слово было закреплено за этой группой, необходим определенный префикс. Например: *buku – di-buku – le livre* "книга", *mputu – bi-mputu – la pauvreté* "бедность". Вербально-номинальная база предполагает переход глагола в разряд существительного путем его субстантивации с одновременным добавлением определенного префикса. Например: *sumba – acheter* "покупать" дает *ki-sumbi – l'acheteur* "покупатель", *bi-sumbi – les acheteurs* "покупатели". Какова бы ни была база, необходимо подчеркнуть, что африканцы привыкли к малоизменяемым формам, существенно отличающимся от структуры ФЯ. Итак, следует признать, что система существительных ФЯ сложнее, чем система банту.

Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются конголезцы, – это проблема рода имен существительных. Род существительного во ФЯ – это лингвистический феномен, с трудом поддающийся систематизации, хотя и представленный простой оппозицией "мужской/женский". Первый маркирован, а второй нет. Существительные женского рода образуются путем вариаций формы мужского рода. Данная категоризация определяет в общих чертах понятие рода. Существует также семантическая категоризация, состоящая в двойной оппозиции "одушевленный/неодушевленный объект". "мужской/женский род". По мнению М. Брекса, родовая оппозиция не вполне логична и мотивирована, даже с учетом того, что среди одушевленных существуют отношения противопоставления пола и рода. В одной категории, вопреки морфологическим признакам, некоторые слова женского рода относятся к представителям мужского пола (*une sentinelle* "сторож" относится к мужчине). Другие слова, входя в категорию мужского рода, могут обозначать особ женского пола. Так, например, *docteur* "доктор", *mannequin* "манекенщица" применяются как к мужчинам, так и к женщинам. В других случаях, женский род соотносится с семантическим аспектом указания пола: *femme/homme* "женщина/мужчина", *monsieur/madame* "господин/госпожа", *frère/sœur* "брат/сестра" [Brekx 1977].

Род в африканских языках – явление, в корне отличающееся от рода во ФЯ. Данный вопрос рассматривался многими зарубежными учеными. Грамматическая категория рода теоретически предполагает "разделение существительных по номинальным классам, в соответствии с характерными признаками, которые проявляются в согласовании с прилагательными и аффиксами (префиксами, суффиксами)" [Dubois, Lagane 1973: 229–230]. Среди российских ученых эта проблема изучалась такими исследователями, как В.А. Виноградов, И.Н. Топорова, А.Д. Луцков, А.И. Коваль, Н.В. Охотина и других. Так, по мнению И.Н. Топоровой, соотношение рода и класса в языках банту представляет собой важную теоретическую проблему. С другой стороны, как отмечает автор, нельзя отрицать различий, существующих между родом и классом. Для родовых систем индоевропейских языков маркированным является признак соотнесенности с полом (мужской – женский), одушевленность – неодушевленность, личность – неличность. Для банту признак пола является иррелевантным, в то время как здесь появляются такие признаки, как оценочность и локативность, не имеющие никакого отношения к родовым системам [Топорова 1997: 29–30]. Существительные в банту делятся на классы, исключающие понятие рода. По определению М. Гатри, для данных языков "наиболее полезным представляется определять класс как одну из отличных моделей согласования, причем реальный префикс независимого имени существительного используется как формальный знак для целой согласовательной модели" [Guthrie 1967: 343]. Распределение слов иноязычного происхождения по именованным классам языков банту – процесс, в котором до сих пор нет полной ясности. Дело в том, что семантика, некогда лежавшая в основе формирования именованных классов, к настоящему времени оказалась настолько размытой, что при поступлении в язык новой лексики определяющим, как правило, является ее префиксальное маркирование, при этом отсутствие именованного префикса также считается показателем класса. Однако, несмотря на ослабленность семантического критерия, в ряде именованных классов семантика выражена со всей очевидностью. Как подчеркивает А.Д. Луцков, именованные классы первоначально, видимо, сохраняли семантическую однородность, и доказательством этому является ряд существительных с определенным значением, о которых заранее можно предположить, в каком классе они будут находиться в том или ином языке банту, причем форма слова может быть совсем другой [Луцков 1997: 75–76]. Мы не будем подробно описывать все именованные классы банту, так как это не является задачей нашего исследования, а отметим лишь, что в киконго их насчитывают 17.

Именные классы языков банту (киконго)

1. <i>mu-kento</i>	2. <i>ba-kento</i>	<i>la femme/les femmes</i> "женщина/женщины"
3. <i>mi-ti</i>		<i>les arbres</i> "деревья"
4. <i>di-nkondi</i>	5. <i>ma-kondi</i>	<i>la banane/les bananes</i> "банан/бананы"
6. <i>ki-ntu</i>	7. <i>bi-ntu</i>	<i>l'ananas/les ananas</i> "ананас/ананасы"
8. <i>n-dilu</i>	9. <i>n-dilu</i>	<i>façon(s) de manger</i> "манера есть"
10. <i>lu-se</i>	11. <i>tu-se</i>	<i>le visage/les visages</i> "лицо/лица"
12. <i>bu-bote</i>		<i>la beauté</i> "красота", <i>la bonté</i> "доброта"
13. <i>ku-dia</i>	<i>le fait de manger</i> "прием пищи"	
14. <i>fi-(mwa)-bakala</i>	<i>un petit homme</i> "маленький человек"	
15. <i>gu-uma</i>	<i>endroit plat</i> "плоская поверхность"	
16. <i>mu-uma</i>	<i>endroit fermé</i> "закрытое пространство"	
17. <i>ku-uma</i>	<i>endroit éloigné</i> "удаленное место"	

Таким образом, пять именных классов в киконго имеют один вид префикса, а остальные соответствуют единственному и множественному числу. Как мы уже говорили, в обозначении классов в киконго отсутствует понятие рода. Если слово означает живое существо мужского или женского рода, то оно относится к определенному классу, а не к роду. Оба слова (мужского и женского рода) имеют один и тот же префикс, тогда как во французском языке каждое из них получает разный знак (артикль). Например:

mu-kento – *la femme* "женщина", *mu-bakala* – *l'homme* "мужчина", *ki-buti* – *la procréatrice* "родительница", *ki-nuani* – *le combattant* "воин", *mu-kazi* – *la femme* "жена", *mu-lumi* – *le mari* "муж".

В целом представляется возможным говорить о том, что конголезец находится в ситуации двойной системы: французской, содержащей морфологические и семантические признаки рода, и системы конголезских языков, лишенных всех морфологических признаков рода, где само его понятие выражается при помощи категориального чередования (лингала *mobali/mwasi* "мужчина/женщина", суахили *bwana/bibi* "мужчина/женщина"), а для неодушевленных объектов – с помощью присоединения указанных существительных к тому, которое имеется в виду. Так, оппозиция *coq/poule* "петух/курица" во ФЯ и конголезских языках выражается по-разному

Таблица 2

Оппозиция *петух/курица* во французском языке и конголезских языках

французский	<i>coq</i>	<i>poule</i>
лингала	<i>soso ya mobali</i>	<i>soso ya mwasi</i>
киконго	<i>nsusu ya bakala</i>	<i>nsusu ya nkento</i>
	↑	↑
	<i>poule (de) mâle</i> "самец курицы"	<i>poule (de) femelle</i> "самка курицы"

В речи франкоязычных конголезцев система рода подчиняется двум тенденциям с одной стороны, соответственно нормам стандартного ФЯ, а с другой – их ревизии. Первая тенденция проявляется в речи тех, кто хорошо говорит по-французски. Дру-

гая определяет речь остальной части населения. Точнее, эта последняя сводится к замене новыми морфологическими знаками знаков стандартного ФЯ и реструктуризации правил согласования. С одной стороны, такие существительные, как *fou* "сумасшедший", *inventeur* "изобретатель", *pêcheur* "грешник", *auteur* "автор", *loup* "волк", *professeur* "преподаватель", *mineur* "шахтер" часто употребляются в форме женского рода – *foue* вместо *foile*, *inventeuse* вместо *inventrice*, *pêcheuse* вместо *pêcheresse*, *autrice* вместо *auteur*, *loupe* вместо *louve*, *professeure* вместо *professeur*, *mineuse* вместо *mineur*. С другой стороны, определяющие существительные элементы (прилагательное, артикль, местоимение) не подчиняются правилам согласования стандартного ФЯ. Разница в системах ФЯ и киконго вполне объясняет неуверенность, которую испытывает конголезец, переходя на ФЯ, где существует четкая оппозиция мужской/женский род. Данное разграничение не свойственно носителям языка киконго еще и потому что их лингвистическое сознание базируется на понятии *фиктивного рода*. Представляется возможным подчеркнуть, что одна из основных трудностей, с которой сталкиваются конголезцы в ходе реализации французской речи, состоит в обозначении рода существительных. Часто европейцы судят превратно, не понимая, чего стбит африканцам переход на язык, не известный их предкам, и который они называют "чужой язык" (*langue d'autrui*). Для коренного француза трудно понять, почему африканец говорит *on trouve un solution* 'находят решение', *ils parlent la langue français* 'они говорят по-французски', *je veux du chèvre* 'я хочу мясо козы', *la petite frère de Papa* 'младший брат отца', *j'ai vu cette mari* 'я видел этого мужа', *pas toutes les mots correctement* 'не все слова правильны'.

В ходе заимствования французским языком лексики из киконго, существительные, как правило, принимают форму (род) соответствующего французского слова. При этом часто лексика бывает маркирована дважды – французским артиклем и конголезским префиксом. Возможно, это есть следствие влияния системы киконго, так как ему как и всем языкам банту, свойственна редупликация. Например *lu-kuni lu-nene* – *le bois le grand* 'большое бревно'. Данная схема заложена глубоко в сознание африканцев, и потому, используя заимствования из киконго, конголезцы переносят ее в свою французскую речь *un ki-ntunga* 'корзина' – *un panier*, где *un* – французский неопределенный артикль мужского рода при существительном *panier*, а *ki* – префикс при соответствующем слове из киконго. *Une di-kondi* 'банан' – *une banane* здесь *une* – артикль женского рода при французском слове *banane*, а *di* – префикс существительного киконго. Отметим, что подобное удвоение маркировок присуще речи всех слоев населения. Однако нельзя обойти вниманием тот факт, что артикль не может соответствовать всем значениям слова. Например, *moukanda* принимает форму артикля женского рода, так как соответствует французскому слову *une lettre* 'письмо'. Но *moukanda* может также иметь значение слов *un livre* 'книга', *un ouvrage* 'труд', которые, как мы видим, мужского рода. Как тогда определить, род какого из своих значений приобретет заимствованное существительное?

Особые проблемы возникают при употреблении обозначений профессий, не изменяющихся по родам. Нередко сами французы ошибаются при указании рода данной категории слов. Неудивительно, что африканцы совершают те же ошибки. Такие слова, как *professeur* "преподаватель", *écrivain* "писатель", *pasteur* "пастор" в Конго при обозначении женской профессии используются с женской формой артикля, прилагательного или указательного местоимения. Во ФЯ эти слова могут быть только мужского рода, но конголезцы маркируют их в соответствии с тем, кого имеют в виду – мужчину или женщину. Например *Ma professeur enseigne bien* "моя преподавательница хорошо обучает", *c'est une bonne pasteur qui est arrivée dans notre église* "приехавшая в нашу церковь женщина-пастор – очень хорошая", *Malanda est une écrivain congolaise* "Маланда – конголезская писательница".

Случается, что в речи конголезцев род французского существительного маркируется дважды в результате того, что само слово и детерминант воспринимаются как единое целое. Так, например, в случае с *le Larousse* артикль в понимании африканцев

неотделим от слова в связи с чем можно встретить следующую реализацию *voici votre le Larousse* ' вот ваш Лярус Или, *ce l'abbé réside a l'église Sainte-Anne* этот аббат пребывает в церкви Святой Анны . Данный феномен удивляет француза а конголезец ко всему этому относится вполне спокойно. Для большинства местного населения эти слова представляют собой неделимое целое, требующее дополнительной определяющей лексемы Они отчасти правы так как слова синтаксически неделимы и, по мнению лингвистов, представляют собой единое синтаксическое образование, то есть номинативные форму, выполняющую в предложении синтаксическую функцию Конголезцы, безусловно, добавляют к нему определяющее слово ошибочно, так как с синтаксической точки зрения, данное образование его уже имеет. Итак, в плане морфологии мы наблюдаем процесс агглютинации, при котором французские детерминанты и предетерминанты становятся частью существительного в языке-реципиенте, например, *l* в слове *lamulu* (лингала) "любовь", или *du* в словах *ducafe* кофе, *duthe* чай".

Что касается понятия множественности, то категория числа во французском языке представляет собой оппозицию основанную на семантическом противопоставлении единственности и множественности Единственное число обозначает один предмет или совокупность предметов, а множественное – несколько предметов или несколько совокупностей. Множественное число имен существительных во ФЯ образуется синтетически путем прибавления к форме единственного числа окончаний *-s*, *-x* и аналитически с помощью различающихся форм артиклей *le, lalles, un une/des*, а также с помощью согласований с глаголами и прилагательными В языках банту, как правило числовая характеристика на формальном уровне маркируется в префиксе имени и в согласователях В подавляющем большинстве языков формальным средством выражения является префикс. В.А. Виноградов отмечает, что "ярчайшей чертой классных систем всех типов является сопряженность именных классов с категорией числа, и не случайно наличие парных показателей, образующих комплексный знак именного класса, трактуется многими африканистами как один из диагностирующих признаков классной системы Именно категория числа может рассматриваться как словоизменяемый грамматический компонент семантики наряду с лексическим и классификативным" [Виноградов 1997: 16].

Категория числа во ФЯ всегда сопряжена с категорией рода Конголезец находится в ситуации тройной оппозиции мужской/женский род, мужской род/множественное число, женский род/множественное число И каждый раз он должен выбирать между *le/la un/une* с одной стороны, и между *lalles lalles* или *un/des une/des*, с другой стороны Этот выбор всегда труден, так как нужно переходить к тройной оппозиции Оппозиции, представленные в языках банту, всего лишь оппозиции числа Переход от одной системы к другой сопровождается изменениями в начале и в конце слова

Что касается начала слова, то здесь речь идет о замене показателей множественности языка банту на французские показатели Так, слово *bampangui* 'братья' в Конго может принимать формы *les mpangui* и *les bampangui*

При формировании множественного числа конец слова в языках банту остается неизменным (*mapassa* близнецы), тогда как во ФЯ к нему добавляются окончания *s* или *-x* (*les mapassas*) Но в конголезских условиях данные окончания, как правило, прибавляются не всегда даже той частью населения, которая не умеет читать и писать на своем родном языке.

Таким образом представляется возможным выделить три типа формирования множественного числа в конголезском варианте ФЯ

- 1) конголезский тип, состоящий в том, что французские слова образуют множественное число с помощью бантуского классного показателя: *ba-soucis* "хлопоты",
- 2) французский тип, предполагающий добавление окончания множественного числа и соответствующего артикля к конголезскому слову *les tékés* "представители северных племен",
- 3) комбинированный тип, объединяющий признаки двух систем – префиксы ки-конго и французский артикль – *les bateké(s)*

Наши наблюдения дают право говорить о наличии понятия *афро-французского варианта* оформления рода и числа имен существительных. *Афро-французский род* – это система, включающая двойной показатель рода, – сочетание французского артикля и африканского префикса. Так, *un dikulu* (мунукутуба) "нога" включает в себя французский артикль мужского рода *un* и африканский префикс мужского рода *di*; *un tobébisi* (лингала) "расточитель" содержит французский артикль мужского рода *un* и африканский префикс мужского рода *to*; *un musumbi* (киконго) "покупатель" – французский артикль *un* и африканский префикс *tu*.

Категория числа также характеризуется афро-французским двойным обозначением. Например, *des makulu(s)* – французский артикль и африканский префикс *ma*; *des babébisi(s)* – французский артикль *des* и африканский префикс *ba*, *des basumbi(s)* – французский артикль *des* и африканский префикс *ba*. Слова, начинающиеся с *n*, не меняются во множественном числе, а только предваряются французскими артиклями: *un ngembo* – *des ngembo* (лари, киконго) "меломаны"; *un ngoki* – *des ngoki* (лингала) "хайман"; *un ngola* – *des ngola* (мунукутуба) "сомы", *un nisambi* – *des nisambi* (киконго, лари) "музыкальные инструменты".

Одним из распространенных средств образования множественного числа во ФЯ Конго среди молодежи считается префикс *ba-*. Примечательно, что основоположником данного средства является известный конголезский певец Коффи Оломиде. Данный префикс чаще используется в тех районах, где преобладает язык лингала – Уензе, Талангай. Нередко можно услышать фразы типа: *ba filles (bafille) sont arrivées* "девушки приехали"; *ba petits (bapetit) ont pleuré* "мальши плакали". *Ba* в данном случае используется вместо французских артиклей *les/des*.

Группа французских существительных, у которых при образовании множественного числа на конце появляется *-s*, не составляют особой проблемы. Сложная ситуация складывается в случае, когда происходит изменение окончаний. Например: французские слова, оканчивающиеся на *-al*, могут во множественном числе менять свое окончание на *-aux* или на *-als* по желанию говорящего: *bocal* → *bocals/bocaux* "банки", *cheval* → *chevals/chevaux* "лошади". Слова на *-ail* в центрально-французском варианте, оканчивающиеся во множественном числе на *-ails* (кроме девяти исключений, которые заканчиваются на *-aux*), в конголезском варианте ФЯ могут факультативно оканчиваться как на *-ails*, так и на *-aux*: *corail* → *corails/coraux* "кораллы", *travail* → *travails/travaux* "работы, труды", *éventail* → *éventails/éventaux* "веера". Слова на *-oi* в центрально-французском варианте, оканчивающиеся на *-s* (кроме семи исключений, имеющих в конце *-x*), в Конго оканчиваются, в зависимости от привычки говорящего, на *-s* или на *-x*: *pou* → *pous/poux* "вошь", *clou* → *clous/cloux* "гвозди". Слова, обозначающие абстрактные понятия, конголезцами, как правило, используются во множественном числе: *des bonnes ententes* "хорошие взаимопонимания, согласия", *des imprudences* "неосторожности", *des patiences* "терпения".

Прилагательное

При формировании конголезского варианта ФЯ возникает ряд трудностей, связанных с реализацией прилагательного как части речи, обозначающей признак предмета. К наиболее распространенным затруднениям относятся выбор подходящего прилагательного и его согласование с существительным.

Уточним, что во ФЯ существует большое количество средств характеристики предметов и явлений. В языках же банту представлен достаточно ограниченный набор адъективных элементов. Чтобы восполнить в своем родном языке то, что обозначается во французском, конголезец прибегает к следующим способам:

1) использование синтагмы, где дополняющее слово выполняет функцию определения:

Bakala dia toma = дословно: *un homme de beau* (вместо *un bel homme*) "красивый мужчина"; *ndumba ya kongo* = дословно: *une fille du Congo* (вместо *une fille congo*

laise "конголезская девушка"; *mwana wa zoba* = дословно: *un enfant de paresse* (вместо *un enfant paresseux*) "ленивый ребенок"; *mfumu ya mbi* = дословно: *un chef de mauvais* (вместо *un mauvais chef*) "плохой начальник";

2) использование слов, включающих в себя *nga* – морфему, означающую "propriétaire de, possesseur de" (владелец чего-либо); слово, как правило, предваряется соответствующим префиксом:

mu-nga ngolo = дословно: *possesseur de la force* (вместо *un homme fort*) "сильный человек"; *mu-nga nkisi* = дословно: *un homme de fétiche* (вместо *un homme féticheur*) "фетишер"; *mu-nga miangu* = дословно: *un homme de méchanceté* (вместо *un homme méchant*) "злой человек";

3) использование идеофонических выражений вместо прилагательного:

nto ye ni swi = дословно: *la rivière est très calme* "река очень спокойная"; *mu-kento ni tsioni-tsioni* = дословно: *la femme est très jolie* "женщина очень симпатичная".

Подобное использование адъективных выражений вместо собственно прилагательного нередко переносится и во французскую речь местного населения. Конголезец, вместо того, чтобы найти подходящее для описания идеи прилагательное, прибегает к перифразам. Некоторые лингвисты подобное пристрастие к перифразам объясняют естественным желанием конголезца удлинить свое предложение. Но нам представляется необходимым уточнить, что речь идет не о стилистических изменениях, а о естественной форме языка. Если подходящее прилагательное существует в родном языке, то конголезец без всяких сомнений воспользуется его переводом на французский. Следует также подчеркнуть, что подобные структуры прочно заложены в сознании конголезца и задача состоит в том, чтобы "переключить" его с языка перифраз на французскую систему.

Следующей трудностью реализации французских прилагательных, как мы уже отмечали, является их согласование с существительным в роде и числе. Чтобы определить трудности, с которыми сталкивается конголезец, необходимо сравнить данное явление согласования во ФЯ и в языках банту.

Во ФЯ качественное прилагательное согласуется с существительным в роде и числе: *un garçon paresseux/une fille paresseuse* "ленивый мальчик/ленивая девочка"; *des garçons paresseux/des filles paresseuses* "ленивые мальчики/ленивые девочки". Из приведенного примера видно, что во французском языке не только существительные, но и прилагательные маркированы числом и родом. Нередко род существительного можно узнать только по прилагательному. Например: *pois blanc/pois blanche* "белый горох/светлый вар"; *poêle grand/poêle grande* "большая печь/большая сковорода". Ни одно из указанных слов само по себе не содержит маркировки рода. И только по форме прилагательного (или по артиклю) можно определить, к какому роду оно относится. Особые трудности возникают с группой прилагательных, оканчивающихся на немое *-e* и не изменяющих свою форму в зависимости от рода.

Как было сказано выше, в языках банту согласование происходит не по роду и числу, а по классам и числу, что еще больше мешает конголезцу при переходе на французскую речь. К тому же в киконго, как и в других языках банту, существует четкая аллитеративная система, состоящая в том, что определяемое существительное и определяющее прилагательное характеризуются одним классовым показателем, который, с одной стороны, выполняет синтаксическую функцию (аллитерация), а с другой, – семантическую функцию выражения множественности: *bu-ta bu-kufi* = дословно: *le fusil le court* "короткое ружье"; *ma-ta ma-kufi* = дословно: *les fusils les courts* "короткие ружья"; *tu-se lu-néné* = дословно: *le visage le grand* "большое лицо"; *tu-se tu-néné* = дословно: *les visages les grands* "большие лица".

Аллитерация здесь вполне закономерна: она существует в дополнительных синтагмах и в глагольных выражениях. Конголезец переносит ее и в свою французскую речь, что приводит к многочисленным ошибкам, состоящим в повторении детерминант.

Некоторые случаи согласования прилагательного представляют собой несколько меньшую проблему. Например

1) случай, когда существительное стоит во множественном числе, а прилагательное при нем ошибочно ставится конголезцами в единственном: *les élèves méchant* "злой ученики" вместо *les élèves méchants* злые ученики ,

2) неверное согласование прилагательного, применяемого для обозначения особ женского пола, с существительным мужского рода, и, наоборот, с существительными женского рода неверно употребляется прилагательное для обозначения мужчин *la directrice méchant* "злой директриса" вместо *la directrice méchante* "злая директриса"; *l'auteur copine* известная автор вместо *l'auteur connu* "известный автор" ,

3) сверхкорректное согласование прилагательного с местоимением *on on est grand(e)* "большой (большая)" , тогда как во французском языке с данным местоимением прилагательное используется только в форме мужского рода,

4) ошибочное употребление прилагательного во множественном числе с *vous* и *nous* при указании на одного человека *vous êtes bonnes* "вы хорошие" вместо *vous êtes bonne* "вы хороша"

5) ошибочное согласование прилагательного с существительным после оборота *avoir l'air* "иметь вид" . *les filles ont l'air heureuses* "девушки имеют счастливая вид" вместо *les filles ont l'air heureux* девушки имеют счастливый вид ,

6) согласование прилагательных, обозначающих цвет: *la lampe vert* "зеленый лампа" вместо *la lampe verte* "зеленая лампа" ,

7) согласование прилагательного с существительным, обозначающим профессию *une infirmière intelligent* "образованный медсестра" вместо *une infirmière intelligente* "образованная медсестра"

8) случай с прилагательными, выполняющими функцию наречия *elle est forte gentille* вместо *elle est fort gentille* "она очень милая"

Если родной язык конголезца и влияет на подобные случаи неверного употребления французских прилагательных, то степень этого влияния крайне мала. Все это не очень распространенные случаи реализации прилагательных, и они находятся на периферии функционирования данных морфосинтаксических структур. Тем не менее, в зависимости от умения управляться с ними, можно судить о степени владения языком тем или иным африканцем.

Кроме указанных выше трудностей, возникающих в ходе реализации африканцами французских прилагательных нам представляется необходимым обратить внимание на следующее обстоятельство – место прилагательного в предложении. При переходе на ФЯ конголезец, как, впрочем и большинство африканцев, часто путается с постановкой прилагательных в нужное место предложения. Это связано с тем, что языки банту делятся на три группы:

- 1) языки, в которых прилагательное предшествует существительному
- 2) языки, в которых прилагательное располагается после существительного,
- 3) языки, где прилагательное располагается в свободной позиции

Киконго относится ко второй группе, то есть прилагательные в нем находятся в постпозиции к существительному *lu-kaya lu bueki = la feuille la jaune* "желтый лист", *di-mpa di néne = le pain le gros* "большой хлеб" , *ma lala ma-fumba = les oranges les vertes* "зеленые апельсины". Конголезец, чьим родным языком является киконго, часто не улавливает стилистических нюансов препозиции и постпозиции французских прилагательных и, как правило, ставит прилагательное после существительного

Личное местоимение

Одной из особенностей употребления местоимений в Конго является то, что конголезцы в большинстве случаев испытывают трудности с выбором места личного местоимения в предложении. В речи конголезцев можно наблюдать следующие варианты использования личных местоимений

- 1) постпозиция личного местоимения в функции дополнения *j'ai vu lui вместо je l'ai vu* "я его видел",
- 2) употребление личного местоимения между вспомогательным глаголом и причастием прошедшего времени *nous avons l'aimé* вместо *nous l'avons aimé* "он нам понравился";
- 3) опущение личного местоимения в некоторых фразах Например *n a pas enseigne* вместо *il n a pas enseigné* "он не преподавал",
- 4) употребление одновременно существительного и местоимения, когда местоимение, собственно говоря, наделяется функциями префикса *Becker il est sorti* вместо *Becker est sorti* "Бекер вышел",
- 5) взаимозаменяемость местоимений 3 лица *le, la* на *lui, leur* на *eux, moi* на *me donne-la la main* вместо *donne-lui la main* "дай ей руку", *recueille-lui chez toi* вместо *recueille-le chez toi* "прими его у себя", *communique-me* вместо *communique-moi* "свяжись со мной"
- 6) употребление *se* перед невозвратными глаголами *il se mange* вместо *il mange* "он ест";
- 7) альтернативное использование в одном предложении местоимений *tut/te/vous, jelnous tu vous parles* вместо *tu nous parles* "ты нам говоришь",
- 8) факультативное согласование местоимения и его antecedента Местоимение мужского рода используется для обозначения существительного женского рода, а два местоимения, одно из которых мужского, а другое женского рода, относятся к одному существительному *ma sœur a dit qu'il est à la maison* вместо *ma sœur a dit qu'elle est à la maison* "моя сестра сказала, что она дома", *quand elle veut acheter, il va donner de l'argent* вместо *quand il veut acheter, il va donner de l'argent* если он хочет купить, он дает деньги"

Интерферирующим фактором данных отклонений от нормы является несовпадение систем личных местоимений во ФЯ и в киконго, а также их специфическое функционирование в предложении

Личные местоимения во ФЯ делятся на приглагольные безударные (conjoint) *je me, moi tu te, toi, il, le lui, elle, la, lui, nous, vous, ils, les, leur, elles, on se* и ударные (disjoint) *moi, toi, lui, elle, nous, vous, eux, elles, soi*

Приглагольные местоимения употребляются исключительно с глаголом и не бывают под ударением *on nous parle* "нам говорят" Ударные местоимения отделяются от глагола запятой (паузой), дефисом или предлогом *dites-moi* "скажите мне" Как правило, они находятся под ударением

Французская система личных местоимений, выполняющих столь различные функции, часто представляет для конголезца проблему, так как его родной язык отличается более простой системой личных местоимений В киконго, как и в других языках банту, также выделяются приглагольные безударные местоимения

n, tu-, u-, lu-, ba-

и ударные местоимения

me nge yandi beto, beno, bau

Но, в отличие от французского, приглагольное местоимение в киконго, как правило, сопровождается соответствующим ударным местоимением, которое в предложении играет роль экспансионального подлежащего

yandi u-zakale = lui, il est assis он сел",

mé n-télanané = moi je suis debout "я встал"

В данных примерах ударные местоимения лишены своей эмфатической функции и входят в нормальную структуру предложения Ударные местоимения не используются в том случае, если в роли подлежащего выступает существительное, тогда как приглагольные местоимения входят в глагольную структуру и сохраняются в предложении даже при наличии в нем подлежащего-существительного Самым естественным образом франкоязычные конголезцы переносят данную схему в свою речь

на французском языке. Например: *la fille elle est blessée* "девочка ранена"; *les cahiers ils sont tombés* "тетради упали".

Грамматические особенности конголезского варианта ФЯ, относящиеся к области использования местоимений, проявляются также в своеобразном использовании указательных, притяжательных и относительных местоимений, например, в отсутствии четких различий между некоторыми формами местоимений центрально-французского варианта: форма мужского рода множественного числа *ceux* заменяется на *ce*, а *c'est-là* на *cela* и т. д. Также здесь можно наблюдать отсутствие согласования между указательным местоимением и существительным, когда указательное местоимение мужского рода неверно соотносится с существительным женского рода: *la géographie que j'ai appris aujourd'hui n'est pas ce de l'année dernière* вместо *la géographie que j'ai apprise aujourd'hui n'est pas celle de l'année dernière* "урок географии сегодня не тот, что был в прошлом году". Нередки в речи конголезцев случаи взаимозаменяемости форм *dont/que* и *dont/où* в любом контексте: *la fille que le père est maçon* вместо *la fille dont le père est maçon* "девочка, отец которой каменщик", *la maison dont je suis né* вместо *la maison où je suis né* "дом, в котором я родился"; смешение на письме форм *quoi quel/quoique*: *quoiqu'il dit, on le croit* вместо *quoi qu'il dise, on le croit* "чтобы он ни говорил, ему верят", *quoi qu'il dise vrai, on ne le croit pas* вместо *quoiqu'il dise vrai, on ne le croit pas* "как бы он правдиво ни говорил, ему не верят".

Отметим также частое отсутствие сложных форм относительных местоимений *lequel* (м. р., ед. ч.)/*lesquels* (м. р., мн. ч.), *laquelle* (ж.р., ед. ч.)/*lesquelles* (ж. р., мн. ч.) и их обычная замена на *que* и *avec*: *la maman que je suis partie avec au marché est revenue avant moi* вместо *la maman avec laquelle je suis partie au marché est revenue avant moi* "женщина, с которой я пошел на рынок, вернулась раньше меня". Наконец, в некоторых предложениях наблюдается пропуск относительного местоимения: *tu as mangé toutes les choses on nous a acheté* вместо *tu as mangé toutes les choses qu'on nous a acheté* "ты съел все, что нам купили". Все эти преобразования проистекают из морфосинтаксических моделей языка киконго и других языков банту, распространенных на территории Конго.

Глагол

Глагол – часть речи, обозначающая действие или состояние и выполняющая в предложении в основном функцию сказуемого. Присущие глаголу грамматические категории времени, залога, наклонения и т. д. показывают характер протекания действия во времени, отношение действия к его субъекту и объекту, соотношение с моментом речи, показывают действие или состояние как процесс реальный, предполагаемый, желаемый, то есть в его соотношении с действительностью.

Реализация глаголов в речи конголезцев на французском языке происходит несколько иначе, чем в центрально-французском ареале. Среди наиболее распространенных особенностей можно отметить следующие:

1) использование формы глагола 3-го лица вместо формы 1-го лица с глаголами *aller, venir, partir, avoir*: *je va* "я идет" (вместо *je vais* "я иду"), *je part* "я уходит" (вместо *je pars* "я уйду"), что можно объяснить скорее невнимательным отношением к речи, чем интерферирующим влиянием местного языка;

2) выражение будущности при помощи структур, отсутствующих в стандартном ФЯ. Например, глагол в настоящем времени + причастие прошедшего времени: *elle va mis au monde* (вместо *elle va mettre au monde*) "она будет рожать"; или глагол в настоящем времени + глагол в настоящем времени: *on va boit* (вместо *on va boire*) "будут пить"; в киконго некоторые глаголы при спряжении не изменяют своей формы, а значение их ясно из контекста, поэтому африканец вместо того, чтобы употребить нужную форму французского глагола, подставляет ту, которая для него проще, не задумываясь о правильности; например, *boire* соответствует глаголу киконго *nua*, который в инфинитиве, в форме настоящего и прошлого времени будет выглядеть

одинаково: *tuendi tua nua* = *nous allons boire* "мы будем пить", *tua nua* = *nous buvons* "мы пьем" или *nous buvions* "мы пили";

3) по тем же причинам конголезец прибегает к инфинитиву как индикатору времени, чтобы указать на то, что действие было совершено в прошлом: *moi venir* "я приехать" (вместо *je suis venu* "я приехал"); какое на самом деле имеется в виду время можно понять только из контекста:

– *Pourquoi tu ne viens pas chez moi?* "Почему ты ко мне не приходишь?"

– *Moi venir, mais tu étais pas* "Я приходил, но тебя не было", или

– *Moi venir demain* "Я приду завтра";

4) недифференцированное употребление переходных и непереходных глаголов: *il lui a attendu*, буквально: "он ему ждал" (вместо *il l'a attendu* "он его ждал"); подобные ошибки в речи африканцев на ФЯ объясняются тем, что французские местоимения *le* "его", *la* "ее", *lui* "ему, ей" в киконго соответствуют всего одной форме местоимения *yandi*: *kélélé yandi* = *tu l'as attendu* "ты его ждал", *héni yandi* = *tu lui a donné* "ты ему дал"; отсюда путаница в использовании французских глаголов;

5) взаимозаменяемость глаголов *avoir* и *être*: *la fillette a resté triste* вместо *la fillette est restée triste* "девочка продолжала грустить" (см. ниже);

6) спряжение глаголов 3 группы по образцу спряжения глаголов 1 группы: *tu as buvé* (вместо *tu as bu*) "ты выпил", *il a voyé* (вместо *il a vu*) "он увидел"; или употребляются в инфинитиве: *je choisir ma place* "я выбирать место" (вместо *j'ai choisi ma place* "я выбрал себе место"); подобные ошибки, как правило, зависят от уровня образования говорящего, от ситуации общения, от социального статуса, и не обусловлены интерференцией со стороны местных языков;

7) употребление без дополнения таких глаголов, которые в стандартном ФЯ требуют дополнения: *une fille doit savoir préparer* "девушка должна уметь готовить" (вместо *une fille doit savoir préparer le repas* "девушка должна уметь готовить еду"). Дело в том, что многозначный французский глагол *préparer* соответствует глаголу киконго *lamba*, имеющему исключительно одно значение "готовить еду";

8) и наоборот, передача одним глаголом таких значений, для выражения которых в стандартном ФЯ необходимы различные глаголы. Так, например: глагол *allumer* "зажигать, поджигать" у конголезца ассоциируется с родным глаголом *namisa*, который, помимо значений "зажигать огонь, лампу", имеет множество других: *namisa la télévision*, *la radio*, *la voiture*, *l'avion*, *la machine* и т.д. По аналогии с этим африканским глаголом французский глагол начинает использоваться подобным образом: *allumer la télé* "зажечь телевизор" (вместо *mettre en marche la télé* "включить телевизор"), *allumer la voiture* "зажечь машину" (вместо *mettre en marche la voiture* "завести машину"). Подобное интерферирующее влияние конголезских глаголов на использование французской лексики – довольно частое явление в речи местного населения на французском языке;

9) использование неодушевленных существительных с глаголами, употребляемыми, как правило, с одушевленными существительными: *on a assaini le professeur* "профессора уволили (очистили)"; как правило, это происходит с теми глаголами, конголезские аналоги которых допускают подобное употребление;

10) возникновение вербально-номинальных категорий: *travail... travail beaucoup, pas dormir*, буквально: "работа... работа много, не спать" вместо *il faut travailler au lieu de dormir* "нужно работать, а не спать"; здесь явно видно влияние киконго, в котором роль подлежащего, дополнения и сказуемого могут выполнять большое количество лексем. Представляется возможным говорить о скрытом различии номинальных и вербальных элементов как в киконго, так и в элементарном французском;

11) одновременное использование двух прямых или косвенных дополнений: *demande le professeur la permission* "спросить преподавателя разрешения" (вместо *demande la permission au professeur* "спросить разрешение у преподавателя"); неверное использование дополнений с глаголами основывается на том, что в киконго не существует четкого разграничения "прямое/косвенное дополнение", поэтому нередко можно услы-

шать *j'ai acheté papa une veste* "я купил папа пиджак" от киконго *ntumbidi tata nzaka* (вместо *j'ai acheté à papa une veste* "я купил папе пиджак"); *j'ai apporté ma femme l'huile de palme* "я принес моя жена пальмовое масло" от киконго *néti mafuta mukazi* (вместо *j'ai apporté à ma femme de l'huile de palme* "я принес моей жене пальмовое масло"). Ошибки в использовании дополнений наиболее часто проявляются в базилекте и мезолекте и не представляют большой проблемы. Нам думается, что они являются результатом особенностей менталитета и невнимательного отношения к своей речи;

12) для конголезского варианта ФЯ характерно также плеонастическое употребление некоторых глаголов, например: *sortir à l'extérieur* "выйти наружу", *se rencontrer avec* "встретить с кем-либо", *sivre derrière* "следовать сзади". Здесь вряд ли стоит говорить о конголезской особенности использования глаголов, так как подобные ошибки встречаются и в речи настоящих французов; но нередко такое плеонастическое употребление глаголов связано с процессом калькирования из местных языков, так, например, конголезское выражение *nduka ku mbazi* дословно соответствует французскому *sortir à l'extérieur*, *buabwana na*, буквально *se rencontrer avec*, где *na* = *avec* – обязательная часть выражения;

13) устойчивые выражения, такие, как *il y a*, *у en a* (в том числе девазализированный вариант *у а n a*) комбинируются не только с существительными, но и с прилагательными и даже с глаголами: *у en a frères* "есть братья", *у en a content* "доволен", *у en a venir* "пришел, приехал", хотя, согласно нашим наблюдениям, данный оборот не очень распространен в речи образованной части конголезского населения.

В нашей работе мы не можем не обратить внимание на особенности употребления французских глаголов *avoir* и *être* с семантическим значением "иметь" и "быть". Глагол *être* во французском языке, не являясь вспомогательным, выступает в качестве глагола-связки, устанавливающего отношения между подлежащим и относящимся к нему существительным или прилагательным: *je suis grand* "я (есть) большой", *vous êtes grands* "вы (есть) большие", *elles sont grandes* "они (есть) большие". Из примера видно, что местоимение и прилагательное согласуются в роде и числе: местоимение множественного числа женского рода автоматически предполагает, что прилагательное будет в форме множественного числа и женского рода. Для конголезца, привыкшего к неизменяемым прилагательным, тяжело воспринимать французскую систему согласования. Особенно трудно ему осуществлять согласование не по грамматическим правилам, а по смыслу, например, в зависимости от того, какого пола говорящий: *je suis grand* или *je suis grande*. Ситуация осложняется тем, что в языках банту глагол-связка и прилагательное не изменяются ни в роде, ни в числе, а их согласование происходит согласно классовой системе. Например, в лингала *na zali mabé = je suis mauvais(e)* "я (есть) плохой(ая)", *ba zali mabé = ils/elles sont mauvais(es)* "они (есть) плохие", *to zali mabé = nous sommes mauvais(es)* "мы (есть) плохие", *bo zali mabé = vous êtes mauvais(es)* "вы (есть) плохие". Как видно, глагол-связка и прилагательное в африканских выражениях не изменяются, меняется лишь местоимение. Африканец, переходя на французскую систему, где варьируются все три составляющих: местоимение, глагол-связка и прилагательное, – вполне естественно делает ошибки согласования в роде и числе.

Что касается переходного глагола *avoir*, то он во ФЯ требует прямого дополнения *elles ont un téléphone* "у них есть телефон (они имеют телефон)", *tu as un stylo* "у тебя есть ручка (ты имеешь ручку)".

Вопросы, связанные с реализацией французских глаголов *être* и *avoir* в языках банту, уже привлекали внимание лингвистов. В частности А. Кагама в своей книге исследует вопросы употребления *être* в функции связки и сказуемого. Он отмечает, что значение глагола *être* в банту передается при помощи корней *li* и *ba*, не уточняя их происхождение [Kagame 1976 94–100].

С точки зрения точной лингвистики, наиболее точно описать природу и функции данного глагола в рамках индоевропейских языков и за их пределами удалось Э. Бенвенисту

Être в функции глагола-связки и глагола, означающего "наличие, существование", – лексема более пригодная для выражения существования, чем объединения. *Avoir* может быть подвергнут анализу только в отношении к *être*, так как это два взаимодополняющих вспомогательных средства. Их лексические значения не сильно отличаются, они оба означают состояния. Однако *être* – это глагол существования, а *avoir* – это глагол наличия. *Être* выражает внутреннюю связь присутствия или существования, тогда как между двумя словами, соединенными при помощи *avoir*, связь внешняя, связь между владельцем и тем, чем он владеет [Benveniste 1966: 187–207].

Ж.-П. Макута-Мбуку в свою очередь отмечает, что в языках банту, для выражения понятий *avoir* и *être* используется всего один глагол, а различие их происходит лишь на уровне синтаксиса [Makouta-Mboukou 1973: 207]. В целом, бантуские языки образуют глагол, соответствующий *avoir*, путем добавления к *être* суффиксов со значением *avec* 'с'.

Рассмотрим данное явление на примере некоторых выражений из языка киконго.

1) значение *avoir*:

дополнение	глагол	личное местоимение	примеры
<i>kintu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-a-ni</i>	<i>j'ai un ananas</i> "у меня есть ананас"
<i>kintu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-aku</i>	<i>tu as un ananas</i> "у тебя есть ананас"
<i>kantu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-andi</i>	<i>il/elle a un ananas</i> "у него/нее есть ананас"
<i>kantu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-eto</i>	<i>nous avons un ananas</i> "у нас есть ананас"
<i>kintu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-eno</i>	<i>vous avez un ananas</i> "у вас есть ананас"
<i>kantu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-au</i>	<i>ils/elles ont un ananas</i> "у них есть ананас"

2) значение *être*:

прилагательное или существительное	глагол-связка	личное местоимение	примеры
<i>ki-muntu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-a-ani</i>	<i>Je suis honnête</i> "я честный"
<i>ki-muntu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-aku</i>	<i>tu es honnête</i> "ты честный"
<i>ki-muntu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-a-ndi</i>	<i>il/elle est honnête</i> "он честный/она честная"
<i>ki-muntu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-eto</i>	<i>nous sommes honnêtes</i> "мы честные"
<i>ki-muntu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-eno</i>	<i>vous êtes honnêtes</i> "вы честные"
<i>ki-muntu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-au</i>	<i>ils/elles sont honnêtes</i> "они честные"

Из данных таблиц видно, что там, где во ФЯ используют два глагола, в киконго ограничиваются всего одной вербальной формой *ki-e*. Отсюда ошибки во французской речи конголезцев: *j'ai beau* вместо *je suis beau* "я красивый", *il a gentil* вместо *il est gentil* "он милый". Однако следует отметить, что глаголы *être* и *avoir* имеют разные формы, в соответствии с формой префикса существительного или прилагательного, выступающего в роли дополнения или составной части сказуемого. Еще одно отличие киконго относительно ФЯ заключается в порядке слов в предложении: дополнение и составная часть сказуемого всегда стоят в начале предложения. Например: *lu-nungu lu-e na-a-ni = piment j'ai* "перец у меня есть"; *lu-zolo lu-e na-a-ani = amoureux je suis* "влюблен я есть"; *buwa bu-e na-a-ni = un champignon j'ai* "гриб у меня есть", *bu-mputu bu-e na-a-ani = pauvre je suis* "бедный я есть". И хотя в языке лингала порядок слов в предложении совпадает с французским, два описанных нами понятия

выражаются одним и тем же глаголом – *zali*: *Na zali mabé = je suis mauvais* "я плохой", *o zali na kitunga = tu as un panier* "у тебя есть корзина".

Характерной особенностью конголезской реализации французских глаголов является добавление к ним префиксов лингала, которые могут быть маркерами либо инфинитива, либо времени. Например, в глаголе *ko-lancer* (*kolancer*) префикс *ko-* признак ближайшего будущего: *a ko-lancer des vêtements = il va acheter des vêtements* "он собирается купить одежду"; *ba ko-lancer des vêtements = ils vont acheter des vêtements* "они собираются купить одежду"; суффикс *zo-* признак настоящего времени: *a zo-lancer = il achète des vêtements* "он покупает одежду", *ba zo-lancer des vêtements = ils achètent des vêtements* "они покупают одежду". Префикс перед существительным, продублированный перед глаголом, дает значение прошедшего времени: *ba filles ba nager = les filles ont nagé* "девочки плавали".

Служебные слова

Служебные слова не выполняют номинативную функцию, то есть не являются названиями предметов, признаков, процессов, а служат для выражения отношений между явлениями действительности, названными знаменательными словами, и употребляются только в соединении с последними. Не обладая номинативной функцией, служебные слова не являются членами предложения, а используются как формально-грамматические средства связи. К служебным словам французского языка относятся предлоги, артикли, союзы. Что касается данного разряда слов в языках банту, то он включает в себя более широкий класс слов: наречия, предлоги, союзы, междометия, частицы и др.

Одной из самых серьезных проблем, с которой сталкиваются конголезцы при изучении ФЯ, является использование артикля. При этом особую сложность для них представляет партитивный (частичный) артикль, который в их речи часто меняется на определенный. Все дело в том, что в большинстве африканских языков категория партитивности передается при помощи уменьшительных частиц, и в устной речи трудно отличить партитивность от уменьшительного значения. Именно в этом состоит трудность использования конголезцами частичного артикля во французской речи. Например: *je mange la viande* вместо *je mange de la viande* "я ем мясо"; *il a bu trop de l'eau* вместо *il a bu trop d'eau* "он выпил много воды".

В речи местного населения имеет место также смешение слитного артикля множественного числа *des* и предлога *de*. Фраза *un père des enfants* вместо *un père d'enfants* "отец детей" весьма характерна для конголезского варианта ФЯ.

Что касается противопоставления "определенный/неопределенный артикль", то среди местного населения оно носит факультативный характер: *seuls des petits réagissent ainsi* вместо *seuls les petits réagissent ainsi* "только маленькие себя так ведут", *apporte des habits qui sont sur la chaise* вместо *apporte les habits qui sont sur la chaise* "принеси одежду, которая на стуле".

ФЯ в Конго также свойственны конструкции без артикля, в тех случаях, когда он обязателен в центрально-французском варианте. Так, в выражении типа *chambre clients* мы наблюдаем опущение артикля *des* – *chambre des clients* "комната для клиентов". Или: *Recteur est en réunion* вместо *le Recteur est en réunion* "ректор на собрании". И наоборот, там, где в центральном варианте нет артикля, во ФЯ Конго он может появиться: *en cas d'un doute* вместо *en cas de doute* "в случае сомнения".

Одну из типичных особенностей речи франкоязычного населения Конго составляет использование определенного артикля перед именами собственными: *Venez au stade applaudir les Wava, les Lofombo, les Mutumbilé* "приходите на стадион поддержать Вава, Лофомбо, Мутумбиле" (известно, что в французском языке Франции определенный артикль множественного числа перед именами собственными возникает только в случае, если речь идет о членах известных фамилий).

Согласно общепользовательским правилам, партитивный артикль используется с неисчисляемыми существительными, чтобы показать, что речь идет о части или о некотором количестве данного предмета или вещества. Во ФЯ Конго партитивный артикль часто ошибочно употребляется как с неисчисляемыми, так и с исчисляемыми существительными. Примером может служить фраза *donne-moi du crayon* "дай мне карандаш".

В плане морфологии наблюдается процесс агглютинации, при котором французские детерминанты и преддетерминанты становятся частью существительного в языке-реципиенте, например, артикль *l'* в слове лингала *lamulu* "любовь", или в существительных санго *ducafé* "кофе", *duthé* "чай" [Хабилов 1999].

Среди типичных ошибок необходимо также отметить путаницу с формами *de* и *du*. Так, например, *de* используется вместо *du*: *Nous restons tout près de Consulat d'Italie* "мы находимся рядом с итальянским консульством". Противоположное явление мы наблюдаем в отрицательных конструкциях. В стандартном ФЯ перед прямым дополнением при полном отрицании используется только предлог *de*. При неполном отрицании могут употребляться формы *du*, *de la*, *des*. Среднему конголезцу трудно уловить разницу полного и неполного отрицания, так как в его родном языке нет подобного явления. В киконго отрицание выражается при помощи частицы *ko*: *ka ndiena na mbongo ko* "у меня нет денег" и *ka ndiena na mbongo ko za lossa* "у меня нет денег, чтобы зря тратить". Как видно из примера, и в первой фразе, содержащей полное отрицание, и во второй, содержащей неполное отрицание, присутствует частица *ko*. Данную схему конголезцы переносят и на французскую речь: *je n'ai pas de l'argent* "у меня нет денег" и *je n'ai pas de l'argent pour le gaspiller* "у меня нет денег, чтобы их зря тратить".

К следующим случаям специфического употребления артикля можно отнести использование определенного артикля вместо его слитной формы: *il faut que je m'arrange le début de la soirée de faire ça* вместо *il faut que je m'arrange au (à + le) début de la soirée de faire ça* "мне нужно подготовиться сделать это в начале вечера"; также не свойственное ФЯ Франции влияние формы артикля на значение выражения.

Оппозиция "определенный/неопределенный артикль" в конголезских условиях принимает некоторые характерные только для данных условий черты. Например: *il a la tête* означает *il a mal à la tête* "у него болит голова"; *il a une tête* имеет значение "il est intelligent" ("он умный"). Противопоставление "определенный/неопределенный артикль" присуще, как правило, выражениям, содержащим названия соматизмов. При этом наблюдается изменение основного значения знаменательного слова. В данном примере неопределенный артикль представляет слово в его более общем значении. Что же касается определенного артикля, то он в данной ситуации придает слову специфическое значение, отличающееся к тому же пейоративным оттенком.

Следующей важной чертой ФЯ Конго представляется своеобразное обозначение притяжательности. Вместо притяжательного местоимения перед существительным африканцы используют различные аналитические формы, включающие предлоги *à*, *de* + ударное местоимение: *les oncles à moi* "мои дяди", *la chemise de nous* "наша рубашка", *la banane de toi* "твой банан" и т. д. Правильное выражение притяжательности является проблемой не только конголезцев, но и всех африканцев. В языках банту в подобных синтагмах дополнение может быть выражено как существительным, так и местоимением. Например, в киконго: *kikuti kia beto – l'habit de nous* "наша одежда", *dimpra dia nge – le pain de toi* "твой хлеб", *matanga ma beno – la fête de vous* "ваш праздник". Причина подобного выражения притяжательности лежит в том, что в языках банту притяжательные морфемы находятся в постпозиции к существительному, которое они определяют, тогда как во французском языке они ему предшествуют. Отсюда разница между ФЯ и киконго, которую иллюстрирует следующий пример: *mon arbre* "мое дерево" на киконго выглядит так: *mu-ti yu-a-ni* (буквально *arbre de moi*). Данную конструкцию африканец переносит во французскую речь. В частности, Ж.-П. Макута-Мбуку отмечает, что африканцы, изучающие французский язык, вместо того, чтобы

создавать правильные французские предложения, просто делают кальку с родного языка [Makouta-Mboukou 1973: 182].

Среди прочих особенностей, касающихся служебных слов, необходимо отметить более частое, чем в стандартном ФЯ, использование указательной частицы *là*, которая применяется для обозначения как удаленного объекта, так и расположенного поблизости: *c'est l'homme-là* "тот (этот) человек". Французский литературный язык предполагает четкое разграничение между формами *ce, cet (le) ...là, cette ...ci/là, ces – ci/là*. Разговорный же язык франкоязычных конголезцев сводит все формы к одной – *là*: *La femme là que tu vois est la femme du patron* "женщина, которую ты видишь – жена хозяина". В некоторых случаях, когда речь идет о приближенном объекте, *là* может быть заменено на *ici* "здесь", хотя семантически эти две формы почти не различаются между собой: *l'ami ici que tu vois est mon homme de confiance* "человек, которого ты видишь, – мой близкий друг".

В киконго, как и в других языках банту, имеется небольшое, по сравнению с ФЯ, количество предлогов. Несоответствие системы предлогов во ФЯ и киконго приводит к некодифицированному употреблению французских предлогов или к их опущению. Рассмотрим следующий пример: *nata mama ki-nkuti* – дословно: *apporte taman un habit* вместо *apporte à taman un habit* "отнеси маме одежду". В предложении на киконго отсутствует предлог, поэтому конголезец не считает нужным употреблять его и во французском варианте фразы. Это объясняется тем, что в центрально-французском варианте выражение обстоятельства места или направления движения происходит с помощью нескольких предлогов (*à, de, chez, pour, en*), а в киконго им соответствует всего один предлог – *ku*: *je vais ku village – je vais au village* "я иду в деревню". Опущение или неправильное использование предлогов может проявляться и в других ситуациях, например, когда предлог выполняет связующую функцию. Ср., *lamba bigia* – дословно: *préparer manger* вместо *préparer à manger* "готовить еду".

Некоторые синтаксические особенности французского языка в Конго

В данном разделе рассматриваются некоторые частные особенности грамматического употребления частей речи как под влиянием местных языков, так и в результате специфического хода развития ФЯ на территории Конго.

Кроме описанных выше случаев, специфика морфосинтаксиса ФЯ в Конго проявляется на уровне отрицания. В литературном французском языке полное отрицание реализуется при помощи отрицательных частиц *ne – pas/point, jamais, plus, guère*. Наиболее распространенной ошибкой конголезцев в отрицательном предложении является опущение первой отрицательной частицы, таким образом, выражение содержит всего один элемент отрицания. Однако необходимо уточнить, что подобное отклонение встречается не только на территории Конго, но и в речи самих французов. Например, *je sais pas* вместо *je ne sais pas* "я не знаю", *j'aime pas* вместо *je n'aime pas* "мне не нравится, я не люблю". Утверждать, что эти ошибки связаны с особенностями системы отрицания в родном языке говорящего, нам представляется не вполне правомочным. В языках банту существуют две системы – двойного и одинарного отрицания. В киконго, в частности, присутствуют два элемента отрицания – *ka(ke)...ko*, окружающие глагол: *mwana ka dididi ko = l'enfant n' a pas pleuré* "ребенок не плакал". Кроме того, по мнению Дж. Холма, двойное отрицание присуще языку эве, а также ряду языков группы ква [Holm 1992: 57]. А в лингала наблюдается единое послеглагольное отрицание *te: na lobi te = je n'ai pas parlé* "я не говорил". С прагматической точки зрения единое послеглагольное отрицание практически приравнивается к двойному. Эти два вида отрицания вполне могут влиять на отрицание в речи франкоязычных конголезцев. Однако в собственно французском просторечии опущение первого элемента глагольного отрицания – распространенное явление.

Следующая ошибка состоит в использовании отрицательных частиц в предложении, содержащем такие слова, как: *aucun, personne, rien* и т.д. Например: *personne*

n'est pas venu вместо *personne n'est venu* "никто не пришел", *aucun n'a pas pu assister à la réunion* вместо *aucun n'a pu assister à la réunion* "никто не смог присутствовать на собрании". Для речи конголезцев характерна взаимозаменяемость *pas* и *plus* во всех контекстах, а также использование отрицания как в начале предложения, так и в конце: *Tu parles? – Non, non, je parle pas* или *Je parle pas, non, non*. "Ты говоришь? – Нет, я не говорю". Отрицание, появляющееся в той или иной мере в мезолектной форме французского языка Конго характерно для ряда языков банту, находящихся в контакте с французским языком.

В киконго, как и в других языках банту, четко представлено явление реду п л и к а ц и и, то есть двукратное повторение слов, которое может означать множественность или собирательность, интенсивность или увеличение, продолжение или завершение, а также диминутивность. Редулицироваться могут глаголы, существительные, прилагательные и наречия. Эти характерные для конголезцев дуплетные формы легко переносятся во ФЯ, придавая ему особый местный колорит. Так, например, редупликация наречия *kala* "давно" (лингала) придает ему значение интенсивности: *kala-kala* "очень давно"; интенсивностью также отмечена редулицированная форма прилагательного *niueni-niueni* (киконго) "очень молодой"; как ответ на вопрос *buboté wena?* "как дела?" удвоенное прилагательное *fioti* "маленький" приобретает значение "неплохо, понемногу". Относительно глагола редупликация может выполнять функции передачи интенсивности и быстроты действия, а также его непрерывности и постоянной повторяемости: *dia-dia, tangu i fueni* "кушай-кушай быстрее"; *boma boma, nzoko a ye* "слон очень быстро приближается".

Отметим, что явление редупликации распространено, главным образом, в народно-разговорной речи, а также в прессе и художественной литературе. Франкоязычный конголезец переносит его и во французскую речь. Так, можно услышать: *béni-oui-oui* "соглашаться", *mal-mal* "очень плохо", *petit-petit* "очень маленький", *trouver-trouver* "долго искать" и т.д.

Правильная реализация французской речи зависит, прежде всего, от степени владения языком и от уровня образования, поэтому, как указывает С. Ньсяль, опущение союзных слов в сложноподчиненных предложениях характерно именно для мезолектной и базилектной разновидностей языка [N'Sial Sesep 1993: 101]. В частности, опущение союза *que* происходит в дополнительных придаточных предложениях: *il a dit, il arrive demain* вместо *il a dit qu'il arrive demain* "он сказал, что приезжает завтра"; в придаточных предложениях следствия: *l'enfant a cessé de pleurer il n'y a pas de bruit* вместо *l'enfant a cessé de pleurer parce qu'il n'y a pas de bruit* "ребенок перестал плакать, потому что прекратился шум"; в придаточных предложениях подлежащего: *il faut l'on travaille* вместо *il faut que l'on travaille* "нужно, чтобы он работал"; в придаточных определенных предложениях: *il n'a pas voulu acheter il a demandé au vendeur* вместо *il n'a pas voulu acheter ce qu'il a demandé au vendeur* "он не захотел покупать то, что попросил у продавца". В данном случае на правильность французской речи также оказывают влияние и местные языки.

Среди прочих особенностей следует отметить специфику вопросительного предложения. Французское вопросительное предложение образуется при помощи инверсии подлежащего, постановки вопросительного слова в начале или в конце фразы. В большинстве случаев конголезцы не соблюдают указанных правил, так как в местных языках подобные явления отсутствуют, и прибегают к просодическим средствам. Например, в киконго: *mwana sékélé = l'enfant dort? (est-ce que l'enfant dort)* "ребенок спит?"; *beno luisidi = vous êtes venus?* "вы пришли?"; в лингала: *bo-sombi ndako = vous avez acheté une maison?* "вы купили дом?"; *ndéko a ké = l'ami est parti?* "друг ушел?". Но конголезец никогда не скажет *l'enfant dort-il?, êtes-vous venus?* или *avez-vous acheté une maison?* Инверсия подлежащего – это такая особенность французского языка, которая не свойственна речи франкоязычных африканцев. Они часто используют конструкцию *est-ce que: est-ce que l'école est finie?* "уроки закончились?", но никогда не скажут *l'école est-elle finie*, скорее им свойственно выражать вопрос при

помощи восходящей интонации. Но случается, что конголезец, желая продемонстрировать свою компетентность во ФЯ, ошибочно прибегает к употреблению конструкции *est-ce que* + инверсия: *est-ce que le marché a-t-il commencé?* "рынок уже работает?" (суперкоррекция). Это явление можно наблюдать не только в мезолекте и базилекте, но иногда и в акролекте.

Укажем также на то, что, отвечая на вопрос, заданный в отрицательной форме, конголезец вполне естественно скажет *si* вместо *non*, хотя две эти формы во ФЯ имеют разное значение: *si* "да" (при ответе на вопрос, заданный в отрицательной форме), а *non* "нет". Например: *le boulanger n'est pas passé?* – *Si*. "Булочник не проходил? – Нет".

Наконец, укажем на путаницу, допускаемую конголезцами между словами *hier* – "вчера" и *demain* – "завтра". причиной которой является не неспособность африканцев к реализации данных понятий, а то, что в большинстве языков (лингала, в частности) будущность и прошедшее время выражаются одним словом *lobi*. Его значение определяется контекстом. Так, например: предложение *lobi na ko ya* "завтра я приеду", *lobi na zalaki na bokono* "вчера я болел", на французском могут выглядеть *hier je viendrai* "вчера я приду", *demain j'étais malade* "завтра я болел".

Во французском языке, как известно, выделяют прямую речь (*discours direct*), непрямую речь (*discours indirect*) и не собственно прямую речь (*discours indirect libre*).

Прямая речь состоит в точной передаче слов:

Le lion dit: j'ai dévoré trois moutons «Лев говорит: "Я съел трех баранов"».

При не прямой (косвенной) речи высказывание оформляется в виде придаточного предложения:

Il a dit que la fin du monde était proche "Он сказал, что конец света близок".

Не собственно прямая речь – это промежуточный случай, который сочетает в себе признаки прямой и косвенной речи:

Papa m'a grondé: je n'ai pas nourri la volaille = Papa m'a grondé, disant que je n'ai pas nourri la volaille "Папа меня отругал: я не покормил птиц".

И хотя в языках банту также существует разделение на три формы речи, африканцы, как правило, их не всегда соблюдают, смешивая прямую и непрямую речь. Например:

nge wa tele ti mboni nikwiza = буквально: *tu as dit que je viendrais* "ты сказал, что я приду" (вместо *tu as dit que tu viendrais* "ты сказал что ты придешь").

Данная конструкция вполне естественна для киконго и является одной из причин ошибок типа:

Mon frère m'a demandé qu'est-ce que tu as? (вместо *Mon frère m'a demandé: qu'as-tu?*) «Мой брат спросил: "Что с тобой?"».

* * *

Как показал проведенный анализ, интерферирующее влияние языков банту, в частности киконго, на морфосинтаксическом уровне в той или иной степени затрагивает многие, если не все, грамматические категории. Не представляется возможным исследовать все случаи интерференции, но рассмотренные грамматические особенности позволяют говорить о проблеме усвоения африканцами французского языка и о формировании своеобразного "конголезского" варианта языка.

Среди причин возникновения интерференции можно указать следующие:

- а) во французском языке есть некоторые явления, которых нет в африканских языках;
- б) в африканских языках есть некоторые явления, но они отсутствуют во французском языке;
- в) во французском и африканских языках есть схожие, но в то же время более или менее различные явления.

Именно эти расхождения в системах французского и африканских языков лежат в основе многих интерференций.

Отметим, что последствия интерференции происходят, как правило, в системе речи и нарушают речевую норму французского языка Франции. Но они не отражаются в системе литературного варианта французского языка Конго. С другой стороны, на уровне конголезского просторечия наблюдаются определенные сдвиги и в самой системе, так как соответствующие преобразования становятся регулярными и в рамках этого просторечия не считаются неправильными. Таким образом, под влиянием интерференции (а во многом именно в связи с интерференцией) происходит становление особого конголезского просторечия с его специфической структурой на уровне языковой системы, а не только речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайнрайх 1979 – У. Вайнрайх. Языковые контакты. Киев, 1979.
- Виноградов 1997 – В.А. Виноградов. Введение: именные категории в языках Африки // Основы африканского языкознания. М., 1997.
- Дьячков 1987 – М.В. Дьячков. Креольские языки. М., 1987.
- Луцков 1997 – А.Д. Луцков. Именные классы в языках банту и заимствованная лексика // Основы африканского языкознания. М., 1997.
- Мечковская 2000 – Н.Б. Мечковская. Социальная лингвистика. М., 2000.
- Молодкин 2001 – А.М. Молодкин. Взаимодействие языков разного типа в этнокультурном контексте. Саратов, 2001.
- Топорова 1997 – И.Н. Топорова. Именные категории в языках банту // Основы африканского языкознания. М., 1997.
- Хабиров 1999 – В.П. Хабиров. Франко-бантуские языковые контакты в районе Браззавиля // Актуальные проблемы романистики. Саратов, 1999.
- Appel, Muysken 1987 – R. Appel, P. Muysken. Language contact and bilingualism. London, 1987.
- Benveniste 1966 – E. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966.
- Brekx 1977 – M. Brekx. Initiation à la linguistique et à la grammaire nouvelle avec des exercices et leurs corrigés. Bruxelles, 1977.
- Dubois, Lagane 1973 – J. Dubois, R. Lagane. La nouvelle grammaire du français. Paris, 1973.
- Guthrie 1967–1971 – M. Guthrie. Comparative Bantu. An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages. V. 1–4. Westmead, 1967–1971.
- Holm 1992 – J. Holm. Popular Brazilian Portuguese: a semi-creole // Actas do coloquio sobre "crioulos de base lexical portuguesa". Lisbon, 1992.
- Kagame 1976 – A. Kagame. La philosophie bantu comparée. Paris, 1976.
- Makouta-Mboukou 1973 – J.-P. Makouta-Mboukou. Le français en Afrique Noire. Paris, 1973.
- N'Sial Sesepe 1983 – N'Sial Sesepe. La francophonie au cœur de l'Afrique. Le français Zaïrois. Paris, 1983.
- Thomason, Kaufman 1988 – S.G. Thomason, T. Kaufman. Language contact. Creolization and genetic linguistics. Berkeley, 1988.

© 2004 г. О.В. ХАНИНА

ЖЕЛАНИЕ: КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена семантической зоне желания и ее языковому оформлению. Мы ограничиваемся рассмотрением желания, исходящего от участника некоторой ситуации действительности, т.е. не затрагиваем желание говорящего¹. Приведем русские предложения, иллюстрирующие объект исследования:

- (1) (а) *Я хочу уйти. Я хочу, чтобы Вася ушел.*
 (б) *Ты хочешь уйти. Ты хочешь, чтобы Вася ушел.*
 (в) *Петя хочет уйти. Петя хочет, чтобы Вася ушел.*

Как видно из (1а), в ряде случаев, однако, мы имеем дело в том числе и с желанием говорящего: это происходит тогда, когда говорящий трактуется тем или иным языком как один из участников ситуации, т.е. его желание оформляется тем же способом, что и желание других участников ситуации. Стоит также отметить, что в основном далее рассматривается желание, направленное на ситуацию, а не на объект (ср. *Петя хочет яблоко*), поскольку средства выражения желания (СВЖ), направленного на объект, в большинстве языков мира не характеризуются никакими специальными свойствами.

Желание участника ситуации практически никогда не рассматривается современной лингвистикой как отдельный языковой феномен, однако описания тех или иных способов выражения желания встречаются регулярно в теоретических работах, посвященных модальности или сложному предложению, а также в описательных грамматиках. Рассмотрим каждый из этих источников по отдельности.

Авторы теоретических работ по модальности (ср., например [Плунгян 2000; Bybee et al. 1994; Palmer 1986]) считают желание принадлежащим модальности и, следовательно, описывают его наряду с другими модальными значениями. Подобный подход основывается на том, что существует немало языков, в которых средства выражения желания по своим формальным свойствам в той или иной степени аналогичны средствам выражения основных модальных значений – возможности и необходимости (см. фактический материал в 2.1). Для обоснования неочевидного на первый взгляд единства этих модальных значений и значения желательности упомянутые теоретические работы используют одну из двух следующих моделей.

В первом случае речь идет о параметрических определениях модальности: задается ряд параметров, каждый из которых позволяет отнести то или иное значение к

¹ Желание говорящего является более привычным объектом лингвистических исследований: так, оно почти всегда рассматривается при описании системы наклонений и/или модальности. Речь идет, во-первых, о таком широко известном наклонении как повелительное (императивное) наклонение, рассматриваемое в десятках теоретических работ, и, во-вторых, о менее распространенном опативном наклонении, намного реже являющемся предметом теоретических исследований (ср. подобную работу [Добрушина 2001]).

модальным, причем важно наличие хотя бы одного из параметров. Именно так выглядит определение модальности в классической работе [Palmer 1986], автор которой во многом ссылается на не менее фундаментальный труд [Lyons 1977]: оно насчитывает от четырех до шести пунктов². Двумя семантическими "центрами консолидации" ограничивается [Плунгян 2000]: таковыми являются отношение говорящего к ситуации (оценка) и статус ситуации по отношению к реальному миру (ирреальность). Единство значения желательности и других модальных значений достигается, таким образом, наличием у них общих семантических компонентов, которые и являются такими параметрами. Важно отметить, что наличие различий между рассматриваемыми значениями не отрицается, однако и не является актуальным для параметрического подхода.

Вторая модель возникла в рамках одной из значительных функциональных теорий последних десятилетий – 'диахронической морфологии' (см. [Bybee 1985; Bybee et al. 1994]). Ее авторы интерпретируют модальность следующим образом. "Категория наклонения лучше всего видна, если представлять ее как набор диахронически соотносенных функций, и ...настоящее понимание модальности возникнет из исследования этих диахронических отношений" [Bybee et al. 1994: 176]³. Действительно, например, *способность* некоторого участника ситуации или его *желание* сделать что-либо отличаются от центральных модальных значений *возможности* и *необходимости* на много больше, чем последние два друг от друга. Диахронический же подход к данной проблеме предлагает не проводить четких границ между модальными и не-модальными значениями вообще, а, по сути, решать вопрос о принадлежности того или иного значения к данной семантической зоне для каждого языка отдельно. В случае желания утверждается, что, поскольку оно часто диахронически связано с "настоящей" модальностью⁴, необходимо его описывать, чтобы построить адекватную и всеобъемлющую картину модальности в том или ином языке. Таким образом, единство значений желательности и основных модальных значений достигается смягчением формулировки: возможно, желание и не является разновидностью модальности в строгом смысле, однако, в любом случае, тесно с ней связано.

Однако определяя степень связанности семантической зоны желательности и модальности, вышеупомянутые исследования, вполне логичным образом, не задавались вопросом, с чем еще может быть связано значение желания или средства его выражения. В то же время тот факт, что желание участника ситуации часто выражается предикатом с валентностью на ситуацию (=матричным предикатом), привлек к нему внимание исследователей сложного предложения вообще и конструкций с сентенциальными актантами (КСА) в частности.

Эта область лингвистики относит средства выражения желания уже не к модальности, а к такой семантической группе матричных предикатов как 'глаголы желания' (verbs of desire), причем они практически никогда не объединяются с модальными предикатами. Примечательно, что в данном случае подобное разделение действительно оправдано: в большинстве языков мира последние устроены отлично от предикатов желания⁵. В то же время предикаты желания очень часто не отличаются по своим свойствам от матричных предикатов эмоций, восприятия, мышления, что

---

² Собственно автор не говорит о том, что его определение является параметрическим: в части "Определение модальности" он перечисляет основные свойства модальности, которые могут быть сгруппированы в 4–6 параметров.

³ "The category of mood is best viewed as a set of diachronically related functions, and ... a real understanding of modality will emerge from a study of these diachronic relations".

⁴ Оно или само развивается из основных модальных значений, или последние развиваются из него (ср. [Bybee et al. 1994; Heine 1994]).

⁵ Из 33 матричных предикатов желания, засвидетельствованных в нашей выборке, только 11 сближаются по своим семантическим свойствам (имеют дополнительные модальные значения) и/или синтаксическим свойствам (используют ту же стратегию оформления своих зависимых) с модальными предикатами.

имплицитно их отнесение к соответствующим группам, нередко расширяемое исследователями до универсального, т.е. верного для всех языков (ср. [Givón 1980; Noonan 1985; Ransom 1985]).

Таким образом, теоретические работы, посвященные сложному предложению, считают семантическую зону желания частично или полностью идентичной семантическим зонам мышления, эмоций или восприятия, зачастую никак не комментируя связь последних с модальностью. Вполне закономерно, что подобная ситуация – принципиально разные интерпретации одного и того же языкового объекта различными областями теоретической лингвистики – приводит в замешательство авторов описательных грамматик. При существовании изначальных презумпций о природе падежа, аспекта, обстоятельственных предложений и т.д. (т.е. теоретических положений, необходимых для успешного функционирования любой практической дисциплины), какие бы то ни было предположения о сущности желания и аппарате описания данного значения отсутствуют.

Информация о данной семантической зоне может находиться как в морфологических, так и синтаксических разделах, причем ее местоположение внутри каждого также крайне непредсказуемо. Приведем несколько примеров.

Так, в грамматиках тамильского языка [Asher 1985: 105] и языка телугу [Kpshnamurti, Gwупп 1985: 85] интересующая нас тема затрагивается в главах о падежном оформлении, поскольку глаголы желания, как и некоторые другие, имеют такую отличительную черту, как нестандартное падежное оформление своих ядерных актантов. Отметим, что в разделах, посвященных сложному предложению или модальности, информация о средствах выражения желания не приводится вовсе.

В грамматике языка амеле [Roberts 1987: 317] средства выражения желания рассматриваются в разделе "Безличные глаголы". С одной стороны, это действительно закономерно, поскольку конструкция, выражающая желание участника ситуации, с точки зрения ее морфосинтаксического устройства представляет собой одну из разновидностей безличных конструкций. С другой стороны, подобная ситуация вводит в заблуждение читателя, который, даже интересуясь желанием, может не заглянуть в этот, на первый взгляд, никак не связанный с ним раздел.

Грамматика языка ава пит [Curnow 1997: 166] рассматривает средства выражения желания в разделе "Глагольная деривация и изменения валентности", в котором читатель ожидает встретить, прежде всего, информацию о процессах актантной деривации, существующих в этом языке, а не о классическом дезидеративном аффиксе.

Еще раз подчеркнем, что подобная ситуация обусловлена отнюдь не низким качеством упомянутых работ⁶, а отсутствием какой бы то ни было единой теории желания участника ситуации. Действительно, в тех случаях, когда существующая грамматическая теория согласуется с наблюдаемыми языковыми фактами, авторы грамматик с готовностью ей следуют.

Так, значение желания обычно считается модальным и, следовательно, рассматривается в разделе "модальность" грамматического описания, если в данном языке средства его оформления совпадают со средствами выражения "основных" модальных значений, ср. языки марикопы (Северная Америка, группа хокан, см. [Gordon 1986]), айнский (Дальний Восток, изолят, см. [Refsing 1986]). Однако в противоположном случае этого обычно не происходит. Очевидный пример подобной трактовки предоставляют грамматические традиции двух близкородственных языков – английского и немецкого. В первом из них предикат *want* 'хотеть' присоединяет, в отличие от таких модальных предикатов как *must* 'быть должным', *can* 'мочь' и др., зависимую предикацию с помощью инфинитивной частицы *to* и, соответственно, практически никогда

⁶ Напротив, все они являются образцами чрезвычайно исчерпывающих грамматических описаний, о чем, в частности, говорит сам факт наличия в них информации о средствах выражения желания.

не рассматривается грамматистами как модальный. В то же время в немецком языке предикат *wollen* 'хотеть' всегда рассматривается в разделе 'модальность' поскольку он, наряду с такими "однозначно" модальными предикатами как *müssen* 'быть должным', *konnen* 'мочь' и др., присоединяет зависимую предикацию без помощи инфинитивной частицы *zu*.

Досадным следствием подобной разобщенности в подходе к различным средствам выражения желания оказывается отсутствие классификации разных типов желания. При наличии большого количества языков, в которых наряду с морфологическим дери-вативом (т.е. специальным глагольным аффиксом) существуют матричные предикаты со значением желания, практически отсутствуют описания их распределения, и вопрос 'зачем языку два одинаковых средства' остается для подобных грамматик открытым. Действительно, сравнение различных средств, пусть и с похожей семантикой, но принадлежащих ведению различных частей грамматического описания, встречается крайне редко⁷.

Итак, можно утверждать, что все лингвистические исследования, так или иначе затрагивающие семантическую зону желания, ориентированы на формальную сторону проблемы⁸. Место желания в языковой системе определяется в зависимости от средств его выражения (аффиксы, стоящие в одном ряду с модальными, матричные предикаты, аналогичные эмотивным / мыслительным предикатам, и т.д.). Какова же в действительности семантика ситуации желания? Действительно ли она меняется от языка к языку и универсальные обобщения о ее природе невозможны?

Опираясь на постулат об исходной точке описания, сформулированный в [Кибрик 1992: 24], "исходными объектами лингвистического описания следует считать значения... и им ставить в соответствие выражающие их языковые формы", мы поставили своей целью подойти к семантической зоне желания как к единому, прежде всего с концептуальной точки зрения, объекту. Если существующие на данный момент исследования исходят из того или иного типа языковых средств и, вследствие этого, оказываются неспособными охватить всю данную семантическую зону, то перспективным мог бы оказаться такой подход, который учитывал бы все возможные способы поверхностного оформления этой семантической зоны, наблюдаемые в языках мира, не считая а priori ни один из них более "исходным", "прототипическим", чем другие.

Лишь после такого "непредвзятого" исчисления формальных средств анализ семантической и, далее, когнитивной структуры желательности окажется возможным. Отметим, что подобный анализ будет основываться на презумпции об исходной когнитивной мотивированности языковой формы, которая позволяет не останавливаться при работе с конкретными языковыми объектами на таксономическом описании, т.е. на констатации существования тех или иных языковых средств, а пытаться реконструировать ту когнитивную структуру, которую они отражают (см. подробнее [Кибрик 2003]). Также для анализа такого типа немаловажен тот факт, что ни одна когнитивная структура не существует сама по себе, а только как составная часть единого семантического пространства, которую каждый язык тем не менее может структурировать по-своему: "Эмпирические типологические исследования обнаруживают, что одни и те же семантические различия оказываются релевантными во все большем количестве языков... даже если граммы разных языков (а часто также различные

⁷ Из 54 языков нашей выборки десять (йимас, рама, сноквалми-дувамиш, кахуилла, имбабура кечуа, хидатса, юкагирский, чувашский, татарский, баскский) точно имеют в своем расположении несколько средств выражения желания, информация о семи (всех, кроме трех последних) получена из грамматик; описание рассматриваемого распределения засвидетельствовано только в одном случае (имбабура кечуа)

⁸ Единственное исключение, по-видимому, составляет неопубликованная и, как следствие, мало доступная диссертация Дж. Харкинс "Желание в языке и мысли: исследование семантики разных культур" ("Desire in language and thought: A study in cross-cultural semantics") [Harkins 1995].

граммемы в пределах одного языка) структурируют пространство возможностей различными способами" [Haspelmath 2003]⁹.

Исходя из всего сказанного выше, задачей настоящего исследования желательности являлось

- во-первых, определение места семантической зоны желания в едином семантическом пространстве, т.е. исчисление того набора семантических зон, которые ее окружают, и выяснение их расположения относительно друг друга;
- во-вторых, определение внутренней структуры семантической зоны желания.

Результаты подобного исследования позволили бы установить универсальные ограничения на межъязыковое варьирование в данной области: мы могли бы предсказывать, какой может и какой не может быть система средств выражения желания каждого конкретного языка.

Для намеченного исследования, основой которого, по необходимости, должен быть типологически разнообразный языковой материал, мы рассмотрели данные 54 языков, принадлежащих разным ареалам и генетическим группам¹⁰. Для большинства языков исходными источниками послужили описательные грамматики; информация о трех языках (баскский, татарский, чувашский) была получена в ходе полевых исследований; материалы по удмуртскому языку были собраны в процессе полевой работы и любезно предоставлены нам А.Б. Шулинским; данные по индоевропейским языкам (русский, английский, немецкий, французский) были получены с помощью анализа текстов. Подобный способ формирования выборки позволяет надеяться, что в остальных языках мира не встретится ни совершенно новых формальных средств выражения желания, т.е. таких, которые не были бы разновидностями рассматриваемых здесь, ни принципиально новых разновидностей семантической зоны желания.

Прежде чем приступить к непосредственному изложению полученных результатов, необходимо обсудить терминологию, которая будет использоваться в данной работе. Воспользуемся примером (1в), иллюстрирующим дезидеративный предикат, и примерами (2а–б), иллюстрирующими дезидеративный аффикс.

(1в) *Петя хочет уйти. Петя хочет, чтобы Вася ушел.*

(2) чувашский язык (тюркский, болгарская группа)

(а) *ilempi ku kënike-ne vula-sšän.*

Илемби.NOM этот книга-DA читать-DESID¹¹

Илемби хочет прочитать эту книгу.

⁹ Empirical typological work has generally found that similar semantic distinctions are relevant in language after language... even though the grams of different languages (and often also different grams within the same language) carve up the space of possibilities in different ways.

¹⁰ 9 языков Центральной и Южной Америки, 10 языков Северной Америки, 9 языков Австралии и Океании. 7 языков Африки, 10 языков Европы и 9 языков Азии; полный список с библиографическими сведениями см. в Приложении (в дальнейшем языки перечисляются без ссылки на источники).

¹¹ 1 – 1-е лицо, 3 – 3-е лицо, ACC – аккузатив, APPL – аппликатив, AUX – вспомогательный глагол, CAUS – каузатив, COMP – комплементаризатор (подчинительный союз), COP – связка, CORE – ядерный падеж, DA – датив-аккузатив, DAT – датив, DESID – дезидератив, DUR – дура-тив, GEN – генитив, HORT – горгатив, IMP – императив, INF – инфинитив, LOC – локатив, MPROP – модальный падеж пропретив, N – средний род, NEG – отрицание, NFUT – не-будущее время, NL – номинализатор, NOM – номинатив, O – прямой объект, OBG – облигатив, OBL – ко-свенный падеж, ORIG – источник, PFCT – перфект, PL – множественное число, POSS – принадлежность, POT – потенциалис, PRS – настоящее время, PURP – цель, REFL – рефлексив, S – субъект, SG – единственное число, ST – показатель основы, SUBR – показатель подчинения, UNR – нереальность; ЗП – зависимая предикация, PP – предложная группа.

(б) *ñempi san-a ku kěnike-ne vula-ttar-a-sšān*
 Илемби.NOM ты.OBL-DA этот книга-DA читать-CAUS-ST-DESID

Илемби хочет, чтобы ты прочитал эту книгу.

Под "ситуацией желания" понимается ситуация, о которой говорится '*Петя/Илемби хочет X*'. Соответственно, термином "субъект ситуации желания" или, иначе, "субъект желания" обозначается участник данной ситуации, который, собственно, и испытывает рассматриваемое желание. Так, в предложениях (1в) "субъектом желания" является *Петя*, в предложениях (2) – *Илемби*. Необходимо отметить, что речь здесь идет не о семантической роли¹² (в одних языках рассматриваемый участник может вести себя как экспериенцер, в других как агенс и т.д. см. подробнее 2.4), а скорее, о синтаксической функции "субъектом желания" называется единственный термовый актанта в семантической структуре матричного предиката желания (ср. (1в)) или первый ядерный актанта предиката с морфологическим показателем желания (ср. (2)).

В предложениях (1в) "желаемой ситуацией" является '*Петя уходит*' (выражается инфинитивной конструкцией *уйти*) и '*Вася уходит*' (выражается придаточным предложением *чтобы Вася ушел*). В предложениях (2) "желаемой ситуацией" является '*Илемби читает эту книгу*' (выражается основой *vula-* "читать" и ее зависимыми) и '*Ты читаешь эту книгу*' (выражается основой с показателем каузатива *vula-ttar* "читать-CAUS" и ее зависимыми). Аналогичным образом, термином "субъект желаемой ситуации" обозначается синтаксически наиболее приоритетный актанта предикации, обозначающей желаемую ситуацию. Как и выше, термин "субъект желаемой ситуации" подразумевает не семантическую роль, а синтаксическую функцию. Так, например, в языках с подлежащим в данном случае имеется в виду подлежащее предикации, обозначающей желаемую ситуацию. В (1в) субъектом желаемой ситуации является *Петя* для предложения '*Петя хочет уйти*' и *Вася* для предложения '*Петя хочет, чтобы Вася ушел*'. В (2а) субъектом желаемой ситуации является *Илемби*, в (2б) – *ты*.

Также нам понадобятся термины "равно- и разносубъектное желание". Под первым подразумевается случай референциального тождества субъекта желания и субъекта желаемой ситуации, как в предложении '*Петя хочет уйти*' и (2а); под вторым – случай референциального различия, как в предложении '*Петя хочет, чтобы Вася ушел*' и (2б).

1. ИСЧИСЛЕНИЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ЖЕЛАНИЯ

Подробному исчерпывающему описанию дезидеративных конструкций в языках мира посвящена наша работа [Ханина, (в печати)], так что здесь мы лишь перечислим их основные разновидности.

Итак, в ходе исследования были обнаружены следующие средства выражения желания¹³.

1.1. Матричные предикаты

Безусловно, в большинстве (хотя и не подавляющем) языков мира есть полнозначный глагол с семантикой желания. В работе [Плунгян 2000: 316], с ссылкой на сборник [Goddard, Wierzbicka 1994], делается более сильное утверждение: "...смысл ХОТЕТЬ, как кажется, имеет лексическое выражение во всех известных естественных языках"¹⁴. Однако среди языков нашей выборки есть как минимум три – лаху

¹² Ср. близкое понятие "семантического падежа" в теории Филлмора [Филлмор 1981].

¹³ Полный список языков с указанием средств выражения желания, имеющих в их распоряжении, находится в Приложении.

¹⁴ Укажем, однако, на то, что термин "лексический" может трактоваться в данной семантической теории крайне широко, подразумевая поверхностное выражение некоторого концепта не только отдельной словоформой, но и аффиксом или даже словосочетанием (phraseme) (ср. [Goddard, Wierzbicka 2002: 15]).

(сино-тибетский, тибето-бирманский), японский (алтайский(?)) и хишкарьяна (Южная Америка, карибский), – в которых данное значение может быть передано только грамматическими средствами.

Приведем примеры, иллюстрирующие использование матричного предиката желания.

(3) туканг беси (Tukang Besi; Австралия, австронезийский, филиппинский [Дополнение 1999: 389])

ku-hada te wil-'a i 'one
1SG-хотеть [CORE идти-NL OBL пляж]

Я хочу пойти на пляж.

(4) мишарский диалект татарского языка (тюркский, западный (кыпчакский))

a-lar-nıñ ıññ tıñ-n-ar-ga täräzä tebenä
[он-PL-GEN тихий.звук подслушивать-REFL-POT-INF окно под]

bar-gı-lar-ı kel-i.
идти-NL-PL-3SG] хотеть-ST

Они хотели пойти подслушивать [шорох] под окном (=досл. Хотелось их хождение...)

Необходимо также упомянуть, что в 11 языках из рассмотренных (годоберинском, немецком, баскском, волоф Гамбии, йимас, туканг беси, имбабура кечуа, сноквалми-дувамиш, мишарском диалекте татарского, чувашском, амеле) матричные предикаты желания используют для оформления своего сентенциального актанта (СА) уникальную стратегию, т.е. такую, которая

– либо существует в данном языке только для того, чтобы оформлять зависимые предикации (ЗП) глагола *хотеть*;

– либо встречается в других типах сложного предложения данного языка, но отсутствует в системе конструкций с сентенциальными актантами.

В качестве примера можно привести предложение (4) мишарского диалекта татарского языка: имя действия на *-g/k* используется только в СА предикатов желания, во всех остальных случаях используется имя действия на *-ı*.

Несмотря на то, что подобное явление встречается не очень часто, сам факт существования достаточного количества языков, выработавших грамматический аппарат, предназначенный исключительно для единственного глагола, или объединяющих зависимые предикации глагола *хотеть* одновременно и с конструкциями с сентенциальными актантами (по одним признакам), и с другими типами сложного предложения (по другим признакам), говорит об особом положении семантической зоны желания.

1.2. Глагольные аффиксы

В типологических обзорах, посвященных глагольной морфологии (ср., например [Palmer 1986; Yubee et al. 1994; Мельчук 1998; Плуноян 2000]), глагольные показатели желания участника ситуации¹⁵ рассматриваются достаточно редко и в любом слу-

¹⁵ Называемые де з и д е р а т и в а м и в теоретических работах и имеющие множество противоречивых названий в описательных грамматиках: от желательного наклонения до ирреала и оппатива.

чае не считаются распространенным явлением в языках мира. Однако проведенное исследование показало, что за пределами Евразии и, возможно, Африки дезидеративные аффиксы встречаются не так уж редко. Они могут быть разделены на две основные группы, со сравнимой частотностью по языкам мира: аффиксы, выражающие, помимо желания участника, другие значения, и "чисто" дезидеративные аффиксы. Также вместе с глагольными аффиксами в данном разделе рассматриваются некоторые дезидеративные частицы: это происходит в тех случаях, когда функции частиц в том или ином языке эквивалентны скорее функциям аффиксов в языках с развитой глагольной морфологией, чем функциям вспомогательных глаголов.

Здесь же стоит отметить тот факт, что в одном языке выборки – бамана (Африка, нигер-конго, манде, мандинг) – было засвидетельствовано такое морфологическое средство выражения желания как послелог¹⁶. В бамана вершиной предикации, описывающей ситуацию желания, является вспомогательный глагол; от него зависят

- субъект желания,
- послеложная группа, состоящая из дезидеративного послелога и зависимой именной группы (в случае желания, направленного на объект, это желаемый объект; в случае желания, направленного на ситуацию, это 'пустое' указательное местоимение, отсылающее к зависимой предикации, выражающей желаемую ситуацию).

Ср. примеры (5) и (13):

(5) бамана (Bambara; Африка, нигер-конго, манде, мандинг [Dumestre 1987: 368])

ń ɾ á fè í ká fàgà.
я AUX.NEG [это DESID {ты COP убивать}]_{3П}PP

Я не хочу, чтобы ты был убитым. (=досл. Я не хочу это, ты убитый).

1.2.1. Аффиксы, выражающие не только желание

Значения, выражение которых может совмещаться с выражением желания, представляют собой закрытый класс, состоящий

(i) из большой группы модальных значений (см. подробнее 2.1);

(6) кайардилд (Kauardild; Австралия, тангикский [Evans 1995: 259])

kunyawuna kunawuna rar-umban-ju kang-ku kamburi-ju
маленький ребенок юг-ORIG-MPROP язык-MPROP говорить-POT

Маленькие дети хотят говорить на кайардилде (=языке с юга).

Маленьким детям следует говорить на кайардилде (=языке с юга);

(ii) нескольких аспектуальных значений, засвидетельствованных нами только в двух языках (чувашском и кайардилд)¹⁷;

¹⁶ Возможно, в этом языке послелоги такого типа представляют собой отглагольные образования; в этом случае, данное языковое средство может считаться разновидностью специальных глагольных формантов, рассматриваемых в 1.3.

¹⁷ Нам известно о существовании подобного явления, помимо чувашского и кайардилд, только в одном языке – кетском (ср. [Майсак 2002] со ссылкой на [Дульзон 1968: 360; Успенский 1968: 208]), который не вошел в нашу выборку.

(7) чувашский (тюркский, болгарский)

väl xěr-e čiptāv-a-sšān.
он девушка-DA целовать-ST-DESID

Он хочет поцеловать эту девушку.
Он собирается поцеловать эту девушку.
Он все время целует эту девушку¹⁸;

(ii) одного типа пропозициональной деривации – каузатива.

(8) чувашский (тюркский, болгарский)

(a) väl lëklen-e-t'
он блевать-ST-PRS.3SG

Его сейчас тошнит (=Он находится в процессе блевания);

(б) āna lëklen-ter-e-t'
он.DA тошнить-CAUS-ST-PRS.3SG

Его тошнит (=Ему вдруг захотелось блевать).

Подчеркнем, что во всех рассмотренных языках приведенные показатели выражают различные модальные, аспектуальные, залоговые значения наряду с желанием. В этих случаях мы имеем дело не с омонимией, а с семантическими кластерами, объединяющими по некоторому параметру, подлежащему определению, проанализированные интерпретации. Именно это использование одних и тех же языковых средств для несхожих на первый взгляд значений легло в основу семантического анализа зоны желания, которому посвящен раздел 2.2.

1.2.2. Аффиксы, выражающие только желание

Аффиксов данного типа встретилось среди языков выборки не только достаточно много, но и почти в полтора раза больше, чем аффиксов предыдущего типа. Приведем пример, иллюстрирующий использование подобного аффикса:

(9) имбабура кечуа (Imbabura Quechua; Южная Америка, кечуа [Cole 1982: 181])

ñuka-ta miki-naya-n.
я-ACC есть-DESID-3SG

Я хочу есть.

Рассматриваемое предложение синтаксически представляет собой безличную конструкцию, возглавляемую предикатом с деизидеративным аффиксом. Последний принимает дефолтный согласовательный показатель (3SG), т.к. именная группа в номинативе, которая могла бы контролировать согласование, отсутствует; субъект желания оформляется аккумулятивом (различные синтаксические тесты показывают, что он тем не менее имеет подлежащие свойства, см. подробнее [Cole 1982: 107–113]).

В заключение упомянем о том, как языки могут решать такую проблему как выражение разносубъектного желания средствами глагольной морфологии. Действительно, присоединение того или иного аффикса к глаголу (чисто деизидеративного

¹⁸ Подробнее о средствах выражения желания чувашского языка см. [Ханина 2003].

или совмещающего значение желания с другим значением) не создает второй клаузы. Для того чтобы средствами одной предикации – т.е. по сути, морфологическими средствами, присоединяющимися к ее предикату, – передать две ситуации (желания и желаемую), языки используют различные возможности. И если факт существования еще одной ситуации – желаемой – выражается наличием морфемы дезидератива, то для маркирования наличия у этой ситуации собственного субъекта (=субъекта желаемой ситуации) могут использоваться следующие глагольные средства:

- в той или иной степени грамматикализованный показатель каузатива (лаху, чувашский);
- субъектно-объектное спряжение (акома, гуарани¹⁹);
- показатель апликатива (набай).

1.3. Специальные глагольные форманты

Исходя из целей настоящего исследования – исчислить реально встречающиеся в языках мира типы языкового кодирования семантической зоны желания – к "специальным глагольным формантам" нами были отнесены те средства выражения желания, которые по формальным критериям не могли быть объединены ни с полнозначными предикатами желания, рассмотренными в 1.1, ни с дезидеративными аффиксами, рассмотренными в 1.2. Таким образом, следующие языковые объекты оказались объединенными под данным названием:

- либо такие предикаты со значением желания, словоизменительная парадигма которых отличается от соответствующей парадигмы полнозначных предикатов данного языка (айнский, островной карибский, бабунго, марикопа, хишкарьяна);
- либо такие предикаты со значением желания, морфологические и синтаксические свойства которых полностью эквивалентны соответствующим свойствам предикатов, являющихся одной из частей аналитической глагольной формы, т.е. не имеющих собственного лексического значения (суахили).

Как видно, представители этого множества находятся на стадии перехода от полнозначного предиката к служебному, грамматическому элементу²⁰.

Ср. следующий пример из айнского языка:

(10) айнский (Ainu; Япония, изолят [Shibatani 1990: 78])

<i>ron</i>	<i>kahkemah</i>	<i>ooya'an</i>	<i>itah</i>	<i>i-ko-nuu</i>	<i>rusuy.</i>
маленький	девушка	[различный слова	1PL.O-APPL-слышать]		AUX.DESID

Милая девушка хочет услышать от нас различные слова.

В этом языке существует четыре вспомогательных глагола – *rusuy* 'хотеть', *easkay* 'мочь', *kaspa* 'слишком', *hemata* 'завершить'. Они располагаются непосредственно после полнозначного глагола и не присоединяют к себе согласовательных показателей.

1.4. Посессивные конструкции

Под посессивной конструкцией в данной работе понимается три типа средств выражения желания участника ситуации.

Во-первых, это именные предложения, состоящие из

¹⁹ Возможно, в гуарани нет граммы дезидератива, а есть только оптатив: грамматическое описание [Gregores, Suarez 1967: 132] не различает эти две категории.

²⁰ Отметим, что грамматические описания тех языков, в которых было обнаружено данное явление, обычно называют подобные объекты "вспомогательными глаголами".

- вершины-существительного 'желание' с посессивным лично-числовым показателем или посессивной группой, обозначающей субъекта желания;
- зависящей от него предикации, обозначающей желаемую ситуацию.

(11) таба (Taba; австронезийский, малайско-полинезийский [Bowden 1997: 445])

nī suka k-mul.
3.SG.POSS желание 1SG-возвращаться

Она хочет, чтобы я вернулся (=досл.: Ее желание – я возвращаюсь).

Во-вторых, это предложения с полнозначными глаголами желания, которые оформляют свои актаны таким способом, который характерен для предикатов принадлежности (при условии, что они устроены в данном языке не так, как все остальные предикаты).

(12) тамильский (Tami; Азия, дравидийский, тамил-каннада [Asher 1985: 91])

(a) *avarukku neraya paṭam irukkuṭu.*
он.DAT много деньги быть.PRS.3SG.N

У него много денег.

(b) *enakku oṅi glassu tii veṇṇuṭu.*
я.DAT один стакан чай быть.желаемым

Я хочу стакан чая²¹.

В-третьих, это предложения, означающие одновременно принадлежность и желание, т.е. речь в этом случае идет о таких языках, которые вообще не различают эти два значения. Ср. предложения (5) и следующее:

(13) бамана (Bambara; Африка, нигер-конго, манде, мандинг [Bailleul 1981: 200])

ə i' a fɛ.
он AUX.NEG это DESID/POSS

Он не хочет это.

У него нет этого.

Посессивные конструкции (в нашем понимании) являются достаточно редким явлением: практически все, обнаруженные нами, принадлежали языкам двух близких географических ареалов – Юго-Восточной Азии и Океании. Однако примечательным оказывается тот факт, что семантическая зона желания ведет себя в данном случае аналогично семантической зоне долженствования. Ср. следующие примеры европейских языков:

(14) французский

(a) *J'ai un livre.*

У меня есть книга.

(15) немецкий

(a) *Ich habe ein Buch.*

У меня есть книга.

²¹ Только предикат желания и закрытая группа стивных предикатов с дефектной видо-временной и согласовательной парадигмой (*teri* "знать", *puri* "понимать", *piti* "нравиться", *vali* "болеть" и др.) позволяют дативное оформление первого актанта, характерное для глагола *быть* в его экзистенциальном употреблении для выражения постоянной принадлежности ('что-то есть у кого-то').

(4) *J'ai une traduction [à faire].*

Мне надо сделать один перевод.

(6) *Ich habe eine Übersetzung [zu machen].*

Мне надо сделать один перевод.

Исходя из этого, можно утверждать, что языки, имеющие в своем распоряжении рассмотренные здесь конструкции, принадлежат к группе языков, в которых семантическая зона желания и модальность интерпретируются как близкие друг к другу (ср. 2.1).

1.5. Перифрастические конструкции

Последнее средство выражения желания, обнаруженное нами в языках мира, представляет собой конструкцию, использующуюся для передачи желания "другими словами". В некотором смысле, предложения такого типа выражают не желание, а некоторое обобщенное внутреннее состояние субъекта, однако за неимением никаких других средств выражения желания в данных языках эта конструкция может быть переведена на русский, английский и т.д. языки как желательная.

Ср. следующий пример из языка телугу (Азия, дравидийский, телугу), который имеет в своем распоряжении перифрастическую конструкцию, образованную на основе формы третьего лица единственного числа глагола *undi* 'быть', управляющей зависимой предикацией в облигативном наклонении:

(16) телугу (Telugu; Азия, дравидийский, телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 369])

waalLaku iNTi-ki weLL-aal(i) ani lee-du.

они.DAT [дом-DAT идти-OBG COMP] не_быть-PRS.3SG

Они не хотят пойти домой. (=досл. Им не есть, что надо идти домой.)

В ава пит (Южная Америка, паэсский, барбакоа) встречается дословно следующее перифразирование: "*Это было бы хорошо (для меня), если бы ты...*" [Сиглов 1997: 166]. Как видно из примера, эта конструкция может быть употреблена не только для выражения желания, но и при необходимости отдать вежливое приказание, посоветовать и т.д.

Японский язык (алтайский [?]) имеет в своем распоряжении дезидеративный показатель *-tai*, однако он используется только в случае субъекта желания первого лица. Во всех остальных случаях говорящие на японском языке употребляют перифрастические обороты '*мне кажется, что ты/он...*', '*он выглядит так словно...*', '*я слышу, как ты/он...*' и т.д. вместо таких предложений русского языка как '*Ты/он хочет...*'. Это связано с картиной мира японского языка, для которого информация о внутренних состояниях, которым считается и желание, не может быть доступна никому кроме самого человека, в них находящегося [Shibatani 1990: 383].

Интересная разновидность грамматикализованной перифрастической конструкции наблюдается в тюркских языках. Здесь сложные предложения с предикатами желания представляют собой грамматикализованную конструкцию с глаголом '*приходить*' [в современных языках – рефлексы древнетюркского глагола *kel-* (*kel-*)]²², задающим перифрастическую конструкцию '*Приходит такая ситуация, что P*'.

Если исходить из данных грамматик, то языков с перифрастической конструкцией достаточно мало. Однако возможно, что в реальности их намного больше, но инфор-

²² В типологической работе [Майсак 2002] указывается на то, что грамматикализация данного глагола в дезидеративную конструкцию засвидетельствована вообще только в тюркских языках.

мадия об этом явлении не попадает в грамматические описания: исследователь должен специально выяснять, каким образом выражается желание в данном языке, чтобы заметить, что средства для его непосредственного оформления отсутствуют.

Тем не менее существование даже нескольких языков с подобными перифрастическими конструкциями, по сути, говорит о том, что проблема отнесения желательности к той или иной семантической зоне (модальности, эмоции, мышления) не является порождением лингвистической методологии, а действительно существует для естественных языков. Можно предположить, что концептуальная структура ситуации желания настолько отлична от прочих, что языки, рассмотренные в этом разделе, оказываются не способны ее соотнести с какой бы то ни было другой и используют для ее оформления не стандартные средства, принадлежащие ведению грамматики, а множество лексических образований.

2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА ЖЕЛАНИЯ

После определения набора средств выражения желания, которыми располагают языки выборки, мы можем приступить к непосредственному семантическому анализу желательности.

Напомним, что уже обсуждавшаяся выше презумпция мотивированности языковой формы говорит о том, что "исторически исходное соотношение между смыслом и грамматической формой мотивировано: устройство грамматической формы отражает тем или иным образом суть смысла" [Кибрик 1992: 25]. Следовательно, выяснение того множества сущностей, со средствами выражения которых могут сближаться средства выражения желания различных языков мира, позволит понять, какие семантические зоны непосредственно связаны с семантической зоной желания.

Для каждого языка выборки мы сравнили на предмет их схожести формальные свойства его дезидеративных средств с формальными свойствами других грамматических и лексических средств. В результате было обнаружено, что достаточно последовательно языками выбирается одна из четырех возможностей:

1. Средства выражения желания сближаются со средствами выражения модальности, аспекта, актантной деривации;
2. Средства выражения желания сближаются с полипредикативными конструкциями с предикатами мышления, эмоций, восприятия;
3. Средства выражения желания сближаются со средствами выражения целенаправленных действий;
4. Средства выражения желания уникальны, т.е. представляют собой морфосинтаксические объекты с уникальными для данного языка свойствами.

Сопоставляя полученные результаты с предварительными гипотезами о сущности желания, можно отметить следующее. Оказывается, что предлагаемая теоретическими работами интерпретация желания как модальности или эмоционально-мыслительной операции действительно подтверждается эмпирически, но не в качестве универсалии, а в качестве одной из возможностей, находящихся в распоряжении языков мира. Напомним, что цитировавшиеся работы, в некотором смысле, тоже ведут свои рассуждения от реальных языковых данных как отправной точки, однако рассматривая данные языков только одного, их интересующего, типа (1-го или 2-го), приходят к выводам об универсальности той или иной близости.

Принципиально иной взгляд на семантическую зону желания предлагают результаты данного исследования. Во-первых, они позволяют сделать важный шаг от постулирования некоторых аморфных универсальных сущностей к утверждению о существовании нескольких типов языковых средств²³. Во-вторых, они открывают еще одну

²³ Мы говорим именно о типах языковых средств, а не типах языков, поскольку нередки случаи существования в языке нескольких средств выражения желания, каждое из которых может относиться к некоторому типу.

возможность, ранее не замечавшуюся исследователями: уподобление рядом языков мира желания целенаправленному действию, а желаемой ситуации – цели. В-третьих, они подтверждают интуитивное предположение об уникальности желания, представляя доказательства существования последнего типа языков, обособляющих средства выражения желания.

Прежде чем перейти к объединенной картине семантической зоны желания, иллюстрирующей не только взаимоотношения выделенных четырех типов желания друг с другом и со смежными областями, но и взаимоотношения смежных областей друг с другом, рассмотрим поочередно представленные четыре возможности.

Мы будем говорить о ‘близости’ тех или иных языковых средств в следующих двух случаях:

(а) сильная схожесть:

в данном языке одно и то же средство, независимо от его формального устройства (предикат, аффикс, специальный глагольный формант и т.д.), используется одновременно для выражения как желания, так и некоторого другого значения;

(б) слабая схожесть:

в данном языке средство выражения желания обладает теми же формальными свойствами, что и некоторое другое языковое средство; причем указанные свойства являются уникальными для этих двух объектов. т.е. больше в данном языке не встречаются.

2.1. Совмещение средств выражения желания и модальности / аспекта / актантной деривации

Данное явление было засвидетельствовано более чем в половине языков нашей выборки. Рассмотрим сначала случаи сильной схожести; здесь речь будет идти только о близости средств выражения желания и модальности, т.к. совмещение дезидеративного и немодального – аспектуального – значения встретилось только в двух языках – чувашском [ср. (7)] и кайардилд.

2.1.1. Сильная схожесть средств выражения желания и модальности

Глагольные аффиксы с несколькими значениями уже упоминались в 1.2; предикаты, имеющие как дезидеративное, так и модальное значение, встретились в языках телугу, тамильский, багвалинский, персидский (‘хотеть’ = ‘нуждаться’); айнский о-ва Сахалин (‘хотеть’ = ‘намереваться’); цахурский (‘хотеть’ = ‘нуждаться, быть должным’). Ср. пример (17) из языка телугу (дравидийский), иллюстрирующий совмещение значения желания и необходимости.

(17) телугу (Telugu; Азия, дравидийский, телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 85])

taaki Dabbi kaawaai.
мы.DAT деньги хотеть/нуждаться

Мы хотим денег. / Нам нужны деньги.

Специальные глагольные форманты, совмещающие значение желания и намерения, были обнаружены в айском и суахили. В табл. 1 приводится список всех возможных модальных значений, оформляющихся теми же средствами, что и желание участника ситуации.

Совмещение деидеративного и модальных значений

Модальное значение	Языки выборки	Формальное средство выражения
Необходимость (<i>нужно</i>)	телугу, тамильский, цахурский, багвалинский, персидский, хидатса, (ава пит) ²⁴	предикат, (глагольный аффикс)
Намерение ²⁵	айнский, юрок, мангараи, марикопа, чувашский, рама, индонезийский, суахили, персидский, русский	предикат, глагольный аффикс, специальный глагольный формант
Будущее ²⁶ : – близкое; – проспектив; – экспектив	южный сьерра мивок, йимас, ительменский, кайардилд, персидский, (ава пит) ²⁴	предикат, глагольный аффикс
Обязанность (<i>должен</i>)	рама, цахурский	предикат, глагольный аффикс
Возможность	акома	глагольный аффикс
Готовность	южный сьерра мивок	глагольный аффикс
Попытка	набай, марикопа	глагольный аффикс, специальный глагольный формант
Желание говорящего (оптатив)	алюторский	глагольный аффикс
Косвенная манипуляция: прескрипция, вежливое приказание	кайардилд, акома, рама	глагольный аффикс
Способность	кайардилд	глагольный аффикс

Как видно из табл. 1, все модальные значения, непосредственно связанные в данных языках с желанием, относятся к нереальной модальности; среди них есть как ориентированные на деятеля²⁷ (необходимость, обязанность, намерение, будущее, готовность, попытка, способность), так и на говорящего (желание говорящего, косвенная манипуляция).

В уже упоминавшейся работе по теории модальности [Bybee et al. 1994: 176–177] говорится о том, что модальные значения, ориентированные на деятеля, являются

²⁴ В языке ава пит деидеративный показатель (глагольный аффикс) крайне редко имеет это дополнительное значение.

²⁵ Значения намерения и будущего времени разводятся на том основании, что первое является аспектуальным, а второе – временным. Так, все средства рассматриваемых языков, способные описывать ситуацию намерения в прошлом, были отнесены в группу ‘намерение’; только в настоящем – в группу ‘будущее’.

²⁶ Значение временной референции к будущему рассматривается в этом разделе из соображений полноты: оно общепризнанно считается модальным при широком понимании модальности (ср. [Плунгян 2000; Bybee et al. 1994; Palmer 1986]).

²⁷ Деление разных типов модальности, в частности, на ориентированную на деятеля (agent-oriented) и ориентированную на говорящего (speaker-oriented), предлагается в [Bybee et al. 1994].

диахроническим источником для остальных типов модальности, в частности, для модальности, ориентированной на говорящего. Следовательно, можно предположить, что приведенные дополнительные синхронные значения средств выражения желания представляют собой перечень возможных путей дальнейшего развития значения дезидеративных показателей.

В связи с этим примечательным оказывается тот факт, что среди языков нашей выборки есть такой, на примере которого можно наглядно увидеть несколько стадий процесса грамматикализации. В языке кайардилд (Австралия, тангикский) один и тот же показатель²⁸ используется как для выражения желания [ср. (6)], так и для выражения, во-первых, других видов модальности, ориентированных на деятеля [будущее (ср. 18а)], способность [ср. (18б)], а во-вторых, модальности, ориентированной на говорящего [прескрипция (ср. 6)].

(18) кайардилд (Kayardild; Австралия, тангикский [Evans 1995: 258–259])

(a) *niya bukawa-thu tungkiji-wu dulk-u.*
он умереть-POT свой-MPROP страна-MPROP

Он умрет в своей стране.

(б) *dali-ji! ngada kantharrkuru ngudi-nangku banga-walath-u.*
приходить-IMP я один бросать-NEG.POT черепаха-LOC-MPROP

Иди сюда! Я не могу сам перевернуть всех этих черепах.

Интересно заметить, что историческое развитие средств выражения желания в показателе будущего времени и намерения является достаточно известным фактом (ср. [Bybee et al. 1994; Heine 1994]), однако связь 'модальности желания' с другими типами модальности далеко не так хорошо изучена. Это также является причиной того, что теоретические лингвистические работы очень непоследовательно трактуют отношение желания участника ситуации к модальности вообще.

С одной стороны, при определении модальности как семантической зоны, связанной с нереальным статусом ситуации по отношению к реальному миру (см. [Плунгян 2000: 308–325]), желание участника ситуации, безусловно, относится к модальным. Однако на подобное определение можно возразить следующим образом: в семантике многих грамматических категорий и грамем есть компонент "нереальность" (ср., например, уже упоминавшуюся аспектуальную категорию проспектива или вопросительные предложения), но только у некоторых он является основным (ср. условное наклонение, которое, следовательно, относится к модальности подавляющим большинством исследователей).

С другой стороны, если использовать диахронический подход к модальности, предложенный в [Bybee et al. 1994], то трактовка желания как модального значения становится, на первый взгляд, более оправданной. Напомним, что авторы этого подхода утверждают, что семантическая зона желания может и должна рассматриваться вместе с остальными типами модальности, ровно потому что в языках мира очень часто желание диахронически связано с "настоящей" модальностью. Однако проведенное исследование показало, что наряду с большим количеством языков, в которых желание непосредственно связано с семантической зоной модальности, существует немалое количество таких языков (ср. 2.2–2.3), для которых причисление желания к модальности оказывается абсолютно необоснованным. Из этого, тем не менее, не следует, что вопрос о принадлежности желания к модальности теряет смысл: наоборот, тот факт, что в одних языках семантическая зона желания не мо-

²⁸ Как видно из примеров, автор грамматического описания называет этот показатель потенциалисом.

жет быть отделена от модальности, а в других не имеет с ней никаких общих формальных черт, многое говорит о месте желаня в языковой системе.

2.1.2. Слабая схожесть средств выражения желаня и модальности / аспекта / актантной деривации

Прежде всего отметим, что второй тип близости средств выражения желаня и модальных/аспектуальных/актантно-деривационных значений более распространен, чем первый. Это позволяет утверждать, что для достаточно большого количества языков эти две семантические зоны манифестируют относительную общность, не являясь тем не менее полностью идентичными, какими они являются для языков, рассмотренных выше.

Так, в одних языках дезидеративные аффиксы располагаются в той же позиции в глагольной словоформе, что и модальные, аспектуальные, актантно-деривационные показатели, что отражено в табл. 2.

Таблица 2

Однотиповая позиция дезидеративных и модальных/аспектуальных/актантно-деривационных показателей

Языки	Значение аффиксов той же позиции
тараскан	рефлексив, интенсив/детранзитив, продолжение
сноквалми-дувамиш	рестриктив, актантная деривация, актуально-длительное настоящее, условие
акома	оптатив, экспектив, мандатив
хидатса	итератив, отрицание
незперс	(аспект)

В других языках для выражения желаня и модальных/аспектуальных значений используется один и тот же тип морфосинтаксических объектов; причем для выражения других значений этот тип объектов не используется. Ср. данные в табл. 3.

Таблица 3

Использование однотипных морфосинтаксических объектов для желаня и модальных/аспектуальных значений

Языки	Средство выражения	Значения, выражаемые этим же типом средств
кюрюк	превербальные частицы	различные временные, аспектуальные значения
марикона	специальный глагольный формант	неспецифицированное желане (хорошо бы...), квотатив
суахили	специальный глагольный формант	перфектив, дуратив, POSSIBILITY, достижение ожидаемого результата
айнский	специальный глагольный формант	кончить, мочь, слишком
ава пит	продуктивные деривационные морфемы	проспектив, инцептив
персидский	предикат	способность, долженствование, необходимость, склонность, готовность, надежда
баскский	предикат	долженствование, возможность, невозможность

. В ряде языков (варао, алютторском, гуарани, сноквалми-дувамиш, телугу, романских языках) наблюдаются другие разновидности слабой схожести, подробный разбор которых мы не приводим, т.к. принципиально они не добавляют ничего нового к нашему знанию о желательности. Так, например, в сноквалми-дувамиш, телугу и французском матричный предикат *хотеть* может использовать для оформления своих СА такую стратегию, которая в финитном употреблении имеет модальные значения возможности, обязанности, условия, желания говорящего [ср. (19)].

(19) французский (романский)

(a) *Nous sommes heureux.*

Мы счастливы.

(б) *Il veut [que nous soyons heureux]*

Он хочет, чтобы мы были счастливы

(в) *Que nous soyons heureux!*

Были бы мы счастливы! / Пусть мы будем счастливы! (=желание говорящего)

2.2. Совмещение средств выражения желания и эмоций / восприятия / мыслительной деятельности

Это явление оказывается не менее частотным по языкам мира, чем совмещение желания и модальных/аспектуальных/актантно-деривационных значений, рассмотренное выше.

2.2.1. Сильная схожесть средств выражения желания и эмоций / восприятия / мыслительной деятельности

Достаточно часто в языках мира встречаются предикаты, аффиксы или специальные глагольные форманты, имеющие значение не только 'хотеть', но и 'любить', 'нравиться', 'чувствовать', 'думать'. Ср. следующий пример из языка кахуилла (Южная Америка, юто-ацтекский):

(20) кахуилла (Cahuilla; Южная Америка, юто-ацтекский [Langacker 1977: 142])

pi-čem-'ayaw-we

meten piš-pi-čem-čiči-pi.

3SG.O-1PL.S-нравиться/хотеть-DUR много SUBR-3SG.O-1PL.S-собирать-UNR

Мы бы хотели собрать много / Нам нравится собирать много.

Таблица 4

Совмещение деидеративного и ментальных/перцептивных значений

Ментальное/перцептивное значение	Языки выборки	Формальное средство выражения
любить, нравиться	пулаар, юто-ацтекские (кахуилла), хишка-рьяна, багвалинский, цахурский, бамана, сноквалми-дувамиш, немецкий, индонезийский	предикат, специальный глагольный формант
чувствовать	набай, телугу, энга	предикат, глагольный аффикс
думать	телугу	предикат

Безусловно, наиболее распространенным является совмещение значения желания и положительного отношения к ситуации – ‘любить’, ‘нравиться’. Также в трех языках Юго-Восточной Азии и Океании (набай, телугу, энга) было засвидетельствовано использование одного и того же формального средства как для выражения желания, так и для выражения чувства вообще.

См. пример (21) из языка энга (транс-новогвинейский, восточных новогвинейских высокогорий, западно-центральный), в котором предикат *mási* значит как ‘хотеть’, так и ‘чувствовать’, причем в полипредикативной конструкции возможно только первое значение.

(21) энга (Enga; транс-новогвинейский, восточных новогвинейских высокогорий, западно-центральный [Lang 1973], цитация по [Foley 1991: 157])

nambá Wápaka pá-a-nya mási-ly-o
я Вабаг идти-INF-POSS чувствовать-PRS-1SG

Я хочу пойти в Вабаг.

Последним значением данной группы, которое может мыслиться языком как не отделяемое от желания, оказалось значение мыслительной деятельности вообще: ср. предикат *anikon* ‘думать’ языка телугу.

(22) телугу (Telugu; Азия, дравидийский, телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 368])

oka waNTamaniSi-ni kudurcu-daam anikoN-T-unnaa-ni.
одив кухарка-ACC нанимать-HORT думать/хотеть-DUR-быть.NFUT-1SG

Я хочу нанять кухарку / Я думаю о том, чтобы нанять кухарку.

Показательно, что в случае совмещенного выражения желания и некоторого ментального/перцептивного состояния в качестве последнего наблюдаются наиболее общие значения из возможных: ‘думать’, ‘чувствовать’. Как нам кажется, это говорит о том, что идея желания некоторой ситуации является достаточно сложной и, следовательно, существуют языки, в которых эта ситуация осмысливается с помощью более простых универсальных понятий (см. подробнее 2.4).

Также неслучайна распространенная по языкам мира близость средств выражения семантической зоны желания и идеи (сильного) положительного отношения к чему-либо. В большинстве случаев существование одной из этих ситуаций предполагает наличие другой: если X хочет наступления события P, то, вероятнее всего, ему нравится состояние S, наступающее в результате события P; и наоборот – если X-у нравится некоторое состояние S, то, вероятнее всего, он хочет, чтобы оно наступило, т.е. хочет, чтобы произошло событие P.

2.2.2. Слабая схожесть средств выражения желания и эмоций / восприятия / мыслительной деятельности

Не менее важен для целей нашего исследования и тот факт, что в большом количестве языков для оформления ЗП глагола ‘хотеть’ используются те же стратегии, что и для оформления ЗП эмотивных/перцептивных/ментальных матричных предикатов данного языка. Данное явление засвидетельствовано в таких языках выборки, как тагарский, удмуртский, цахурский, багвалинский, юкагирский, туканг беси, телугу, аме-ле, энга, нкоре кига, пулаар, санго, шусвап, юто-адтекские, имбабура кечуа.

Ср. следующий пример:

(23) удмуртский (финно-угорский, пермяцкий)

(а) *мыным яра сестра-е-лэи дышетск-ем-ез.*
я.DAT нравиться.PRS.3.SG [сестра-1.SG-GEN учиться-PFCT-3.SG]

Мне нравится, как учится моя сестра.

(б) *мынам сиськ-ем-е пот-э.*
[я.GEN есть-PFCT-1.SG] хотеться-PRS.3.SG

Я хочу есть.

В удмуртском языке сентенциальный актант глагола *потэ* 'хотеться' и глаголов эмоций, восприятия, мыслительной деятельности представляет собой именную группу, возглавляемую номинализированным предикатом.

Помимо однотипного устройства зависимых предикаций в ряде языков (тамилский, виннебаго, имбабура кечуа, туканг беси, амеле) были засвидетельствованы и другие случаи объединения средств выражения желания и ментальных/перцептивных состояний, разбор которых мы здесь не приводим.

2.3. Совмещение средств выражения желания и целенаправленных действий

В четырех из рассмотренных языков (рама, восточный помо, йимас, кайардилд) один и тот же глагольный аффикс используется для выражения как желания, так и цели. Ср. следующий пример из восточного помо (Северная Америка, макросемья хокан, группа помо):

(24) восточный помо (Eastern Pomo; Северная Америка, хокан, помо [McLendon 1975: 94])

hí-Mak xa 'é-le há· ʔá· l-ba.
с.ним(и) hearsay_evidential я играть-PURP

Они хотят, чтобы я с ним/ними играл.

В этом языке суффикс *-ba* оформляет придаточные цели. Однако если этот суффикс присоединяется к предикату – вершине независимого предложения, то оно имеет значение желательности всей ситуации. Субъект желания определяется исходя из различных факторов. Например, в приведенном предложении показатель эвиденциальности имплицитно тот факт, что говорящий получил эту информацию от постороннего лица, т.е. ни говорящий, ни слушающий не могут быть субъектом желания²⁹.

Четыре языка с подобным явлением – это не так уж много, однако нами было засвидетельствовано еще несколько явлений, сближающих средства выражения цели и желания.

Во-первых, в таких языках как имбабура кечуа, сноквалми-дувамиш, шусвап, французский стратегии оформления сентенциальных актантов матричного предиката *хотеть* эквивалентны стратегиям оформления целевых придаточных данных языков. Ср. предложения (23а-б) французского языка, которые иллюстрируют ис-

²⁹ Стоит отметить, что анализ данного явления был проведен нами самостоятельно на основе приведенных в грамматике примеров; возможно, при рассмотрении большего количества примеров этот анализ окажется неверным.

пользование сослагательного наклонения как в СА предиката желания, так и в целевом придаточном.

(25) французский

(а) *Il veut [que nous allions à la bibliothèque].*

Он хочет, чтобы мы пошли в библиотеку.

(б) *Ce soir, tu dois arriver un peu plus tôt pour [que nous allions à la bibliothèque].*

Ты должен прийти пораньше сегодня вечером для того, чтобы мы пошли в библиотеку

Стоит отметить, что использование специального наклонения (~ сослагательного, конъюнктива, субъюнктива [subjunctive]) в зависимых предикациях глагола *хотеть* встречается достаточно часто в языках мира. Однако в тех случаях, когда с помощью этого наклонения оформляются ЗП цели, а для матричных предикатов использование этой стратегии оказывается периферийным, то только предикат желания последовательно попадает в группу тех предикатов, которые все же используют эту стратегию.

Второй тип явлений, сближающих семантическую зону желания с целевой зоной, наблюдается в языке суахили: морфологические и синтаксические свойства вспомогательного дезидеративного глагола *kutaka* полностью совпадают с соответствующими характеристиками других вспомогательных глаголов, в том числе целевого *kuja*.

Таким образом, несмотря на то, что сходство средств выражения желания и средств выражения целенаправленных действий встречается скорее редко, оно не является случайным порождением методологии исследования. Засвидетельствованное в самых разных географических ареалах, это сходство может быть признано одной из возможностей, находящейся в распоряжении языков мира, наряду с двумя другими, рассмотренными в 2.1 и 2.2.

2.4. Желательность в едином семантическом пространстве

Итак, близость средств выражения желания другим языковым средствам во многих языках мира не может быть случайной. Также не является произвольным и тот факт, что средства выражения желания могут сближаться со средствами выражения только трех рассмотренных семантических полей: ни в одном языке выборки не засвидетельствовано случаев сильной схожести средства выражения желания со средствами, не принадлежащими трем выделенным группам. Следовательно, в едином семантическом пространстве семантическая зона желания, с одной стороны, граничит с такими зонами как "модальность", "эмоции/восприятие" (и "ментальное состояние")³⁰, "цель", а с другой стороны, не граничит ни с какими другими. Таким образом, закономерным является ее помещение между этими семантическими зонами.

Тот факт, что семантическая зона желания однозначно не объединяется ни с какой другой языковой областью, однако имеет точки соприкосновения с различными, возможно, не связанными непосредственно между собой, областями, говорит о том, что желательность действительно представляет собой отдельную семантическую зону, а не пересечение зон модальности, эмоций/мыслительной деятельности и цели. Ср. Рис. 1:

³⁰ Как кажется, две последние представляют собой две части единой зоны; что касается желания, то в одних языках для него эта зона является единой, в других – нет.

Рис. 1. Семантическая зона желания и ее окружение

Что касается внутренней структуры семантической зоны желания, предположим следующие разновидности желания, которые могут различать языки мира:

– желание, сближающееся с оценкой ситуации извне, т.е. такой оценкой, которая сообщает некоторую информацию о ситуации, но сама отдельной ситуацией реального мира не является, ср. 2.1.

(субъект желания обладает свойствами Источника информации о желаемой ситуации);

– желание, сближающееся с ментальным и/или перцептивным состоянием, ср. 2.2.

(субъект желания обладает свойствами Экспериментера желаемой ситуации);

– желание, сближающееся с целенаправленным действием, ср. 2.3.

(субъект желания обладает свойствами Агенса ситуации желания, направленной на достижение желаемой ситуации)³¹.

Обращаясь к Рис. 1, можно перефразировать это утверждение следующим образом. Поскольку желание находится между другими семантическими зонами, то в случае, когда оно не является единым объектом для некоторого языка (т.е. когда в языке есть более одного средства выражения желания), данная семантическая зона разбивается на поля, каждое из которых оказывается ближе к одной из смежных зон (модальности, эмоциям/восприятию, ментальному состоянию или цели), чем другие, и, следовательно, те характеристики, которые отличают его от других полей зоны желания, могут быть так или иначе предсказаны характеристиками смежной зоны.

Проиллюстрируем наши теоретические выводы данными двух неродственных языков: чувашского и русского. Покажем, что различные средства выражения желания, которыми они располагают, действительно могут быть помещены в семантическое пространство так, что каждое из них займет свою нишу, сближаясь по различным параметрам с соседними зонами.

2.5. Семантическая зона желания двух языков: чувашского и русского

Рассмотрим по отдельности данные этих двух языков. Начнем с чувашского языка, т.к. он менее знаком читателю и, следовательно, имплицитно предполагает меньше исходных предположений о его семантической зоне желания, т.е. в этом случае мы имеем дело с наиболее чистым примером семантического эксперимента.

³¹ Ср. исследование [Кибрик 1992: 218–260] на материале дагестанских языков, в котором приводятся доказательства того, что, в зависимости от их формальных свойств, предикаты желания могут принадлежать к одному из двух последних типов.

В чувашском языке имеется четыре средства выражения желания³² (см. [Ханина 2003])

- (а) матричный предикат *te* 'говорить, решить, хотеть' + специальная стратегия оформления СА № 1 [используется только с этим матричным предикатом и предикатом (г)];
- (б) матричный предикат *šutla* 'думать' + специальная стратегия оформления СА № 2 [используется только с этим матричным предикатом],
- (в) глагольный аффикс *-sšän* [ср (2), (7)],
- (г) глагол *kile* 'приходить' в форме третьего лица единственного числа (*kile-t'* 'приходить-3Sg') + специальная стратегия оформления СА № 1

Они схематически представлены на Рис 2

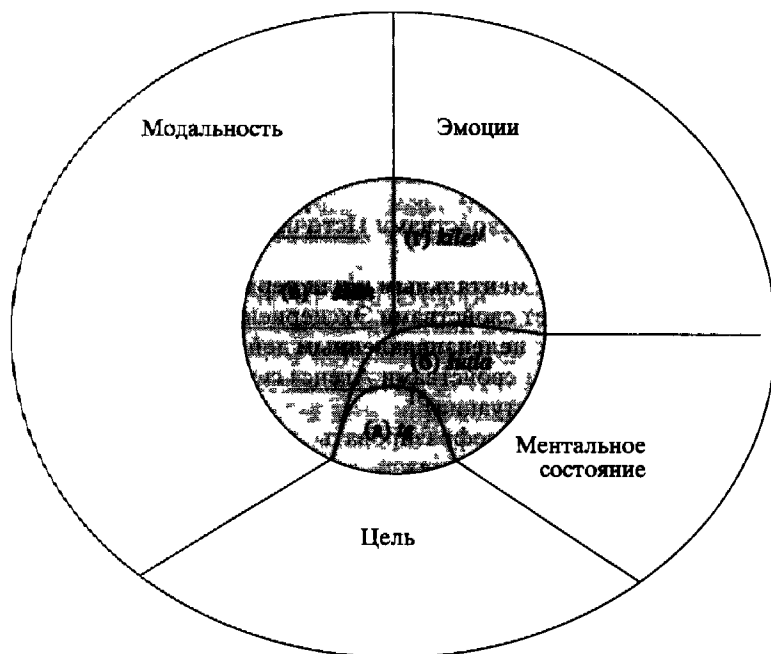

Рис 2 Семантическая зона желания чувашского языка

Поясняя помещение на Рис. 2 средств выражения желания чувашского языка, мы будем опираться на данные об их грамматических и семантических характеристиках, представленных в [Ханина 2003]

- (а) – достаточно сильная каузация, осуществляемая субъектом желания к желаемой ситуации,
– конверб данного глагола используется как целевой союз,
- (б) – при употреблении другой стратегии оформления своего СА, этот глагол имеет значение 'думать',

³² Упомянувшийся в 1 2 1 каузативный показатель функционирует как средство выражения желания только с крайне ограниченным числом глаголов, обозначающих физиологические состояния

- (в) – синтаксические критерии не позволяют определить, с одной или двумя предикациями мы имеем дело в случае разносубъектного желания [ср. (2)], что достаточно часто встречается в сфере модальных предложений,
  - другие значения этого аффикса являются аспектуальными и модальными [хабитуалис, актуально-длительное настоящее, намерение, ср (7)],
- (г) – этимология конструкции ('что-то приходит ко мне') близка эмотивной семантике,
  - это единственное поле семантической зоны желания, зарезервированное для этого средства.

После нанесения средств выражения желания чувашского языка на семантическую схему, становится заметным, что ни одно из них не является "чисто" желательным все они имеют дополнительные значения, причем скорее эти дополнительные значения могут быть признаны исходными. По-видимому, можно говорить о том, что в процессе диахронического развития средства выражения соседних с желательностью зон постепенно приспособлялись для оформления семантической зоны желания. Таким образом, данные чувашского языка не только на синхронном, но и на диахроническом уровне подтверждают гипотезу об устройстве данного фрагмента единого семантического пространства

2.5.2. Русский язык

Рассматривая данные русского языка, мы ограничимся двумя основными средствами выражения желания – предикатами 'хотеть' и 'хотеться', функциональное различие которых рассматривается в работе [Бонч-Осмоловская 2003. 128–132], на которую мы и будем опираться. Определению места более периферийных средств выражения желания на семантической схеме будут посвящены наши дальнейшие исследования

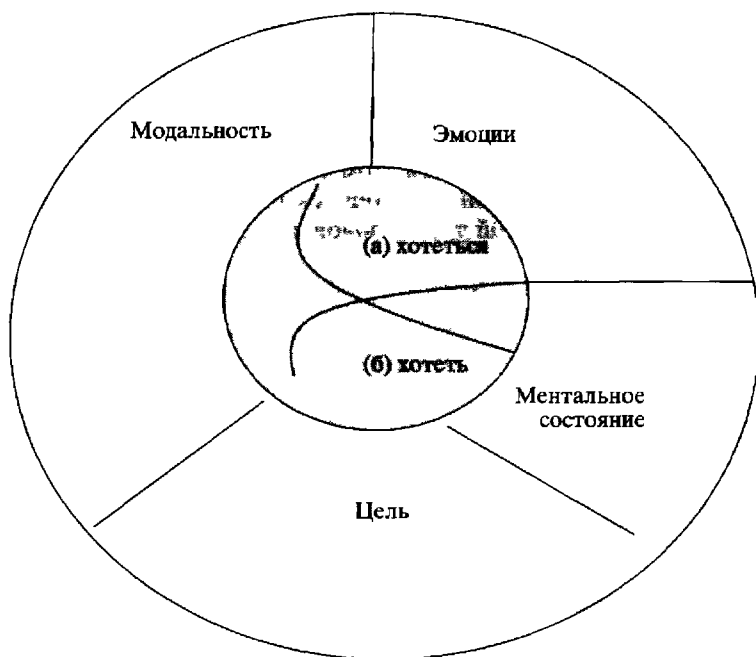

Рис 3 Семантическая зона желания русского языка

Поясним помещение средств русского языка на семантическую схему.

- (а) – ситуация желания не подконтрольна субъекту желания, как в случае эмоций или модальности;
- субъект желания находится в фокусе эмпатии, что позволяет говорящему иметь некоторую информацию о его ментальном состоянии (~идеях, намерениях);
  - субъект желания кодируется дательным, а не именительным падежом, т.е. его синтаксический статус достаточно низкий, что наблюдается и в случае модальных предикатов (ср. *Ему нужно уйти*);
- (б) – значение глагола представляет собой осознанные намерения субъекта желания, которые он может либо изменить, либо начать реализовывать, что напоминает нам ситуацию целенаправленных действий;
- осознанные намерения (см. выше) имплицитно подразумевают размышления субъекта желания о желаемой ситуации, что сближает этот предикат с зоной ментальных состояний.

Часть семантической зоны желания, близкая к модальности, осталась свободной, т.к. рассмотренные ядерные средства выражения желания действительно не сближаются по своим свойствам со средствами выражения модальности. Это косвенно подтверждает и русская лингвистическая традиция, которая относит значение желательности скорее к эмотивным, чем к модальным.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данного исследования являлось получение функционально-когнитивного ответа на вопрос о том, что же представляет собой желание участника ситуации. Используя обширный типологический материал, мы выяснили, во-первых, какими могут быть формальные характеристики средств выражения желания (ср. *Раздел 1*), во-вторых, какова их семантическая природа (ср. *Раздел 2*).

Оказалось, что различные языки, в действительности, имеют дело с одной и той же семантической зоной желания, которая занимает одно и то же положение в едином семантическом пространстве. Мы показали, что каждый конкретный язык выбирает, какие именно части данного семантического пространства будут покрываться формальными средствами, находящимися в его распоряжении, будет ли это одно или несколько формальных средств. При этом языки могут использовать одно средство только для выражения смежных частей семантического пространства, но не тех, которые разделены некоторой другой зоной, не использующей это средство³³.

³³ Выражаю искреннюю благодарность А.Е. Кибрику и Е.А. Лютиковой за ценные замечания к предыдущим версиям данной работы, а также Н.Р. Добрушиной за предоставленный в мое распоряжение бесценный фактический материал.

Приложение

Русское название языка	Оригинальное название языка	Генетическая принадлежность языка ³⁴	Форма СВЖ	Другие значения СВЖ	Аналогично устроены	Источник сведений о языке
ава пит	Awa Pit	паэсская с, гр барбакоа ³⁵	M ³⁶	(необходимость) ³⁷ , (близкое будущее)	глагольная деривация: проспектив, инцептив, лернатив	[Cumow 1997]
айнский	Ainu	изолят	P, SV	P: намерение; SV: намерение	P: мочь; SV: кончить, мочь, слишком	[Refsing 1986]
акома	Асота	кересская с	M1, M2	M1: вежливая просьба; M2: собирается, возможно	M1: оптатив, экспектив; M2: оптатив, мандатив	[Miller 1965]
алюторский		чукотско-камчатская с, чукотско-корякская гр	M1, M2	M1: оптатив	M1: остальные наклонения	[Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000]
амеле	Amele	транс-новогвинейская м-с, с маданг адельберт, гр маданг	P	–	внутреннее состояние, понимать	[Roberts 1987]
бабунго	Babungo	м-с нигер-конго, с бенуэ-конго, гр банту	SV	–	–	[Schaub 1985]
багвалинский/годоберинский	Godoberi	Северокавказская м-с, нахско-дагестанская с, андийская гр	P	любить, нравиться, оказываться нужным	КСА вообще	[Калинина 2001; Haspelmath 1996]
бамана	Bambara	м-с нигер-конго, с манде, гр мандинг	M	принадлежность	–	[Bailleul 1981; Dumestre 1987; Keita 1986]
баскский	Basque/Euskara	изолят	P1, P2, P3, P4, P5	–	P1: СА предикатов, долженствования, возможности, невозможности	полевое исследование, [Haase 1994; King 1997; Zubiri I., Zubiri E. 2000]

³⁴ Источником данных о генетической принадлежности языков послужил сайт Ethnologue.com (www.ethnologue.com).

³⁵ Далее используются следующие сокращения: м-с – макро-семья, с – семья, гр – группа.

³⁶ Далее используются следующие сокращения: М – дезидеративный показатель (аффикс), P – дезидеративный предикат, SV – специальный глагольный формант, Poss – посессивная конструкция, Perif – перифрастическая конструкция.

³⁷ Здесь и далее в скобках указываются редко встречающиеся языковые явления.

Приложение. Продолжение

Русское название языка	Оригинальное название языка	Генетическая принадлежность языка	Форма СВЖ	Другие значения СВЖ	Аналогично устроены	Источник сведений о языке
варао	Warao	изолят	М	—	наклонения: индикатив, условное (протезис), императив, потенциальное (мочь)	[Romero-Figueroa 1997]
виннебаго	Winnebago	сиуанская с, центральная гр	Р	—	предикаты согласовательного класса "состояние"	[Lipkind 1945]
волоф Гамбии	Wolof Gambian	м-с нигер-конго, атлантическая с, гр фула-волоф	Р	—	СА предикатов <i>осмеливаться, отказываться, спешить</i>	[Mbassy Njie 1982]
восточный помо	Eastern Pomo	м-с хока, с помо	М1, М2	М2: цель	М1: СА в финитном употреблении – вежливый вопрос, условие	[McLendon 1975]
гуарани	Guarani	с тупи-гуарани	М	—	согласовательная модель: рефлексив, реципрок	[Gregores, Suarez 1967]
имбабура кечуа	Imbabura Quechua	с кечуа	М, Р1, Р2	—	М: предикаты внутреннего состояния (аналогичная синтаксическая конструкция); Р1: СА в финитном употреблении – приказания, цель, юссив; Р2: КСА вообще при равносубъектном желании	[Cole 1982]
индонезийский		австронезийская с, малайско-полинезийская гр	Р(SV1), Р(SV2)	Р(SV)1: нравиться; Р(SV)2: намерение	—	[Алиева и др. 1972]

Приложение. Продолжение

Русское название языка	Оригинальное название языка	Генетическая принадлежность языка	Форма СВЖ	Другие значения СВЖ	Аналогично устроены	Источник сведений о языке
ительменский		чукотско-камчатская с	М	будущее	–	[Володин 1976]
йимас	Yimas	с сепик-раму, гр нор-пондо	Р, М	М: ирреалис (экспектив, цель)	–	[Foley 1991]
кайардилд	Kayardild	тангикская (дангская) с	М1, М2	М1: косв. манипуляция, апотезис; М2: потенциалис (будущее, предписывание, способность, итератив в прошлом, цель)	–	[Evans 1995]
лаху	Lahu	сино-тибетская с, тибето-бирманская гр	М	–	пробовательная частица	[Matisoff 1973]
мангарайи	Mangarayi	с мангарайи	М	намерение	–	[Merlan 1982]
марийский		финно-угорская с, финно-волжская гр	М, Р	–	–	[Сумбатова 2001]
марикопа	Maricopa	м-с хока, с юма	SV	попытка, намерение, начало действия	другие конструкции с этим SV: неспецифицированное желание, слух	[Gordon 1986]
набай	Nabau	австронезийская с, малайско-полинезийская гр	М1, М2	М1: попытка; М2: непроизвольное чувство	–	[Cohen 1999]
незперс	Nez Perce	пенутийская м-с, сахаптинская с	М	очень сильное желание	(аспект)	[Aoki 1970]
немецкий		индоевропейская с, германская гр	Р1, Р2	Р1: любить	Р1, Р2: синтаксис и морфология модальных предикатов	анализ текстов
нкоре-кига	Nkore-Kiga	м-с нигер-конго, с бенуэ-конго, гр банту	Р	–	КСА вообще	[Taylor 1985]

Приложение. Продолжение

Русское название языка	Оригинальное название языка	Генетическая принадлежность языка	Форма СВЖ	Другие значения СВЖ	Аналогично устроены	Источник сведений о языке
островной карибский	Carib	аравакская с, маипуранская гр	SV	—	—	[Hoff 1968]
персидский	Persian	индоевропейская с, иранская гр	P	необходимость, будущее, намерение	СА предикатов способности, долженствования, необходимости, склонности, готовности, надежды	[Рубинчик 2001; Boyle 1979; Windfuhr 1979]
пулаар	Pulaar	м-с нигер-конго, атлантическая с, гр фула-волоф	P	любить	КСА вообще	[Sylla 1982]
рама	Rama	с чибча, мисумальпанская гр	P, M1, M2	M1: цель, обязанность, СА манипуляции; M2: проспектив	P: СА предикатов манипуляция	[Grinevald Ms.]
русский		индоевропейская с, славянская гр	P1, P2	—	P1, P2: СА предиката <i>нужно</i> , целевые ЗП	анализ текстов
санго	Sango	креольский (французский + нгабанди: м-с нигер-конго, атлантическая с, гр адамава-убанги)	P	—	1) СА предикатов <i>намереваться, начинать, продолжать, быть способным</i> 2) СА предикатов <i>говорить, видеть, знать, слышать, понимать, спрашивать, думать, позволять</i>	[Samarin 1967]
сноквалмидувамыш	Snoqualme-Duwamish dialects of Puget Sound Coast Salish	салишская с, салиш побережья пуджет саунд	P, M	P: любить, нравиться	P: СА в финитном употреблении – субъюнктив (цель, возможность, контрфактическое условие);	[Tweddel 1950]

Приложение. Продолжение

Русское название языка	Оригинальное название языка	Генетическая принадлежность языка	Форма СВЖ	Другие значения СВЖ	Аналогично устроены	Источник сведений о языке
суахили	Swahili	м-с нигер-конго, с бенуэ-конго, гр банту	SV	намерение	М: рескриптив, актантная деривация, актуально-длительное настоящее; согласование, условие перфектив, дуратив, поссибилятив, достижение ожидаемого результата; цель	[Loogman 1965]
таба (макиан далам)	Taba (Makian Dalam)	австронезийская с, малайско-полинезийская гр	Poss	—	(СА предикатов планирования)	[Bowden 1997]
тамилский	Tamil	дравидийская с, гр тамил-каннада	P	нуждаться	СА предикатов <i>начинать, кончать, собираться, намереваться, нет</i> ; перцептивные предикаты (аналогичная модель управления)	[Asher 1985; Андронов 1966]
тараскан (пурелеча)	Tarascan (Purépecha)	изолят	M	—	рефлексив, качество, интенсиф/де-транзитив, продолжение	[LeCron 1969]
татарский		тюркская с, западная (кыпчакская) гр	P1, P2	—	P1: КСА вообще	полевое исследование; [Казенин, Лютикова, Соловьев, Татевосов 2004]
телугу	Telugu	дравидийская с, гр телугу	Perif, P1, P2	P1: нуждаться; P2: думать, чувствовать	Perif: ЗП в облигативе; P2: КСА вообще	[Krishnamurti, Gwynn 1985]

Приложение. Окончание

Русское название языка	Оригинальное название языка	Генетическая принадлежность языка	Форма СВЖ	Другие значения СВЖ	Аналогично устроены	Источник сведений о языке
туханг беси	Tukang Besi	австронезийская с, филиппинская гр	P1, P2	—	P1: СА предикатов ментального восприятия	[Donohue 1999]
удмуртский		финно-угорская с. пермяцкая гр	P	—	КСА вообще при равносубъектности; юссив при разносубъектности	полевое исследование
французский		индоевропейская с, романская гр	P	—	оптатив, ЗП цели при разносубъектности	анализ текстов
хидатса	Hidatsa	сиуанская с	M. P	—	M: итератив, отрицание	[Matthews 1965]
хишкарьяна	Hixkaryana	карибская с. южная гр	SV	любить, нравиться	—	[Derbyshire 1979]
цахурский		северокавказская м-с, нахско-дагестанская с, лезгинская гр	P	любить, нравиться, быть должным, оказываться нужным	КСА вообще	[Бонч-Осмоловская, Лютикова 1999]
чувакский		тюркская с, болгарская гр	M1, M2, P1, P2, P3	M1: собирается, актуально-длительное настоящее, хабитуалис; M2: каузатив	M1: абилитив	полевое исследование; [Ханина 2003]
шусвап	Shuswap	салишская с, северная гр	P	—	КСА вообще, цель	[Kuipers 1974]
энга	Enga	транс-новогвинейская м-с, с восточных новогвинейских высокогорий, западно-центральная гр	P	чувствовать	(КСА вообще)	[Lang 1973]
южный сьерра мивок	Southern Sierra Miwok	пенутийская м-с, с мивок	M	немедленное будущее, готов, прескрипция (в прошлом)	—	[Broadbent 1964]
юкагирский	Yukaghir	изолят	P, (M)	—	P: КСА вообще	[Крейнович 1982; Maslova 2003]
юрок	Yurok	алгонкинская с, гр юрок	M	намерение	частицы: время, аспект	[Robins 1958]
уто-ацтекские языки (ка(х)уцлла)	Uto-Aztecan (Cahuilla)	ацтеко-таноанская с	P, M	P: нравиться (Cahuilla)	P: КСА вообще	[Langacker 1977]
японский	Japanese	алтайская с (?)	M	—	предикаты внутреннего состояния	[Martin 1975; Shibatani 1990]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиева и др. 1972 – *Н.Ф. Алиева, В.Д. Аракин, А.К. Оглобин, Ю.Х. Сирк*. Грамматика индонезийского языка. М., 1972.
- Андронов 1966 – *М.С. Андронов*. Грамматика тамильского языка. М., 1966.
- Бонч-Осмоловская 2003 – *А.А. Бонч-Осмоловская*. Конструкции с “дательным субъектом” (опыт корпусного исследования на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Бонч-Осмоловская, Лютикова 1999 – *А.А. Бонч-Осмоловская, Е.А. Лютикова*. Актантные предложения // *А.Е. Кибрик* (ред.). Цахурский язык в типологическом освещении. М., 1999.
- Володин 1976 – *А.П. Володин*. Ительменский язык. Л., 1976.
- Добрушина 2001 – *Н.Р. Добрушина*. К типологии опатива // *В.А. Плуныян* (ред.). Типология глагольных категорий. М., 2001.
- Дульзон 1968 – *А.П. Дульзон*. Кетский язык. Томск, 1968.
- Казенин, Лютикова, Соловьев, Татевосов 2004 – *К.И. Казенин, Е.А. Лютикова, В.Д. Соловьев, С.Г. Татевосов* (ред.). Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань, 2004.
- Калинина 2001 – *Е.Ю. Калинина*. Актантные предложения // *А.Е. Кибрик* (ред.). Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М., 2001.
- Кибрик 1992 – *А.Е. Кибрик*. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кибрик 2003 – *А.Е. Кибрик*. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000 – *А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.А. Муравьева*. Язык и фольклор аллюторцев. М., 2000.
- Крейнович 1982 – *Е.А. Крейнович*. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.
- Майсак 2002 – *Т.А. Майсак*. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
- Мельчук 1998 – *И.А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. 2. Ч. 2: Морфологические значения. М., 1998.
- Плуныян 2000 – *В.А. Плуныян*. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.
- Рубинчик 2001 – *Ю.А. Рубинчик*. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
- Сумбатова 2001 – *Н.Р. Сумбатова*. Глагольная система марийского языка. Экспедиционный отчет. МГУ, 2001.
- Успенский 1968 – *Б.А. Успенский*. О системе кетского глагола // *Кетский сборник: Лингвистика*. М., 1968.
- Филлмор 1981 – *Ч. Филлмор*. Дело о падеже // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. X. М., 1981.
- Ханина 2003 – *О.В. Ханина*. Опыт описания семантической зоны желания и средств ее выражения (на материале чувашского языка) // *Вестник МГУ: Филология* № 5. 2003.
- Ханина (в печати) – *О.В. Ханина*. Дезидеративные конструкции в языках мира // *Сборник работ молодых ученых МГУ-2003*. М. (в печати).
- Aoki 1970 – *H. Aoki*. Nez Perce grammar. Berkeley, 1970.
- Asher 1985 – *R.E. Asher*. Tamil. London; Sydney; Dover; New Hampshire, 1985.
- Bailleul 1981 – *Ch. Bailleul*. Petit dictionnaire. Bambara-Français, Français-Bambara. Averbury, 1981.
- Bowden 1997 – *J. Bowden*. Taba (Makian Dalam). Description of an Austronesian language of Eastern Indonesia: Ph. D. Thesis. University of Melbourne. 1997.
- Boyle 1979 – *J.A. Boyle*. Grammar of modern Persian. Wiesbaden, 1979.
- Broadbent 1964 – *S.M. Broadbent*. The Southern Sierra Miwok language. Berkeley, 1964.
- Bybee 1985 – *J. Bybee*. Morphology: a study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Bybee et al. 1994 – *J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago; London, 1994.
- Cohen 1999 – *N. Cohen*. Nabay verb morphology. Summer Institute of linguistics electronic working papers 1999-003. April 1999. URL: <http://www.sil.org/silewp/1999/003/silewp1999-003.pdf>
- Cole 1982 – *P. Cole*. Imbabura Quechua. Lingua descriptive studies. № 5. Amsterdam, 1982.
- Curnow 1997 – *T.J. Curnow*. A grammar of Awa Pit (Cuaiquer): An indigenous language of Southwestern Colombia: Ph. D. Thesis. Australian national university. 1997.

- Derbyshire 1979 – *D. Derbyshire*. Hixkaryana. *Lingua descriptive studies*. № 1. Amsterdam, 1979.
- Donohue 1999 – *M. Donohue*. A grammar of Tukang Besi. Berlin, 1999.
- Dumestre 1987 – *G. Dumestre*. Le bambara du Mali: Essais de description linguistique: Thèse de Doctorat. Université de Paris III, 1987.
- Evans 1995 – *N.D. Evans*. A grammar of Kayardild. Berlin, 1995.
- Foley 1991 – *W.A. Foley*. The Yimas language of New Guinea. Stanford, 1991.
- Givón 1980 – *T. Givón*. The binding hierarchy and the typology of complements // *Studies in language*. V. 4. № 4. 1980.
- Goddard, Wierzbicka 1994 – *C. Goddard, A. Wierzbicka* (eds.). Semantic and lexical universals: theory and empirical findings. Amsterdam, 1994.
- Goddard, Wierzbicka 2002 – *C. Goddard, A. Wierzbicka* (eds.). Meaning and universal grammar. Theory and empirical findings. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Gordon 1986 – *L. Gordon*. Maricopa morphology and syntax. University of California publications in linguistics. № 108. Berkeley, 1986.
- Gregores, Suarez 1967 – *E. Gregores, J.A. Suarez*. A description of colloquial Guarani. The Hague, 1967.
- Grinevald Ms. – *C. Grinevald*. A grammar of Rama. Ms (рукопись).
- Haase 1994 – *M. Haase*. Tense and aspect in Basque // *R. Thieroff, J. Ballweg* (eds.). Tense systems in European languages. Tübingen, 1994.
- Harkins 1995 – *J. Harkins*. Desire in language and thought. A study in cross-cultural semantics: Ph. D. Thesis. Australian national university, 1995.
- Haspelmath 2003 – *M. Haspelmath*. The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison // *M. Tomasello* (ed.). The new psychology of language. V. 2. Mahwah; New Jersey, 2003.
- Haspelmath 1996 – *M. Haspelmath*. Complementation // *A.E. Kibrik, S.G. Tatevosov, A. Eulenberg* (eds.). Studies in Godoberi. München, 1996.
- Heine 1994 – *B. Heine*. On the genesis of aspect in African languages: the proximative // *Proceedings of the 20th annual meeting of the Berkeley linguistic society*. Berkeley, 1994.
- Hoff 1968 – *B.J. Hoff*. The Carib language: phonology, morphology, texts and word index. The Hague, 1968.
- Keita 1986 – *B. Keita*. Eléments de description du malinké de Kita (Mali). Publication du centre de dialectologie africaine. Université de Grenoble III. 1986.
- King 1997 – *A.R. King*. Introduction to Basque. Alan R. King's web site at <http://www.eire-link.com/alanking>.
- Krishnamurti, Gwynn 1985 – *Bh. Krishnamurti, J.P.L. Gwynn*. A grammar of modern Telugu. Dehli, 1985.
- Kuipers 1974 – *A.H. Kuipers*. The Shuswap language. Grammar, texts, dictionary. The Hague; Paris, 1974.
- Lang 1973 – *A. Lang*. Enga dictionary. Pacific linguistics. Canberra, 1973.
- Langacker 1977 – *R.W. Langacker*. An overview of Uto-Aztecan grammar. Studies in Uto-Aztecan grammar. V. I. SIL publications in linguistics. V. 56. № 1. Dallas, 1977.
- LeCron 1969 – *F.M. LeCron*. The Tarascan language. University of California publications in linguistics. № 56. Berkeley, 1969.
- Lipkind 1945 – *W. Lipkind*. Winnebago grammar. New York, 1945.
- Loogman 1965 – *A. Loogman*. Swahili grammar and syntax. Duquesne studies. African series. V. 1. Pittsburg, 1965.
- Lyons 1977 – *J. Lyons*. Semantics. Cambridge, 1977.
- Martin 1975 – *S.E. Martin*. A reference grammar of Japanese. London, 1975.
- Maslova 2003 – *E. Maslova*. A grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin; New York, 2003.
- Matisoff 1973 – *J.A. Matisoff*. The grammar of Lahu. Berkeley; Los Angeles; London, 1973.
- Matthews 1965 – *G.H. Matthews*. Hidatsa syntax. London; The Hague; Paris, 1965.
- Mbassy Njie 1982 – *C. Mbassy Njie*. Description syntaxique du wolof de Gambie. Dakar, 1982.
- McLendon 1975 – *S. McLendon*. A grammar of Eastern Pomo. University of California publications in linguistics. № 74. Berkeley, 1975.
- Merlan 1982 – *F. Merlan*. Mangarayi. *Lingua descriptive studies*. № 4. Amsterdam, 1982.
- Müller 1965 – *W.R. Miller*. Acoma grammar and texts. University of California publications in linguistics. № 40. Berkeley, 1965.
- Noonan 1985 – *M. Noonan*. Complementation // *T. Shopen* (ed.). Language typology and syntactic description. V. 2. Cambridge, 1985.

- Palmer 1986 – *F.R. Palmer*. Mood and modality. Cambridge, 1986.
- Ransom 1986 – *E. Ransom*. Complementation: meanings and forms. Filadelfia, 1986.
- Refsing 1986 – *K. Refsing*. The Ainu language. Arhus, 1986.
- Roberts 1987 – *J.R. Roberts*. Amele. London, 1987.
- Robins 1958 – *R.H. Robins*. The Yurok language. Grammar, texts, lexicon. University of California publications in linguistics. № 15. Berkeley, 1958.
- Romero-Figueroa 1997 – *A. Romero-Figueroa*. A reference grammar of Warao. München, 1997.
- Samarin 1967 – *W. Samarin*. A grammar of Sango. The Hague; Paris, 1967.
- Shibatani 1990 – *M. Shibatani*. The languages of Japan. Cambridge, 1990.
- Sylla 1982 – *Y. Sylla*. Grammaire moderne du pulaar. Dakar, 1982.
- Schaub 1985 – *W. Schaub*. Babungo. Croom Helm descriptive grammars. London, 1985.
- Taylor 1985 – *Ch. Taylor*. Nkore-Kiga. Croom Helm descriptive grammars. London, 1985.
- Tweddell 1950 – *C.E. Tweddell*. The Snoqualmie-Duwamish dialects of Puget Sound Coast Salish. University of Washington publications in anthropology. № 12. Seattle, 1950.
- Windfuhr 1979 – *G.L. Windfuhr*. Persian grammar. History and state of its study. The Hague; Paris; New York, 1979.
- Zubiri I., Zubiri E. 2000 – *I. Zubiri, E. Zubiri*. Euskal gramatika osoa. Bilbo, 2000.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

M. Mayrhofer. Die Personennamen in der R̥gveda-Samhitā. Sicherer und Zweifelhafte. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 2003. 165 S.

Новая книга проф. М. Майрхофера посвящена собственным именам людей в "Ригведе". Соединение этих двух понятий заслуживает особого внимания. "Ригведа" – первое по времени произведение древнеиндийского устного творчества (приблизительно середина II тысячелетия до н.э.), огромное по объему собрание (*samhitā*) поэтических гимнов богам индоариев (1028 гимнов), из которых удастся извлечь сведения о самых разных сторонах жизни того времени: не только о религии, ритуале, поэтическом творчестве и моральных установлениях, но и о быте, материальной культуре, повседневной жизни, и которое связывает древнеиндийскую традицию с предшествующими этапами: индоиранским и общендоевропейским.

Имя собственное как таковое играло совершенно особую роль в представлениях ведийских племен. Считалось, что связь имени с его носителем не случайна, и имя заключает в себе суть его носителя. Поэтому в магической практике, в заговорах, стремились "овладеть" именем врага или колдуна, что означало приобретение власти над ним. С точки же зрения современной науки, изучение собственных имен в "Ригведе" проливает свет на социальное устройство и историю ведийского общества: насколько далеко в этот период зашло смешение индоарийского населения с местным населением, говорившим на других языках (австроазиатских, дравидийских и иных, не сохранившихся до нашего времени), как далеко продвинулись племена пришельцев (имена народов, связанные с географическими названиями), не говоря уже о том, что принципы мотивации собственных имен в этом архаичном обществе дают интересный материал для общего и сравнительно-исторического языкознания.

Изучению древнеиндийского имени вообще посвящена немалая научная литература (достаточно упомянуть книгу Я. Гонды [Gonda 1970]. Существует словарь собственных имен языка пали Г.П. Малаласекеры [Malalasekera 1960]. Но словаря собственных имен самого древнего памятника, "Ригведы", – а именно таковым является рецензируемая книга – до сих пор не было.

Автор этой книги, известный австрийский специалист по индоиранским языкам Майрхофер, вошел в историю науки прежде всего как создатель фундаментального труда, без которого сейчас невозможна научная работа в области санскрита – этимологического словаря этого языка. Первое издание этого словаря [Mayrhofer 1956–1978] вызвал ряд серьезных критических замечаний. Далее автор пересмотрел способ подачи материала и учел уроки критики, выпуская новый вариант словаря [Mayrhofer 1986–2001]. Хотя эти два варианта словаря связаны преемственностью, но последний вариант, вышедший под несколько иным названием, чем первый, это уже совсем другая книга, обладающая большими преимуществами. Материал для рецензируемой книги взят как раз из этого словаря. Проблема же имени собственного вообще занимала Майрхофера давно – он является автором ряда работ о древнеиранских именах [Mayrhofer 1977; 1979].

Когда материалом для лингвистического исследования является язык гимнов "Ригведы", невозможно отвлечься от особенностей поэтического стиля этого памятника. Не случайно, что подзаголовком названия своей книги Майрхофер делает слова: "Достоверное и сомнительное" – в этом заключается главная трудность его работы.

Книга состоит из очень краткого "Введения" (Die Aufgabe, с. 5–6); основной главы

под названием "Материал" (с. 7–150), состоящей из двух частей: "Достоверные и предпологаемые имена людей в Ригведе-самхите" (с. 7–105) и "Приложение: имена поэтов ригведийских гимнов, названные в оглавлении (апиктапā, с. 106–150)"; а также небольшого "Обобщения" (Auswertung, с. 151–157). К тексту приложены указатели: "Список сокращений" (с. 158–161) и "Перечень имен и слов" (с. 158–162).

Во "Введении" автор говорит, что в его работе над этимологическим словарем санскрита ему часто приходилось иметь дело с размытостью границ между именами собственными и именами нарицательными. Разные интерпретаторы РВ воспринимали их неодинаково, и это вызвало необходимость пересмотра всего материала. Объектом данного исследования стали собственные имена людей, а имена богов как *indra-*, *mitrā-*, *rudrā-* и проч. не изучались. В то же время имена демонов в список включены, поскольку – говорит Майрхофер – нередко они относятся к вождям враждебных племен. Подобный выбор материала может вызвать возражения. Боги не являются "Personen", а демоны ими являются. Имена богов входят в состав целого ряда имен людей, но остаются без рассмотрения, например: *indra-senā-* (букв. "войско Индры") по-п. рг. жены Мудгалы в X, 102, 2; *mitrāitihi-* (букв. "имеющий гостем Митру") – по-п. рг. царя в X, 33, 7; *sómaka-* – (производное от *sóma-* – по-п. рг. обожествляемого напитка бессмертия) по-п. рг. царского сына и др.

Имена демонов включены в список, к сожалению, весьма непоследовательно. В "Ригведе" только для небольшой их части можно предположить обозначение реальных врагов ариев. Нередко семантическая мотивировка имени демона видна из глагольного корня, от которого образовано это имя. Таковы, например, из рассматриваемых в книге имен *áśna-* – букв. "голодный" (*aś-* – "пожирать"), *śúṣṇa-* "фыркающий", "шипящий" (*śvas-* – "фыркать"), *valā-* – по-п. рг. демона, персонализирующего пещеру, где были заключены коровы, освобожденные Индрой (*var-* – "охватывать", "заключать") и др. А вот имени демона-дракона *ṽtrā-* (букв. "препятствие", корень *var-*), запрудившего реки и убитого Индрой, нет, как нет названия демонов, осверклявших по ночам места жертвоприношений – *rākṣas-* и многих других. Все это делает границы рассматриваемого материала довольно неопределенными.

Автор предлагает следовать принципу лексикографов – сомнительное принимать тоже во внимание. Поэтому учитываются и имена племен, что в отдельных случаях может привести к риску изучения названия местности.

Таким образом объем материала существенно возрастает, включая в себя определенную часть слов, не являющихся именами собственными людей.

Основная глава рецензируемой книги представляет собой словарь достоверных и предполагаемых имен людей, упомянутых в "Ригведе", данных в порядке алфавита деванагари под сплошной нумерацией. Нельзя здесь же не коснуться внемлингвистического вопроса о том, кто же были эти люди. Это были прежде всего поэты-риши, авторы гимнов, жрецы, цари, щедрые дарители и различные адепты арийских богов. Изредка среди них встречаются и женские имена (например, *urváṣī-*, по-п. рг. возлюбленной царя Пурураваса (X, 95), хотя она была не земной женщиной, а нимфой – апсарас, или *dānu-* по-п. рг. матери демона *ṽtrā-*, идентичное с именем нарицательным *dānu-* с неясным значением: "дар" или "влага").

Словарная статья в этой книге строится иначе, чем в этимологическом словаре санскрита. На первом месте дается пояснение, чье это имя; затем указывается его встречаемость в "Ригведе", при этом всегда отмечаются контексты, в которых данное имя не собственное, а нарицательное (если это имеет место), и упоминаются мифологические сюжеты, в которых носитель имени принимает участие. Если это возможно, раскрывается семантическая мотивировка имени и дается его этимология (обычно со ссылкой на словарь). Всегда приводится новейшая научная литература, где это имя рассматривается. В случае необходимости кратко обсуждаются спорные контексты "Ригведы" со ссылкой на разные их интерпретации. Дискутируется проблема заимствования имени из какого-либо языка субстрата.

На этом пункте следует остановиться несколько подробнее. За последние десятилетия было многое сделано для выявления слов неиндоарийского происхождения в языке "Ригведы" (прежде всего в работах Ф.Б.Я. Кэйпера [Kuiper 1991] и М. Витцеля [Witzel 1999]). Взгляды ученых на "чистоту" языка этого памятника сильно эволюционировали. Если когда-то считалось, что язык гимнов почти не содержит заимствований и очень близок к общеиндоевропейскому, то чем обстоятельнее изучали этот язык и чем больше совершенствовались методы лингвистического анализа, тем большее число заимствований в нем обнаруживалось из языков племен, населявших Индию до прихода ариев: дравидийских, австро-азиатских и языков других систем, часть которых исчезла. Майрхофер очень сдержанно относится к этому направлению индологических штудий. В списке собственных имен

людей в "Ригведе" он очень редко безоговорочно принимает их заимствованный характер. Обычно происхождение такого имени сопровождается в статье знаком вопроса или же предполагается влияние разговорного языка на фонетический облик этого имени, как в случае имени риши *kāṛva-* из **(s)kṛva-* "делающий", "творящий колдовство", хотя в конце статьи мелким шрифтом всегда бывает отсылка к литературе о заимствовании из субстрата.

Как уже говорилось, в словник включено немалое количество слов, которые, строго говоря, собственными именами не являются. Большую часть этих сомнительных случаев представляют собой эпитеты, которые одни интерпретаторы понимают как имена собственные, а другие как нарицательные, а объективных критериев для толкования контекста "Ригведы" нет. Насколько сложен бывает этот вопрос, можно проиллюстрировать на примере слова *sutaṃbhará-*, которое у Майрхофера стоит под знаком вопроса как имя риши (с. 100) в "Ригведе" V, 44, 13 в следующем контексте: "Сутамбхара – истинный повелитель жертвователя". Как имя собственное риши его понимают авторы наиболее авторитетных переводов: К. Гельднер на немецкий [Geldner 1951] и Л. Рену на французский [Renou 1959], следуя за объяснением средневекового комментатора Саяны. Наричательное значение этого слова: "уносящий выжатого (сому)", и только это значение дается в словаре Г. Грассмана к "Ригведе" [Grassmann 1955]. А в так называемом Петербургском словаре санскрита О. Бётлинга [Böhtlingk 1889] первым указывается нарицательное значение слова, а вторым – имя собственное одного из авторов гимнов (по оглавлению-анукрамани это гимны V, 11–14, при этом не исключено, что "имя автора" сконструировано в анукрамани из слов, извлеченных из текста гимнов: *sutaṃ bhar*, что является достаточно распространенной практикой).

В список собственных имен людей включены у Майрхофера патронимические и метронимические имена – производные слова, которые могут функционировать как прилагательные: "происходящий от такого-то" или как существительные мужского рода: "сын такого-то" типа *vaiśvasvatá-* "происходящий от Вивасвата (м. р.)", "сын Вивасвата"; *auśijá* "происходящий от Ушидж (ж. р.)", "сын Ушидж". Встречаются также имена, состоящие из двух слов как *dásyave vṛka-* – букв. "волк для дасью" (демон, враг, вражеское племя), которые, по выражению Рену, рассматриваются как "разложенные сложные слова" (т.е. вместо **dasyuvṛka-*) [Renou 1965].

Таков пестрый состав собственных имен людей в "Ригведе". В качестве приложения к этой основной части дается список имен авторов гимнов "Ригведы" по традиционному индийскому оглавлению-анукрамани [Aufrecht 1955]. Это оглавление, в котором указаны имена авторов гимнов, тема гимна и поэтический размер, в котором данный гимн выдержан, не раз становилось предметом изучения западных ученых (в том числе самого Майрхофера) [Mayrhofer 2002]. Отношение к этому оглавлению двойственное. С одной стороны, в нем содержится передаваемые по традиции сведения о принадлежности циклов гимнов "Ригведы" – мандал (всего их десять) определенным родам певцов – риши. Так, самая древняя часть "Ригведы": мандалы II–VII, называются "фамильными". С другой стороны, анукрамани изобилует немалым числом фантастических сведений и измышлений. Наличие этого списка авторов гимнов в книге Майрхофера вполне оправдано: часть имен авторов встречается в тексте гимнов и предстает здесь нередко в новом ракурсе – в сопровождении новых эпитетов, часть же имена собственными не является, а сфабрикована в качестве таковых автором оглавления.

Имена авторов гимнов даются у Майрхофера не в соответствии с последовательностью гимнов в тексте самхиты, как в анукрамани, а в порядке алфавита деванагари. Очень часто они состоят из двух слов: собственно имя предполагаемого автора гимна и патронимическое определение к нему: *aṣṭaka- vaiśvāmītra-* "Аштатака, происходящий из рода Вишвамитры", *cyavana- bhārgava-* "Чьявана, происходящий из рода Бхригу". В список включены также прозвища и эпитеты имен авторов.

Следуя анукрамани, автор приводит все встречающиеся там имена, даже когда автором гимна или каких-то его стихов считается божество: *agni-, indra-, prajāpati-, maruṭaḥ* (мн. ч. Маруты, божества бури), *soma-*. С соответствующими примечаниями учтены и те имена, когда анукрамани считает автором гимна его тему. Так, согласно индийской традиции, автором ряда стихов гимна III, 33, посвященного восхвалению рек, являются реки (*nadyah*); автором гимна X, 165 о голубе, приносящем беду, – голубь, сын гибели (*kapota- nairṛta-*), гимна X, 127, где прославляется звездная ночь – ночь из рода Бхарадваджи (*rātri- bhāradvāji-*), которому принадлежали гимны мандалы VI.

Известна тенденция анукрамани в качестве имени автора гимна извлекать из его текста ключевое слово. Например, автором гимна X, 173 на помазание царя, где ключевым словом является "твердый" *dhruvá-* ("Да будет твердо твое господство"), назван Дхрува из рода Ан-

гирасов (*Dhruva- Āṅgīrasa-*). Подобные случаи всегда у Майрхофера отмечены.

Книга завершается очень кратким "Обобщением", где дана статистическая классификация всего корпуса приведенных имен. Они расположены по шкале на основании степени достоверности и правомерности их трактовки как имен собственных людей и некоторых других критериев (с указанием номеров статей). Выделяется группа слов, которых не следует считать именами собственными; группы слов, относимых к именам собственным с большей степенью вероятности; группа имен собственных людей, не вызывающих сомнений; группа имен собственных, употребляющихся также в качестве имен нарицательных; "имена от имен", т.е. патронимические и метронимические имена; имена, происходящие из разговорного языка; имена без индоарийской этимологии и скорее всего заимствованные из языков субстрата; имена индоиранского происхождения и др. Автор дает статистику и избегает теоретических рассуждений, рассматривая свою работу как материал для дальнейших исследований в области древнеиндийской ономастики и этимологии.

Подводя итог, следует сказать, что как бы ни были расплывчаты границы приведенного Майрхофером материала собственных имен в "Ригведе", публикация этой книги в высшей степени своевременна и ценна: она дает возможность проводить в дальнейшем теоретические и практические исследования в широком круге областей: языкознания, истории, культурной антропологии, этнографии и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Aufrecht 1955 – *Th. Aufrecht*. Die Hymnen des Rigveda. T. 2. Aufl. 3. Berlin, 1955.

D.Q. Adams. A dictionary of Tocharian B. Amsterdam; Atlanta, 1999. 830 p.

Последние годы ушедшего века оказались счастливыми для тохаристики, ознаменовавшись по меньшей мере двумя выдающимися событиями: публикацией найденной в 1974 году тохарской А рукописи буддийского сочинения "Maitreyasamiti-Nāṭaka" [Ji, Winter, Pinault 1998] и выходом "Словаря тохарского В языка" известного американского тохариста Дугласа К. Адамса (далее в тексте указываются страницы этого издания).

Непосредственными предшественниками "Словаря..." могут считаться тох. В глоссарий в книге [Thomas 1964] и этимологический словарь тохарских языков А.Й. ван Виндекенса

Böhltlingk 1889 – *O. Böhltlingk*. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Bd. 7. St. Petersburg, 1889.

Geldner 1951 – *K. Geldner*. Der Rig-veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt und mit einem laufenden Kommentar versehen. T. 2. Cambridge (Mass.), 1951.

Gonda 1970 – *J. Gonda*. Notes on the names and the name of god in ancient India. Amsterdam; London, 1970.

Grassmann 1955 – *H. Grassmann*. Wörterbuch zum Rig-Veda. Aufl. 3. Wiesbaden, 1955.

Kuiper 1991 – *F.B.J. Kuiper*. Aryans in the Rigveda. Amsterdam; Atlanta, 1991.

Mayrhofer 1956–1978 – *M. Mayrhofer*. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I–IV. Heidelberg, 1956–1978.

Mayrhofer 1977 – *M. Mayrhofer*. Zum Namengut des Avesta. Wien, 1977.

Mayrhofer 1979 – *M. Mayrhofer*. Die altiranischen Namen. Wien, 1979.

Mayrhofer 1986–2001 – *M. Mayrhofer*. Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I–III. Heidelberg, 1986–2001.

Mayrhofer 2002 – *M. Mayrhofer*. Zu den Namen der Dichter rigvedischer Hymnen in der Anukramāṇī // Historische Sprachforschung. Bd. 115. 2002.

Malalasekera 1960 – *G.P. Malalasekera*. Dictionary of Pāli proper names. V. 1–2. London, 1960.

Renou 1959 – *L. Renou*. Études védiques et pāṇinéennes. T. V. Paris, 1959.

Renou 1965 – *L. Renou*. Études védiques et pāṇinéennes. T. XIV. Paris, 1965.

Witzel 1999 – *M. Witzel*. Aryan and non-Aryan names in Vedic India // Aryan and non-Aryan in South Asia / Ed. by J. Bronkhorst, M.M. Deshpande. Cambridge (Mass.), 1999.

Т.Я. Елизаренкова

[Van Windekens 1976]. Однако первый из них не содержит этимологий, а второй не дает практически никакой грамматической информации; кроме того, издание, подготовленное Д.К. Адамсом, значительно полнее.

"Словарь..." составлен почти целиком на основе уже опубликованных текстов; таким образом, он не содержит большого количества абсолютно новой информации, зато оказывается в высшей степени полезным с точки зрения компактного и четкого представления, выверки и систематизации громадного материала по тох. В языке, накопленного за столетия его изучения.

Д.К. Адамс работал над словарем много лет, стремясь сделать его в равной мере доступным и информативным для лексикологов, морфологов, текстологов, компаративистов, буддологов и вообще всех, кто интересуется тохарскими языками. Показательно, что каждая статья "Словаря..." в общем случае состоит из 9 зон: (1) the lemma; (2) designation of word class; (3) gloss; (4) morphological information; (5) textual examples and text references; (6) run-on entries; (7) special notes; (8) etymological notes; (9) cross-references (с. ii). Оставшиеся подробнее на некоторых из них.

Зона "gloss". Как известно, значение многих, в том числе довольно употребительных тохарских слов устанавливается ненадежно или вовсе остается неясным. Д.К. Адамс ни в коей мере не затушевывает это обстоятельство. Напротив, широко используя знаки "?", "??", "±", он словно призывает читателя относиться к его решениям в этой области (в большинстве случаев, как кажется, вполне обоснованным) с необходимой долей осторожности. С данной зоной тесно связаны приведенные в конце книги англо-тохарский указатель и список слов с неизвестным значением. Первый, в частности, позволяет быстро выявить ряды предполагаемых синонимов и квазисинонимов, второй же служит несомненным стимулом к дальнейшей лексикографической работе над тох. В текстами.

Зона "morphological information" содержит сведения о том, какие формы данного слова засвидетельствованы в текстах. Следует отметить, что у склоняемых имен для всех трех чисел — ед., дв. и мн. — приводятся только формы так называемых "первичных" падежей — номинатива, аккузатива, генитива и вокатива, — тогда как формы шести "вторичных" (образуемых от формы аккузатива) падежей не приводятся. Это решение, явно продиктованное стремлением к экономии места, несколько обедняет ценность рассматриваемой зоны, поскольку (морфо)фонологические преобразования, происходящие при присоединении окончаний некоторых "вторичных" падежей, далеки от тривиальных и, строго говоря, нигде полностью не описаны. Однако еще большее сожаление вызывает отсутствие в "Словаре..." трех указателей, которые включали бы в себя соответственно формы дв. ч., формы вокатива и формы каузалиса ("вторичного" падежа, выражающего значение причины). Все эти три группы форм встречаются в тох. В достаточно редко, точные правила их образования и/или употребления неясны. Наличие таких указателей сделало бы книгу поистине бесценным источником по тох. В морфологии. И если списки форм дв. ч. и вокати-

вов теперь все же могут быть составлены путем сплошного просмотра словаря (тем более, что Д.К. Адамс скрупулезно приводит форму вокатива не только в том случае, когда она имеет особое окончание, но и в том случае, когда она совпадает с номинативом), то данные о каузалисе по-прежнему остаются недоступными.

Следующая зона, "textual examples and text references", в целом выглядит достаточно информативной. Совершенно правильным и необходимым представляется принятое автором решение указывать аналогии из буддийского гибридного санскрита (переводы с которого и составляют большую часть дошедших до нас тохарских текстов) для всех тох. В слов, для которых они известны. Однако картину портит множество опечаток и очень низкое качество цитирования текстовых фрагментов. Скобки, используемые при публикации текстов, произвольно снимаются, переставляются, круглые скобки (восполнение утраченных букв) заменяются квадратными (ненадежное чтение), не выдерживается размер лакун и т.д. Кроме того, одни и те же фрагменты, приводимые в качестве иллюстраций в нескольких словарных статьях, сплошь и рядом не только выглядят, но и переводятся существенно по-разному. В этом — к счастью, кажется, единственном — отношении пользоваться "Словарем..." как достоверным источником вообще нельзя.

Зона "special notes", явно рассматривавшаяся автором как чисто вспомогательная, представляется нам едва ли не главной удачей "Словаря...". Здравый смысл и разумно критическое отношение к работам предшественников позволили Д.К. Адамсу сделать ряд весьма ценных наблюдений и уточнений, относящихся, что особенно существенно, не только к тохарскому В, но и к тохарскому А языку. Вот несколько наиболее ярких примеров:

kaṣake (с. 148): встретившееся в одном из караванных пропусков (LP1 a2-3) сочетание *kaṣake Puttamitre* обычно рассматривается просто как имя собственное, но, как указывает Д.К. Адамс, "it would make *Kaṣake Puttamitre* the only double name in these records". Предлагаемый Адамсом перевод "кашгарец" кажется весьма правдоподобным;

$k_u^{\wedge} sār$ (с. 186): Д.К. Адамс удачно сопоставляет этот НЛ с тох. А $k_u^{\wedge} sār^{*1}$, также засвиде-

¹ Знак * после тохарского слова означает, что исходная словоформа соответствующей лексемы не сохранилась и восстанавливается на основе других форм парадигмы (в данном случае — на основе формы локатива).

тельствованием только один раз (A 378 a2) в форме Loc Sg *kusram*. Отметим, что сохранившиеся контексты как будто позволяют предположить для данной лексемы значение "± копна (волос)";

twāñk- (с. 322–323): ранее глагол АВ *twāñk-* обычно переводился как "einzwängen". На основании блестящего анализа контекстов, в первую очередь в тох. А, Д.К. Адамс показал, что этот перевод ошибочен, а действительное значение глагола *twāñk-* – "надевать/носить (одежду)";

mäl- (с. 456–457): вопреки предшествующей лексикографической традиции, выделяющей только один глагол АВ *mäl-* со значением "± быть сдавленным, стесненным", Д.К. Адамс усматривает здесь три лексические единицы, различающиеся как семантически, так и формально: АВ *mäl-* "давить, подавлять", А *mäl-* "± быть переполненным" и В *mäl-* "± спорить";

yäl (с. 485): род тох. В *yäl* "антилопа" известен только в Pl (женский), род тох. А *yäl* тж. – только в Sg (мужской). Как совершенно справедливо замечает Д.К. Адамс, данное слово (название животного!) следует отнести не к переменному, как указано в [Krause, Thomas 1960: 131], а к общему роду;

yāmutsi (с. 493): Э. Швентнер [Schwentner 1958] предложил для тох. В *yāmutsi* (= скр. *hamsa*), А *yāmutsi** значение "фламинго". Д.К. Адамс считает такой перевод неоправданным, поскольку для скр. *hamsa* "гусь, лебедь; водоплавающая птица" значение "фламинго" (если оно вообще представлено) маргинально;

rātk- (с. 531): глаголы АВ *rātk-* (причастие прошедшего времени А *rarātku*) и А *ritk-* (причастие прошедшего времени А *rarityku*) ранее рассматривались как свободные варианты со значением "рождаться, возникать". Внимательный анализ текстовых примеров и в этом случае позволяет Д.К. Адамсу внести важные уточнения: глагол *rātk-* в действительности означает "излечивать" и "is not to be directly equated with А *ritk-* 'cause to arise, raise'";

lāt- (с. 551–553): спряжение глагола *lāt-* "выходить" составляет одну из наиболее сложных проблем тохарской морфологии. Тох. В форма 2 Sg Pt этого глагола ранее обычно приводилась в виде *lāt*, ср. [Krause, Thomas 1960: 254], однако Д.К. Адамс установил, что в двух бесспорных случаях соответствующая форма выглядит как *lac* (т.е. так же, как форма 3 Sg Pt) и только в одном – как *lat*. Поскольку в этом примере (384 a4) за глаголом следует местоимение *twe* "ты", Д.К. Адамс предположил, что конечное *t* является здесь результатом ассимиляции. Как кажется, мы

можем привести по крайней мере один аргумент в пользу этой красивой гипотезы: речь идет о композите *ywārt-tās* "начальник центральной области" (с. 520), где *ywārt* < *ywārc* "полу-; посреди".

О зоне "etymological notes" говорить сложно. Индоевропейская этимология уже многие десятилетия находится в глубоком тупике. Этот тупик порожден, с одной стороны, тем прекрасно понятным большинству исследователей фактом, что "все бесспорные этимологии уже найдены", а с другой – отсутствием необходимой строгости в оценке и фонологической, и морфологической, и особенно семантической адекватности предлагаемых сближений и тягой к подмене цельнолексемных реконструкций так называемой "корневой этимологизацией" (яркой иллюстрацией такого положения дел служит словарь Ю. Pokorny [Pokorny 1959]). Таким образом, практически для любого слова, не имеющего самоочевидных параллелей в других языках, оказывается возможным приискать две-три внешне приемлемых, но совершенно недоказуемых этимологии.

Применительно к тохарским языкам пространство этимологических возможностей значительно расширяется благодаря особенностям фонетики (оглушение звонких шумных согласных, совпадение в большинстве позиций трех рядов индоевропейских веларных, сложная и не во всех деталях проясненная перестройка вокализма и др.), неразработанности диахронической морфологии, уже упоминавшейся ненадежности значений многих слов. Кроме того, в случае с глагольной лексикой приходится считать еще и с тем поразительным фактом, что – при почти полном отсутствии отыменных глаголов – до сих пор не обнаружено ни одного (!) тохарского глагола, достоверно заимствованного из какого бы то ни было языка.

Такое положение дел не может не породить обратную реакцию: ср. список наиболее надежных этимологий тохарских слов индоевропейского происхождения, составленный, быть может, даже с чрезмерной осторожностью и насчитывающий всего около 250 единиц, в работе [Бурлак 2000: 235–263].

Д.К. Адамс не во всех случаях избежал соблазна постулировать не подчиняющиеся никаким правилам аблаутные чередования, лишённые сколько-нибудь определенного значения "расширители корня", уникальные префиксальные показатели. Тем не менее явно фантастических сопоставлений в "Словаре..." совсем немного, а наличие в нем десятков и сотен слов с пометами "etymology unknown", "etymology dubious", "etymology

unselten" и т.п. (пусть даже, по нашему мнению, их вполне могло бы быть и раза в полтора больше) – огромный шаг вперед по сравнению со словарем А.И. ван Виндекенса, автор которого, похоже, искренне полагал, что в тохарских языках осталось от силы 6–7 лексем, требующих дальнейших этимологических разысканий.

Сложную проблему составляет оценка довольно внушительного корпуса предполагаемых иранизмов в тохарском, приводимых в работах Х.У. Бейли, А.И. ван Виндекенса и других исследователей. Некоторые из этих этимологий вполне убедительны; однако в большинстве случаев гипотетический иранский источник либо вообще не засвидетельствован, либо изолирован внутри самих иранских языков, либо чересчур далеко отстоит от тохарской лексики по значению. Д.К. Адамс занимает по отношению к этой группе этимологий достаточно осторожную позицию, справедливо, на наш взгляд, возражая против иранского происхождения таких слов, как *amākspānte** "± возница" (с. 19), *aršāklo* (A *ārṣai*) "змея" (с. 24), *ām** "молчание; тихо" (с. 44), *karās* (A *kārās*) "лес" (с. 142), *peī* "± лезть" (с. 395), *retke* (A *raiäk*) "войско" (с. 539–540) и нек. др.

В силу каких-то причин Д.К. Адамс не решился нарушить давнюю традицию практически полного отказа от этимологизации двух групп тохарской лексики: собственных имен и так называемых "стихотворных размеров" ("meters") – специальных заголовков в форме локатива, вводящих стихотворные вставки в прозаический текст. Конечно, в обеих этих группах заметное большинство составляют санскритизмы, но, безусловно, присутствуют и далеко не всегда очевидные заимствования из других языков, и слова собственно тохарского происхождения. Впрочем, в этом случае дальнейшая работа в данной области существенно облегчается наличием подробных указателей.

Словник "Словаря..." в целом достаточно полон; правда, остается неясным, почему из санскритско-тохарской билингвы, опубликованной в 1958 г. В.С. Воробьевым-Десятовским [Воробьев-Десятовский 1958: 304–308], в "Словарь..." вошла лишь знаменитая формула *k₂ saññe iścake*, представляющая собой перевод санскритского *tokharika* "тохарец (?)". Этот интереснейший текст содержит целый ряд совершенно непонятных, но тем не менее несомненно тохарских В слов – *yanäst*, *truskāññāñā*, *kwärkwāñña* (?), *waseṣṣe*, *nalkwe*, *saṣaññe* и др.; для некоторых из них даже известны санскритские эквиваленты.

Отметим еще две случайные лакуны:

sanghālambari (361 a4; < скр. *saṅghālambarā*) "сангхаламба (дар буддийской общины)"; *sumāṃskaine* (346 a3) название "стихотворного размера" 4 × 14 слогов. Данная форма весьма интересна в словообразовательном отношении: она представляет собой диминутив от *sumām* "жасмин" (< скр. *sumanā*).

Огромный по объему (более 20 страниц!) список литературы служит лишним доказательством титанической работы, проделанной автором "Словаря...". Разумеется, не составляет труда назвать некоторое количество статей и даже книг, в этот список не вошедших, однако ясно, что полный учет всех работ, содержащих сведения по тохарской текстологии, грамматике и этимологии – задача, принципиально невыполнимая. Тем не менее, отсутствие в списке одного-единственного названия вызывает грустное удивление и недоумение. Речь идет о "Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A" П. Поухи [Poucha 1955]. Пренебрежительное отношение к этой изданной кустарным способом и содержащей немислимое количество опечаток книге давно стало среди тохаристов своего рода модой; между тем нельзя не согласиться с Ж.Ж. Пино, отметившим, что она "continue à rendre de grands services, en l'absence de tout autre instrument de travail" [Pinault 1999: 192]. И действительно, обращение к "Тезаурусу...", несомненно, позволило бы Д.К. Адамсу избежать многих неточностей (см., в частности, ниже).

Кроме того, в составе списка – например, при перечислении работ замечательного исландского тохариста Йорундура Хилмарссона – обнаруживается некоторая путаница.

Прочие технические погрешности в "Словаре..." отчасти объясняются его большим объемом: разные словарные статьи готовились в разное время, и автор не везде привел первоначальную интерпретацию в соответствие с более новой.

Разумеется, многие статьи "Словаря..." допускают разного рода исправления и дополнения. Ниже приводятся некоторые из них (ср. также [Burlak, Itkin 2000]):

anāntapa "?" (с. 11): тох. А соответствие этого НЛ – *ānāntāpā* – обнаруживается в рукописи Maitreyasamiti-Nāṭaka. К сожалению, фрагментарность тох. В контекста не позволяет верифицировать предложенный для тох. А слова перевод "of endless misery" [Ji, Winter, Pinault 1998: 41–42]. Однако тох. В параллель, по-видимому, исключает интерпретацию тох. А формы как существительного в перлативе [Там же]; скорее рассматриваемое слово представляет собой наречие;

aretsa "?" (с. 22): судя по сохранившемуся контексту (*k[e]naṣṣe aretsa* /// (526 b2) "земельный..."), как-то связано с *āre* "плуг (?)", хотя детали остаются неясными;

īse "?" (с. 67): вариант восклицательного междометия *yse* "о!". Фрагмент, в котором встретилась форма *īse* (в "Словаре..." он процитирован неточно), вполне ясен: *ceṃ* [s]auṣāṃ i[s]e nai sā(suwa) /// (566 b4) "их зовет (он): «о, сыновья!»". Отметим сочетание *īse* с усилительной частицей *nai* – такое же, как в приведенном Д.К. Адамсом примере (с. 521): *yse lareṇ nai* (231 b2/3) "о, дороге!". То же междометие в виде *īse*, *yse* отмечено и в тох. А [Poucha 1955: 34, 252];

keṃ "земля" (с. 192): в перечне форм отсутствует G Sg *kenantse* (331 a1);

garurūñaiṣṣe "?" (с. 245): несомненно, производно от *garur**, заимствованного из скр. *garuḍa* "Гаруда (имя царя птиц)". Отражение скр. *ḍ* в виде тох. *ḡ* хорошо известно, ср. *kuruḥci* "растение *Tinospora cordifolia*" < скр. *gudūci* и т.д. Существование тох. В *garur**, соответствующего тох. А *karuṣe**, отмечено уже в [Poucha 1955: 53];

grakṣe "?" (с. 247): хотя контекст, в котором встретилось это прилагательное, не вполне ясен, привлекательной выглядит гипотеза о том, что оно производно от слова "планета" (< скр. *graha*; в тох. В представлено только в форме Loc Pl *gra[ha]nman(e)*). Необычное чередование *k* (в конечнослоговой позиции) ~ *h* (перед гласным) находит точный аналог в тох. А, ср. N-Acc Sg *grak*, Instr Sg *grakyo* – N-Acc Pl *grahāntu* [Poucha 1955: 100]. Таким образом, в тох. В для существительного "планета" также следует предполагать N Sg *grak**;

tapani "?" (с. 279): возможно, заимствовано из скр. *tapani* "пыл; зной". Сохранившийся скудный контекст – || *tapani ysa* /// (563 a2) – поддерживает эту гипотезу: вероятно, следует читать *tapani ysa(rane)* "жар в крови";

Tarmawirṇe (с. 282): вопреки указанию Д.К. Адамса, представляет собой не личное имя (скр. *Dharmavira*), а образованное от него притяжательное прилагательное. Соответствующий фрагмент – *tarmawirṇe iskil parra iyaṃ* (LP–15 a2/3) – должен интерпретироваться как "iskil Дхармавиры пройдет"; таким образом, для HL *iskil* можно предполагать значение типа "помощник, представитель";

pantuk "?" (с. 356), *wrāk* "?" (с. 615): Д.К. Адамс вслед за В. Томасом [Thomas 1979: 57] предлагает для трудной последовательности *pantukwrākār* (H–149.69 b4) членение *pantuk wrākār*, рассматривая *wrākār* как форму 3 Pl Pt A от неизвестного глагола *wrāk-*. На наш взгляд, более правдоподобным выглядит чле-

нение *pantu kwrākār*, предполагающее выделение лексемы *kwrākār*. Наличие двух *ā*, практически невозможное в собственно тохарской глагольной форме, при такой трактовке легко объясняется вокализмом источника – скр. *kūṭāgāra* "комната под крышей" (приводимое Д.К. Адамсом *kūṭagāra* – ошибка или опечатка). Ранее тох. В слово было известно только в виде обрывка *kwra* /// (572 a2), причем предположенная в [Sieg, Siegling 1953: 358. сн. 9] и принятая в "Словаре..." (с. 239) рести-туция *kwra(kar)* сомнительна; ср. более логичное *kwrakār* в [Thomas 1964: 191]. Значение HL *pantu* остается неизвестным (< скр. *bandhu* "родственник, товарищ"??);

piṣṭik* ("женская) грудь" или "сосок" (?) (с. 389): вместо *piṣṭikne(sa)* следует читать *piṣ-yikne(sa)* "пятью способами"; таким образом, лексемы *piṣṭik** не существует (данное недоразумение уже отмечалось в тохаристической литературе), рассматриваемая статья должна быть снята;

peṣnettannm "?" (с. 400): разумеется, данная форма может быть только результатом неверного чтения. Не имея возможности ознакомиться с фотографией соответствующего фрагмента (P–3 a5), рискнем предложить чтение *peṣtentants* – G Pl от *peṣte* – прилагательного от неясного *peṣte* (Адамс: "± червь" (?));

mudgulyāyani "?" (там же): очевидно, представляет собой записанный с ошибками в передаче гласных G Sg от *maudgalyāyane* "Маудгальяяна" (имя одного из учеников Будды);

yāknaikne "?" (в статье *yakne* "способ", с. 481): композит, построенный по распространенной модели парных наречий с распределительным или усилительным значением и с точностью до исходной падежной формы соответствующий тох. А *wkāṃ-wākṇā* "разными способами". Написание *yāknaikne*, передающее морфологическое *[yākné-yāknel]*, аналогично таким примерам, как *pelaikne* [*pelé-yāknel*] "дхарма (религиозный закон)" (*pele* "закон" + *yakne* "способ"), *itaite* [*ité-ite*] "?? полный-полный" (*ite* ~ *ite* "полный"; данная лексема досадным образом отсутствует в статье *ite*, но приводится на с. 306);

yirpo(-)e "?" (с. 502): тождественно *yirpo* "доброе деяние, заслуга", о чем свидетельствует и контекст: *saṅghālambaṃ yirpo [e]* /// (361 a4) "сангхаламба (именуемое) доброе деяние...". Колебание *ī/ā* ~ *i* после у представлено в тох. В чрезвычайно широко, ср. *yākṣiye* ~ *yikṣye* "мукá", *yārṣalṇe* ~ *yirṣalṇe* "почтение", *yārp-* "надзирать" – *yirṣuki* "± смотритель" и др.;

walāneṃ "?" (с. 581): эту форму, встретившуюся во фрагменте *piñña saukem walāneṃ* (429 a5) "он натянул ... ..", следует интерпре-

тировать как Acc Pl существительного *walāne**, точно соответствующего тох A *walām**. Этот HL тоже представлен в форме Acc Pl в сочетании с глаголом *pan-* (= V *pān-*) "натягивать", ср. *piḥ wraśaṅ* ; *panwar walānās santsam orpansam wotār ārkyaṃ wātsyās śāwam cankār swāñcem* (A 63 a4) "все люди натягивали... на улицах и помостах ставили белые зонтики большие, не пропускали луч" (приведенное объяснение принадлежит С.А. Бурлак). Тох. А контекст позволяет с достаточной уверенностью предполагать для рассматриваемого слова значение "± тент". Если это действительно так, пратох. **walāne* должно быть связано с АВ *wāl-* "покрывать, заслонять";

wrente(-) "?" (с. 616): как указала нам С.А. Бурлак, скорее всего тождественно *wrenta* N-Acc Pl от *ore* "грязь": как во фрагменте *kārpa nāṣṣa lyyāsa wrenta po laikāte* (107 b4) "he descended, bathed, washed away the dust and cleaned himself up completely" (с. 121), так и во фрагменте *po kektseñā sanapatsi wrenta* /// (W-14 a2) "все тело смазать (и) *wrente*..." речь идет о "гигиенических процедурах". Форма *wrente* вместо *wrenta* – описка (повторение *e* предшествующего слога) или опибка чтения;

śuktyā "?" (с. 633): заимствование из скр. *śukla* "белый, светлый". Данная этимология совершенно очевидна и, по-видимому, была ясна и автору "Словаря...", ср. перевод части строки 580 b4 в статье *krorīya** "рог": *tarnene krorīyai śu[k](ly)[ā]* /// "the bright horn on the top of the head" (с. 218). Тем не менее слово *śuktyā* по какой-то причине осталось в "Словаре..." неразъясненным;

śkwaśko "барбарис" (с. 638) встретилось также в форме *śkwīsko* (500. 6) [Sieg. Siegling 1953: 311, сн. 12];

sarmwāstse* "?" (с. 677): при всей сложности интерпретации соответствующего фрагмента (462 a5), несомненной представляется связь этого прилагательного с АВ *sārm* "семя". Поскольку для тох. В дериваты с суффиксом *-wāstse* как будто нехарактерны, не исключено, что перед нами – один из редчайших примеров заимствования из тох. А, где отмечены такие производные, как *tampewāts* "могучий", *tārśomwāts** "ложный", *pañitswāts* "великолепный" и др. Точное значение прилагательного *sarmwāstse** неясно.

В завершение еще раз отметим, что "Словарь тохарского В языка" Д.К. Адамса значительно превосходит все предшествующие лексикографические работы по обоим тохарским языкам и, можно думать, еще очень и очень долго будет оказывать неоценимую помощь исследователям.

дв. ч. – двойственное число

скр. – санскритский

тох. – тохарский

A – активный залог

Acc – аккузатив

G – генитив

HL – *haxap legomenon*

Instr – инструменталис

Loc – локатив

N – номинатив

N-Acc – номинатив-аккузатив

Pl – множественное число

Pt – претерит

Sg – единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурлак 2000 – С.А. Бурлак. Историческая фонетика тохарских языков. М., 2000.
- Воробьев-Десятовский 1958 – В.С. Воробьев-Десятовский. Памятники центральноазиатской письменности // Уч. зап. Института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1958. Т. 16.
- Burlak, Itkin 2000 – S. Burlak, I. Itkin. *ṡmānca-kaum et autres addenda et corrigenda* // Tocharian and Indo-European studies. V. 9. Copenhagen, 2000.
- Ji, Winter, Pinault 1998 – Ji Xianlin (in collaboration with W. Winter and G.-J. Pinault). Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nātaka of the Xingjiang Museum, China [Transliterated, translated and annotated by...] (Trends in linguistics. Studies and monographs. V. 113). Berlin; New York, 1998.
- Krause, Thomas 1960 – W. Krause, W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1960.
- Pinault 1999 – G.-J. Pinault. Restitution du Maitreyasamiti-Nātaka en tokharien A: Bilan provisoire et recherches complémentaires sur l'acte XXVI // Tocharian and Indo-European studies. V. 8. Copenhagen, 1999.
- Pokorny 1959 – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.
- Poucha 1955 – P. Poucha. Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A. Praha, 1955.
- Schwentner 1958 – E. Schwentner. Toch. A *yamutsi*, B *yamuttsi* 'Flamingo' // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd. 75.
- Sieg, Siegling 1953 – E. Sieg, W. Siegling. Tocharische Sprachreste. Sprache B. Hft. 2, Fragmente № 71–633. Göttingen, 1953.
- Thomas 1964 – W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch. Bd. 2. Heidelberg, 1964.

Thomas 1979 – *W. Thomas. Formale Besonderheiten in metrischen Texten des Tocharischen zur Verteilung von B tane / tne "hier" und ñake / ñke "jetzt" // Mainz, Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der geistes- und social wissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1979. № 15. Wiesbaden, 1979.*

Van Windekens 1976 – *A.J. van Windekens. Le Tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. V. 1. La phonétique et le vocabulaire. Louvain, 1976.*

И.Б. Иткин

В. Успенский. Труды по нематематике. Тт. 1–2. М.: ОГИ, 2002, 1405 с.

Владимир Андреевич Успенский – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой математической логики и теории алгоритмов механико-математического факультета МГУ. В то же время его имя хорошо известно и лингвистам: ему принадлежит ряд работ по лингвистике, и, что самое важное, он стоял у истоков специального лингвистического образования в нашей стране.

За полвека научной деятельности В.А. Успенский опубликовал много книг и статей. И дело не в количестве, а в большом разнообразии их проблематики: математика и философия, лингвистика и культуроведение, русская история и недавнее прошлое, свидетелем которого он был. В связи с его 70-летним юбилеем, отмечающимся в 2000 г., возникла идея собрать вместе его публикации на разные темы, интересные для достаточно широкого читателя, прежде всего гуманитария. И хотя в издание не включены составляющие большую часть работ В.А. Успенского публикации по "чистой математике", в итоге получились 1405 страниц, разбитые по техническим причинам пришлось разбить на два тома. Хотя почти все тексты, включенные в книгу, ранее публиковались, но, собранные вместе, они смотрятся совсем по-иному. Некоторые из них снабжены дополнениями и комментариями автора, сделанными в 2001 г.

Книга делится на шесть частей (три первые части составляют первый том, три остальные – второй том, который по объему почти вдвое больше первого). Эти части озаглавлены "Философия", "Избранные предисловия", "Языкознание", "Филология", "Воспоминания и наблюдения", "Памяти учителей и коллег"; в качестве приложения печатаются тексты академика А.Н. Колмогорова, адресованные В.А. Успенскому.

Две первые части книги в наибольшей степени связаны с основной специализацией ученого. Среди его работ по математике отобраны те, которые могут быть в наибольшей степени интересны читателю-неспециалисту; в большинстве они связаны с общими проблемами методологии науки и представляют интерес для ученых самого разного профиля.

Часть "Языкознание" является собранием статей В.А. Успенского по данной тематике за четыре с половиной десятилетия. Многие из этих статей получили широкую известность. Собранные вместе, они хорошо показывают историю отечественной науки о языке за данный период. В конце 50-х и начале 60-х годов – становление математических методов в лингвистике, попытки строго и формально определить основные лингвистические понятия. В 70-е годы – переход к более содержательным концепциям, разработка теории синтаксиса с учетом семантики. В 90-е годы – интерес к конкретным фактам, все большая связь лингвистики с культуроведением и литературоведением, рассмотрение фактов языка в общественном контексте. Последний этап также отражен в следующей части книги, озаглавленной "Филология", целиком состоящей из статей последних лет.

Особо следует отметить часть книги, названную "Воспоминания и наблюдения". Она неоднородна по тематике, но прежде всего хочется выделить две темы. Одна из них – сохранение памяти о замечательных людях, которых посчастливилось знать В.А. Успенскому. Среди них особо выделены выдающийся литературовед Ю.М. Лотман и математик А.Н. Колмогоров, которого автор по праву называет великим ученым. Андрей Николаевич Колмогоров – постоянный герой книги его ученика, а затем и младшего коллеги В.А. Успенского, о нем заходит речь в разных ее частях, обстоятельно рассказывается о его характере, привычках, научных и общественных принципах. Эта же проблематика продолжена в разделе "Памяти учителей и коллег", составленном из статей мемориального характера о людях, у которых учился или с которыми работал Владимир Андреевич. Здесь представлены математики: С.А. Яновская, П.С. Новиков, П.С. Александров и вновь А.Н. Колмогоров. Здесь же представлены и лингвисты: В.Ю. Розенцвейг, Л.В. Кнорина. Следует также отметить, что во всей книге постоянно рассказывается о тех или иных людях разных специальностей, покойных и здравствующих, с которыми

судьба сталкивала ее автора. Он всегда старается показать живых людей, с их особенностями, привычками, иногда чудачествами. В.А. Успенский подчеркнуто пристрастен в своих оценках, одних своих персонажей он любит, других недолюбливает и не скрывает этого. Со многим можно спорить, но всегда его характеристики интересны.

Вторая тема "Воспоминаний и наблюдений" – история создания и становления первого в нашей стране центра подготовки специалистов по лингвистике. Речь идет об основанном в 1960 г. отделении филологического факультета МГУ, в разные годы именовавшемся Отделением теоретической и прикладной лингвистики (ОТИПЛ), затем Отделением структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛ), наконец, вновь Отделением теоретической и прикладной лингвистики.

В книге ярко характеризуется "романтический" период советской науки о языке – вторая половина 50-х и первая половина 60-х гг. XX века. Тогда рухнули многие барьеры между нашей и зарубежной наукой, молодое поколение ученых энергично взялось за освоение новых методов. Эта деятельность не сводилась только к задаче "догнать" западную лингвистику; считали необходимым ее "перегнать". Казалось, что еще немного – и будет создана всеобъемлющая теория языка, позволяющая раскрыть его тайны. Одним из необходимых условий построения такой теории признавалась математизация лингвистики, создание строгих и формальных моделей языка. Сложилось содружество лингвистов и математиков. В.А. Успенский, у которого брат и ряд друзей профессионально занимались лингвистикой, оказался в центре этого содружества.

В числе стоявших на повестке дня задач оказалось создание центра подготовки специалистов по "новой лингвистике". Традиционное филологическое образование не могло помочь. Автор воспоминаний стал одним из основных инициаторов открытия такого учебно-научного центра. В книге подробно описывается нелегкая борьба за его открытие. В итоге на филологическом факультете МГУ было сформировано отделение, которое возглавил В.А. Звегинцев. Студентам преподавали не только лингвистические курсы, но и программирование, основы кибернетики и, в первую очередь, большое число математических курсов.

Первые годы отделения были достаточно трудными и из-за противодействия "традиционалистов", и по внутренним причинам. В те годы еще не считалось нужным копировать опыт "цивилизованных стран" (который,

впрочем, и мало знали). Создатели ОТИПЛ руководствовались смелой идеей создать учебно-научный центр, действительно не имевший аналогов в мире. Среди мер, предпринятых для привлечения на отделение способных людей, важное значение имели проводившиеся отделением с 1965 г. школьные олимпиады по языковедению и математике, как они первоначально назывались. Первая олимпиада по предложению председателя ее оргкомитета В.А. Успенского была названа "первой традиционной". И это было символично: энтузиасты создавали традиции, которые, как они считали, должны сохраниться на многие годы. И их надежды в целом оправдались.

Тем не менее, сложностей было немало. Нельзя было опереться на какой-либо опыт, каждый год что-то менялось, по существу шли эксперименты на людях, пусть неизбежные в новом деле. Автор рецензии, поступивший на ОСИПЛ через три года после организации отделения, многое про его первые годы узнал из книги впервые: в 1963 г. все было в большой степени не так, как в 1960 г. Эксперименты на людях сломали судьбы многих студентов. Но все-таки в итоге ОТИПЛ–ОСИПЛ–ОТИПЛ дал нашей науке о языке много ныне известных специалистов, имена которых перечисляет В.А. Успенский. Отделение, в отличие от других центров подобного типа, создававшихся в 60-е гг. в разных городах СССР, сумело сохраниться до сего дня, несмотря на многие трудности и испытания.

Многое становилось ясным со временем. Многие представления "романтического" периода оказались утопическими. В том числе это относилось и к идеям о всемогуществе математических методов в лингвистике. И здесь мы подходим к занимающему много места в книге одному из наиболее спорных ее разделов, посвященному разгоревшемуся в 1967–1968 гг. "конфликту двух Владимиров Андреевичей" – Успенского и Звегинцева. В ходе разработки новых учебных планов коллективом отделения и созданной к тому времени кафедры структурной и прикладной лингвистики были предложены две идеи. Одна из них предусматривала расширение на отделении лингвистических курсов, другая – сокращение в связи с этим математики – "венценосного" предмета, как его называл тогдашний заместитель декана факультета. В.А. Успенский, соглашаясь с первым, резко выступил против второго. Возглавлявший отделение и кафедру В.А. Звегинцев отстаивал уменьшение числа часов на математику. Разгорелся спор, очень подробно описанный в рецензируемой книге. В него, как обычно бывает в подобных слу-

чаях, вмешались самые различные силы вне кафедры и отделения. Автор воспоминаний ни в чем не отступает от своей тогдашней позиции и считает ее единственно правильной. Однако возможны и другие точки зрения. В целом программа стала более продуманной и систематичной, уровень лингвистической подготовки после 1967 г. возрос, а математика, как нам представляется (в том числе исходя из собственных воспоминаний тех лет), заняла подобающее ей место. Автор книги, тогда потерпевший поражение и временно отошедший от отделения, до сих пор, как видно из его повествования, болезненно переживает ту ситуацию. Поэтому он весьма критически оценивает действия своего оппонента В.А. Звегинцева и дает ему в целом негативную характеристику, с которой мы не можем согласиться. Для понимания подобной ситуации надо знать позиции обеих сторон. Но, к сожалению, другой Владимир Андреевич скончался, не оставив воспоминаний.

В целом же, на наш взгляд, В.А. Успенский совершенно прав, говоря на с. 1011–1013 о том, что мемуары нужно писать. Безусловно, мемуаристов постоянно подводят память и aberrации сознания, они неизбежно пристрастны, но дело историка – сличать источники и вырабатывать методiku корректировки. Невосполнимо только одно: когда человек ушел и унес с собой известную ему информацию. А в рецензируемом двухтомнике речь идет о событиях, казалось бы, совсем недавних, но уже ставших историей. Мы слишком часто беспечны и нелюбопытны и не храним память о том, что нас окружало. Уже поэтому нельзя не отметить то, что сделал и продолжает делать В.А. Успенский.

Но его книга за пределами ее собственно научной части далеко не сводится к мемуаристике. Весь ее второй том, а также некоторые статьи в первом томе (например, статьи о транслитерации, об устном и письменном языке) – множества всегда ярких по форме и зачастую очень интересных по содержанию рассуждений выдающегося эрудита на самые разные темы. Иногда такое рассуждение вырастает в целую статью, иногда оно имеет характер экскурса в статью, казалось бы, посвященной совсем иным сюжетам. Часто автор увлекается той или иной пришедшей по ассоциации мыслью и уходит очень далеко. Здесь, разумеется, есть нечто от известной формулы: "Что вижу – о том пою", набор сюжетов выглядит зачастую случайным, но полет мысли оправдан уже хотя бы тем, что читать В.А. Успенского всегда интересно. Он пишет и о причинах поведения Павла I, и о подаче информации в Большой советской энцикло-

педии, и о Третьяковском, и о Маяковском, и о жанре пародии, и об иероглифике в Китае и Японии, и о многом-многом другом. В короткой рецензии невозможно хоть сколько-нибудь подробно все это охарактеризовать.

Отмечу лишь три вещи. Во-первых, большей частью все эти экскурсы при их разнообразии имеют нечто общее: они так или иначе посвящены вопросам культуры. В наши дни такая направленность закономерна: гуманитарные науки преодолевают тенденцию к обособлению друг от друга, преобладавшую и у нас, и на Западе в течение большей части XX века и на более высоком уровне возвращаются к уже наблюдавшемуся столетие назад стремлению объединить разные науки вокруг общего стержня – человеческой культуры. История, литературоведение, этнология, лингвистика и другие науки ищут способов вступить между собой во взаимодействие не менее энергично, чем искали взаимопонимания полвека назад лингвистика и математика. К этому добавляется увеличивающийся интерес к конкретному факту (также на более высоком уровне происходит возврат к такому интересу, существовавшему в эпоху позитивизма, а затем временно сменившемуся стремлением к общим схемам и дедуктивным построениям). И В.А. Успенский, сам, может быть, того и не сознавая, отразил в своем разностороннем научном творчестве общие тенденции развития мировой науки за полвека.

Однако вступает в силу второе соображение: такая широта имеет и оборотную сторону. Иногда все-таки автор слишком явно увлекается рассуждениями на темы, далекие от своих профессиональных интересов. Например, может быть, ему лучше было бы не касаться проблемы принадлежности Курильских островов. Всего на одной странице (с. 500–501) В.А. Успенский пробегает по этой теме и заявляет о необходимости скорейшей передачи спорных островов Японии, не учитывая ни многочисленную литературу по данному вопросу, ни достаточно серьезные аргументы противоположной стороны.

Гораздо интереснее те случаи, когда автор обращается к вопросам, лежащим ближе к лингвистике, но выходящим за рамки его непосредственных научных изысканий. Здесь взгляд "со стороны" может увидеть нечто, что зачастую трудно заметить узкому специалисту. Разберем лишь по проблематике близкий автору рецензии фрагмент о иероглифике.

В.А. Успенский в целом весьма точно описывает систему китайской и японской письменности и выдвигает гипотезу, которую сам "не считает достаточно серьезной": "имеются данные..., что знаки syllabического письма

хранятся в левом полушарии мозга, а иероглиф — в правом. При переходе к фонетической орфографии предстоит переместить значительную часть графической информации (а именно, ту часть, которая представлена иероглифами) из правого полушария в левое. Гипотеза состоит в том, что японское самознание противится такому перемещению не только из понятного консерватизма, но и по следующим двум причинам. Во-первых, они не хотят выводить графику из правого полушария, которое управляет столь любимыми ими и столь совершенно осуществляемыми склонностями и занятиями — в частности, созерцанием... Во-вторых, они не хотят перегружать левое полушарие, и без того перегруженное логистикой современной жизни" (с. 550). Эта "несерьезная" гипотеза достаточно интересна, хотя вряд ли в цитате перечислены все причины устойчивости иероглифов: нельзя не учитывать, например, их роль в снятии омонимии. В то же время где-то автор вынужден доверяться своим источникам, не имея возможности самостоятельно их проверить. Поэтому он, например (с. 544–546), переоценивает для современного языка роль так называемых ключей, которые по большей части дают лишь приблизительное указание на семантику иероглифа, а то и вовсе утеряли с ней связь. Понятность китайского или японского текста в письменном, а не в устном виде определяется, в первую очередь, другими факторами: в Китае фонетика разных диалектов сильно расходится, а иероглифика едина для всей страны, в Японии же очень значительна омофония, свинмая в иероглифической записи.

И третье. При столь огромной эрудиции автора и большом объеме его изысканий невозможно совсем избежать фактических неточностей и необоснованных заключений (тем более что В.А. Успенский, постоянно пользующийся материалом энциклопедий и справочников, не может в некоторых случаях не обращаться к собственной обширной памяти, которая иногда подводит любого). Приведем лишь несколько примеров. Композитору А.П. Бородину, умершему в 1887 г., приписывается участие в создании квартета, сочиненного в 1899 г. (с. 497). Московская станция метро "Алексеевская" имела когда-то название "Мир", но не "Проспект мира", как сказано на с. 500. На с. 532 сказано: "Помнит ли читатель, что *Президент СССР* писалось с большой буквы, а *президент США* с малой?"; однако такое разграничение по-прежнему существует: и сейчас официальный титул — *Президент России*, а титул президента США по-прежнему пишут с малой буквы. Влади-

мир Ильич Ульянов действительно подписывался как Н. Ленин, но, вопреки сказанному на с. 761, не именовал себя Николаем Лениным. Королева Елизавета названа "супругой короля бельгийцев, покровительницей музыкальных конкурсов, чуть ли не другом Советского Союза" (с. 792) без указания на то, что все это произошло в разное время: покровительницей конкурсов и (действительно) другом СССР она была в годы, когда была уже даже не матерью, а бабушкой бельгийского короля. На с. 928 говорится о "Министерстве среднего машиностроения... при Сталине и Берии", хотя данное наименование появилось как раз в 1953 году. Молотов, Маленков и другие были исключены из партии не в 1957 г. (с. 1019), а в 1961 году. Присуждение А.А. Зализняку степени доктора наук за кандидатскую диссертацию в 1965 г. было необычным событием, но все-таки в филологических науках к тому времени не единственным, как это получается в книге. Например, в 1953 г. степень доктора за кандидатскую диссертацию была присуждена специалисту по японскому языку А.А. Пашковскому. Но для столь обширной книги такого рода неточности встречаются не так уж часто.

Можно высказать и некоторые другие мелкие замечания. Иногда автор предлагает тем или иным событиям свои объяснения, хотя нетрудно было бы установить реальную ситуацию (при этом для всего происшедшего в советский период нашей истории он склонен искать политические причины). Приведем лишь один пример: на с. 721 появление только в дополнительном томе второго издания БСЭ статей по бирманской и вьетнамской литературе произвольно объясняется "повышением государственного статуса соответствующих тем". Причина, однако, была гораздо проще: к 1950–1951 гг., когда писались статьи для первых томов издания, у нас просто не было никакой информации по соответствующим литературам, а ко времени написания дополнительного тома (1957 год) она появилась. Вызывает возражение эпитет "серебряный век" применительно к начальному периоду развития структурной и математической лингвистики в СССР: для многих носителей русского языка, включая автора рецензии, исконное значение этого эпитета не стерлось, и он противопоставлен "золотому веку", существовавшему до него. В данном же случае получается, что история данной области науки началась прямо с "серебряного века". Впрочем, в современном словоупотреблении это словосочетание уже во многом приобрело иную окраску, ни с каким "золотым веком" не связанную.

Но, безусловно, все эти неточности и спорные места – не главное в книге. Среди многих достоинств двухтомника трудов В.А. Успенского хочется отметить одно: книга в самом хорошем смысле диалогична. Автор на всем ее протяженном пространстве ведет мысленную беседу с читателем, спорит, доказывает, превосходит его вопросы и реакции. И чи-

татель не остается равнодушным: где-то он соглашается с автором, где-то с ним мысленно спорит, но всегда отдает должное объему его знаний и масштабу его личности. И это, прежде всего, хочется отметить.

В.М. Алпатов

М.А. Марусенко, Б.Л. Бессонов, Л.М. Богданова, М.А. Аникин, Н.Е. Мясоедова. В поисках потерянного автора: Этюды атрибуции / Под ред. М.А. Марусенко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. 216 с.

За последние пятнадцать лет в отечественной науке заметно снизился интерес к проблеме авторства анонимных и псевдоанонимных произведений. Между тем на рубеже 50-к-60-х гг. этот интерес был стимулирован известными исследованиями П.Н. Беркова [Берков 1958] и В.В. Виноградова [Виноградов 1961], вслед за которыми появились десятки работ, предлагавших не только новые идеи, но и конкретные текстологические и лингвостатистические приемы атрибуции анонимных и псевдоанонимных текстов (ср. [Гришунин 1962; Миколенко 1963; Дмитриев 1973; Батов, Сорокин, 1977; Ермоленко 1988] и др.). К сожалению, многим из авторов, в том числе и тем, которые пытались применять формальные методы атрибуции, не удалось в то время освободиться от дилетантизма и субъективизма. В этом отношении характерна судьба работ Г. Хейтсо [Хейтсо 1986; G. Kjet-saa 1976] – пионера в области применения лингвостатистических приемов атрибуции русских беллетристических текстов. Его сочинения, как, впрочем, и некоторые аналогичные работы других авторов [Ермоленко 1993], вызвали неоднозначную реакцию как среди филологов, так и математиков. Основным упреком, который выдвигался в адрес авторов подобных работ, является несоответствие применяемых ими элементарных методов и приемов статистико-вероятностного анализа объективной сложности задачи атрибуции. Одной из причин такого несоответствия являлось отсутствие теоретической концепции, позволяющей решать эту текстологическую задачу с общих теоретических и эпистемологических позиций. Таким образом, теория атрибуции оказалась в методологическом тупике, без выхода из которого было бы невозможно получение новых результатов.

Прорыв из этого тупика намечился в последние пятнадцать лет благодаря многолет-

ним исследованиям М.А. Марусенко [Марусенко 1986; 1990], в которых впервые задача атрибуции анонимных и псевдонимных текстов рассматривалась как типичная задача распознавания образов. Более того, в них предлагалась технология реализации различных этапов процедуры атрибуции с применением многомерного статистического анализа. Наибольший интерес в этом отношении представляет рецензируемая работа коллектива лингвистов литературоведов и историков, возглавляемого М.А. Марусенко.

Эта коллективная монография представляет собой реализацию на обширном историко-филологическом материале теоретических положений, сформулированных М.А. Марусенко в предыдущих работах. Работа состоит из четырех этюдов, связанных только общностью методики и посвященных атрибуции совершенно различных по жанру, объему и времени написания текстов. Такое построение имело задачей продемонстрировать эвристические возможности метода и широту его применения. Каждый из четырех этюдов посвящен установлению авторства конкретных текстов (псевдонимные статьи, приписываемые В.В. Маяковскому в первом этюде, романы "Три страны света" и "Мертвое озеро" во втором, роман "Тихий Дон" в третьем и русская пьеса о Вольтере "Ты и Вы" в четвертом). Поэтому литературная интрига, связанная с каждым из них, может вызывать разный, подчас эпатажный интерес у читателя. Однако для специалистов в области текстологии, атрибуции и прикладной лингвистики более важным является анализ данной работы с точки зрения методологии, эвристической силы и области применения распознавательной методики.

Первым важным теоретическим положением, реализованным в коллективной работе, является расчленение процедуры атрибу-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 02-04-00195а).

ции согласно стандартной схеме лингвистического моделирования на следующие три относительно самостоятельных этапа:

- формирование литературно-критической атрибуционной гипотезы,
- проверка литературно-критической атрибуционной гипотезы методами теории распознавания образов,
- интерпретация результатов проверки атрибуционной гипотезы (с 8)

Из такого построения явствует, что статистико-вероятностные методы анализа языка и стиля произведения, составляющие центральную часть процедуры атрибуции, не должны иметь самостоятельной эвристической силы. Они используются только для проверки исходной атрибуционной гипотезы, задаваемой текстологами или историками. Тем не менее в работе показано, что умелое использование предлагаемой методики неоднократно приводило к корректировке исходной атрибуционной гипотезы и установлению автора, не фигурировавшего первоначально в числе возможных авторов (см с 37, 45–46, 122–188)

Выясняется также, что применение традиционных методов историко-филологического анализа может привести лишь к формулированию атрибуционной гипотезы, но ни в коем случае к решению вопроса об авторской принадлежности текста. При наличии нескольких конкурирующих гипотез их следует считать равнозначными и подлежащими проверке независимо от степени филологической проработанности каждой.

На втором этапе результаты испытания атрибуционной гипотезы проверяются степенью согласованности этих результатов с исходной гипотезой. Если они согласуются с гипотезой, последняя считается подтвержденной. На этом процедура атрибуции заканчивается в противном случае – исходная гипотеза считается опровергнутой и происходит ее переформулирование. Затем откорректированная гипотеза с измененными классами авторов и текстов подвергается новой проверке. Таким образом процедура атрибуции носит итеративный характер. Это позволяет постепенно приближаться к конечной классификации постоянно корректируя состав и структуру классов на основе информации, полученной на предыдущем этапе итерации.

Особое значение имеет разработанная М. А. Марусенко процедура формирования наборов информативных параметров используемых для решения задач атрибуции. Важность этой проблемы очевидна для специалиста любой предметной области, знакомого с проблематикой распознавания образов и в лингвоматематических исследованиях

вообще. Однако в работах по атрибуции анонимных и псевдонимных текстов данный вопрос является совершенно неразработанным. Тем не менее, именно корректное решение этой задачи, основанное на обработке матрицы корреляционных связей априорных параметров, позволяет получать нетривиальные результаты и обуславливает успех атрибуционной процедуры.

Методы и процедуры предложенные М. А. Марусенко, реализованы на обширном текстовом материале представляющем реальные атрибуционные гипотезы, десятилетия существующие в филологической науке. И по некоторым из них имеется большая литература, содержащая разные, как правило, противоречивые точки зрения. Так, первый этюд "Кому он нужен, это Бурлюк?" посвящен атрибуции 24 псевдонимных статей, опубликованных в "Кине-журнале" и приписываемых В. В. Маяковскому. Анализ состава классов полученных в результате 4-х итераций показал, что в написании данных статей, помимо Маяковского, принимал участие еще как минимум один автор. Хотя никаких предположений относительно другого автора в исходной гипотезе не содержалось, самостоятельные изыскания авторов атрибуции позволили обнаружить в этом издании подписанные статьи Д. Бурлюка и произвести атрибуцию псевдонимных статей относительно двух возможных авторов В. Маяковского и Д. Бурлюка. Результаты показывают, что основным автором данного корпуса текстов должен быть признан Д. Бурлюк, авторство же В. Маяковского закреплено за значительно меньшим числом текстов.

Второй этюд "Фабрика романов журналиста Некрасова" посвящен атрибуции романов "Три страны света и Мертвое озеро", опубликованных за подписью самого Н. А. Некрасова и Н. Станицкого (псевдоним А. Я. Панаевой). На основе предшествующих изысканий Б. Л. Бессонова (с 47) в этой главе рассматривается гипотеза об участии в написании романов достаточно широкого круга писателей, причастных к некрасовскому "Современнику" (на заключительной итерации – 14 авторов). Исследование показало, что основными авторами этих романов должны считаться не Н. А. Некрасов и А. Я. Панаева, а малоизвестный литератор В. В. Толбин и И. А. Панаев. Развернувшаяся затем полемика с Б. В. Мельгуновым относительно возможности авторства В. В. Толбина заставила Б. Л. Бессонова произвести дополнительные архивные изыскания. В результате было обнаружено цензурное запрещение на публикацию В. В. Толбиным свободного переложения романа П. де Кока "Горбун

Такини в котором прослеживаются явные связи с 'Тремя сторонами света' и 'Мертвым озером' как по сюжету так и по составу персонажей

Третий этюд (с 107–175) посвящен наиболее разработанной в современной атрибуционной литературе и скандально известной теме – авторству романа 'Тихий Дон'. Изучив все известные на сегодня точки зрения, исследователи приходят к выводу о существовании четырех гипотез относительно авторов этого романа. Ими могли быть М. Шолохов, Ф. Крюков, А. Серафимович, С. Голоушев (Глагол). Гипотеза об авторстве А. Серафимовича, принадлежащая историку М.А. Аникину является хронологически последней и менее известной.

Не отдавая априорно предпочтения ни одной из гипотез, исследователи производят многомерную классификацию глав романа относительно четырех априорных авторских классов и приходят к выводу о значительном участии А. Серафимовича в создании текста 'Тихого Дона'.

Четвертый этюд Шаховской или Грибоедов? интересен прежде всего тем, что в нем рассматривается вопрос об авторстве драматургического произведения – русской пьесы о Вольтере 'Ты и Вы'. Дело в том что по сложившейся в прикладной лингвистике традиции объектом исследований является авторская речь. Применение методики атрибуции к драматургическому тексту позволило расширить представления об области применения данной методики. Это, несомненно, даст новые результаты по атрибуции драматургических произведений.

В целом, коллективная монография 'В поисках потерянного автора. Этюды атрибуции' открывает новые перспективы в современной атрибуционной текстологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батов Сорокин 1977 – В.И. Батов, Ю.А. Сорокин. Опыт построения методики для ус-

- тановления авторства текстов // ИАН СЛЯ Т 36 1977 № 4
- Берков 1958 – П.Н. Берков. Об установлении авторства анонимных и псевдоанонимных произведений XVIII века // Русская литература 1958 № 2.
- Виноградов 1960 – В.В. Виноградов. Теория литературных стилей и принципы атрибуции анонимных и псевдоанонимных произведений // О принципах определения авторства в связи с общими проблемами теории и истории литературы Л, 1960
- Виноградов 1961 – В.В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей М, 1961.
- Дмитриев 1973 – В.Г. Дмитриев. Замаскированная литература М, 1973
- Ермоленко 1988 – Г.В. Ермоленко. Анонимные произведения и их авторы Минск 1988
- Ермоленко 1993 – Г.В. Ермоленко. Лингвистические особенности авторской речи в произведениях М. Шолохова и Ф. Крюкова // Съездовительное языкознание / Contrastive Linguistics XVIII 1993 № 3–4
- Марусенко 1990 – М.А. Марусенко. Атрибуция анонимных и псевдоанонимных литературных произведений методами теории распознавания образов Л, 1990
- Миколенко 1963 – Ю. Миколенко. Кто автор знаменитой песни // Советская законность 1963 № 6
- Хейтсо 1986 – Г. Хейтсо. Принадлежность Достоевскому к вопросу об атрибуции Ф.М. Достоевскому анонимных статей в журналах 'Время' и Эпоха Oslo, 1986.
- Kjetsaa 1976 – G. Kjetsaa. Storms on the Quiet Don a pilot study // Scando-Slavica 1976 T 22
- Vařak 1986 – P. Vařak. Autor, text a společnost Praha, 1986

Н.Ю. Зайцева, К.Р. Пиотровская

Z. Frajzngier. A Grammar of Lele. Stanford (California) Center for the study of language and information, 2001. vii, 493 p. (Stanford monographs in African languages)

Новая монография Зигмунта Фрайзингера (работающего в настоящее время в США) посвящена описанию грамматической структуры языка леле – одного из восточноафриканских языков, на котором говорит около 33 тыс. человек на юго-западе Республики Чад (район г. Кело). Скажем сразу, что эта работа интересна во многих отношениях и заслуживает внимания отнюдь не только африка-

нистов. Книга существенно пополняет наши знания как о языке леле (ранее по этому языку было опубликовано лишь несколько словарей и сборников текстов, список которых приводится в книге), так и о всей восточноафриканской языковой группе, информация о которой до сего времени была мало доступна. Насколько нам известно, это единственное на сегодняшний день монографическое

описание грамматики восточночадского языка. Учитывая, что восточночадская подгруппа по многим параметрам существенно отличается от прочих чадских языков (в частности от крупнейшего и лучше всего описанного из них — хауса) актуальность подобного труда для самого широкого круга специалистов по теоретической лингвистике и типологии представляется несомненной. Добавим к этому, что активно публикующийся в последнее время Фрайзингер хорошо известен не только как специалист по чадским языкам и африканистике в целом, но и по теоретической лингвистике, особенно по теории грамматикализации. Вот лишь некоторые из его последних работ [Frajzyngier 1996, 1997; 1999a, 1999b; Frajzyngier в печ.]. Его теоретический кругозор в полной мере ощущается и в данной книге — равно как и опыт в написании грамматик (ему принадлежат еще три грамматики чадских языков: перо [Frajzyngier 1989], мулун [Frajzyngier 1993] и хди [Frajzyngier, Shay 2002]).

Язык леле близок к изолирующему типу — глагол в нем имеет всего четыре синтетических формы: имя — две. Безусловно, такой тип языка оправдывает выбранную в книге структуру изложения: вместо более привычного деления на большие разделы типа Имя, Глагол и т.д. грамматика делится на 27 небольших разделов, посвященных каждый одной или нескольким близким грамматическим темам (вот заголовки некоторых из них: Структура именной группы, Аргументы глагола, Обстоятельства Времени, Модальность и т.д.). Стоит отметить и то, что имена и глаголы в леле различаются существенно меньше, чем во многих других языках. Так, к примеру, показатель *-ŋ* может присоединяться и к именам в функции определенно-артикли, и к глаголам движения со значением 'туда' или 'сюда'.

Решая дилемму, всегда встающую перед автором грамматики: упорядочивать ли материал по значениям или по формам, — Фрайзингер как мы видим, склоняется скорее к первому варианту. К сожалению, при таком подходе еще сильнее ощущается отсутствие предметного указателя или указателя морфем. Только путем сплошного просмотра грамматики можно узнать, например, что показатель *na*, помимо выражения ассоциативности (т.е. значений типа 'с кем-то/с чем-то совместно', с. 138–139) употребляется также

- с именами для обозначения источника или исходного possessора (в конструкциях типа 'купить у кого-л.', с. 137–138);
- с именами при употреблении их в функции обстоятельства¹ (так, *na* + 'одиночество'

означает 'в одиночестве', *na* + 'та сторона' означает 'на другой стороне', с. 166–167),

- для выражения possessивности ('Кня' [имя собственное] + *na* + 'лошадь' означает 'У Кня есть лошадь', с. 207–210),

- для выражения анафоры ('сказать' + *na* означает 'сказать об этом', с. 251–255),

- для обозначения фоновой информации (с. 333–340),

- для введения временных придаточных (с. 411–417).

Разумеется, подобная информация представляет немалый интерес для типолога (даже независимо от того, правомерно ли в этом случае говорить о едином показателе или о совокупности омонимичных морфем).

Сравнительно бедная морфология леле компенсируется обилием аналитических конструкций, и в грамматике имеется немало примеров достаточно нетривиального развития значений. Так, в леле имеются вентивная и андативная ("аллативная", в терминологии Фрайзингера) конструкции, означающие, что действие сопровождается движением, соответственно, к или от говорящего¹, этим конструкциям посвящена специальная глава. Показатель вентива, вполне ожидаемо, восходит к глаголу со значением 'приходить', но вот андатив выражается словом *ca(a)ni*, которое означает 'поле' или 'кустарник, буш', соответственно, 'идти' + *ca(a)ni* означает 'уходить' (не обязательно в поле), а 'покупать' + *ca(a)ni* означает 'продавать'. В грамматике представлено множество примеров подобного рода.

Несмотря на небогатую морфологию, леле обладает развитыми морфологическими механизмами — в нем имеется двойная гармония гласных (по ряду и по подъему), оглушение согласных на конце и озвончение в интервокальной позиции, чередование тонов и некоторые другие правила, изложенные в главе ФONOLOGIA. Вокалическая система состоит из пяти гласных (*a, e, i, o, u*), которые в открытых слогах могут быть также долгими. Среди отличительных черт консонантизма можно упомянуть наличие пренализированных *mb, nd, ŋb* (при этом нет *ŋg*) и глотталлизированных *b, d*, а также смычных лабиовелярного ряда *kp, gb, ŋb*. Есть три основных тона — высокий, средний и низкий.

¹ Об этих конструкциях существует довольно большая литература (в том числе и статья самого Фрайзингера [Frajzyngier 1987]). Укажем также сравнительно недавний обзор [Jungraithmayr 1998], где анализируется материал не только чадских, но и других африканских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

В языке различается отчуждаемая и неотчуждаемая принадлежность. В системе времен глагола противопоставляются единое настоящее-прошедшее время и два будущих 'неопределенное' (синтетическое) и 'определенное' (аналитическое, с глаголом *идти* в качестве вспомогательного – это употребление глагола *идти* в функции показателя ближайшего или определенного будущего характерно для многих языков, в том числе и европейских). Таким образом, оказывается, что в будущем времени различается больше форм, чем в настоящем и прошедшем, что достаточно необычно с типологической точки зрения (ср. более подробное обсуждение таких систем в [Comrie 1985]). Помимо этого, глагол имеет особые формы императива и отглагольного имени и, как уже было сказано, большое количество аналитических форм. Несколько неожиданно, правила образования синтетических форм глагола изложены в главе "Фонология" (с 43–51).

Порядок слов в большинстве случаев – SOV, при этом субъект и объект по многим параметрам противопоставлены остальным аргументам глагола. Отдельная глава посвящена сериализованным конструкциям и много места уделено сложным предложениям, богато представленным в леле. Наконец, язык имеет развитую систему маркирования референции, топика и фоновой информации.

Надеемся, нам удалось показать, что рецензируемая книга в целом представляет собой полное, подробное и (несмотря на некоторые спорные моменты) удачно выстроенное описание 'экзотического' и во многих отношениях очень интересного с типологической точки зрения языка, принадлежащего к плохо описанной языковой группе. Таких работ остро не хватает современной лингвистике, и полезность их трудно переоценить.

- Comrie 1985 – *B. Comrie Tense* Cambridge, 1985
- Frajzyngier 1987 – *Z. Frajzyngier Ventive and centrifugal in Chadic // Afrika und Ubersee* 70.1 1987.
- Frajzyngier 1989 – *Z. Frajzyngier A Grammar of Pero* Berlin, 1989
- Frajzyngier 1993 – *Z. Frajzyngier A Grammar of Mupun* Berlin 1993
- Frajzyngier 1996 – *Z. Frajzyngier Grammaticalization of the complex sentence a case study in Chadic* Amsterdam, 1996
- Frajzyngier 1997 – *Z. Frajzyngier Grammaticalization of number From demonstratives to nominal and verbal plural // Linguistic Typology* 1997 V 1
- Frajzyngier 1999a – *Z. Frajzyngier Domains of point of view and coreferentiality system in interaction approach to the study of reflexives // Z. Frajzyngier, T. Curl (eds) Reflexives Forms and functions* Amsterdam, 1999
- Frajzyngier 1999b – *Z. Frajzyngier Coding of the reciprocal function two solutions // Z. Frajzyngier, T. Curl (eds) Reciprocals Forms and functions* Amsterdam 1999
- Frajzyngier, in print – *Z. Frajzyngier Studies in Chadic morphology and syntax* Leuven (in print)
- Frajzyngier, Shay 2002 – *Z. Frajzyngier, E. Shay A grammar of Hdi* Berlin, 2002
- Jungraithmayr 1998 – *H. Jungraithmayr The ventive / allative dichotomy in some West African languages // P. Zima, V. Tax (eds) Language and location in space and time* Munchen, 1998

В. Ю. Гусев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

12 февраля 2004 г. состоялось совместное заседание Секции языка и литературы Отделения историко-филологических наук РАН и Ученого совета Института языкознания РАН. Присутствовало около 100 человек, в том числе действительные члены РАН А.Б. Куделин, Ю.С. Степанов, Е.П. Чельшев, член-корреспонденты РАН Н.Д. Арутюнова, Т.М. Николаева, А.В. Бондарко, Ю.Л. Воротников, В.М. Гацак, Н.Н. Казанский. Был заслушан доклад Е.С. Кубряковой (Москва) "Когнитивная лингвистика на современном этапе" (текст доклада опубликован в ИАН СЛЯ Т. 63 № 3. 2004 г.) Докладчик отметил, что в современной когнитивной науке язык рассматривается как средство абстрагирования знаний о мире, перевод их в ментальную форму и одновременно как средство объективирования индивидуальных знаний в голове человека. Общая задача когнитивной науки – изучение мыслительной активности человека, способов приобретения, хранения и передачи им знаний. В прошлом ученые чаще обращались к чисто практической задаче – моделированию искусственного интеллекта, сейчас же предстоит познать каким образом устроен естественный интеллект.

Первая ассоциация по изучению когнитивных наук возникла в 80-е гг. XX в. Тогда же сформировались основные школы когнитивной лингвистики. Следует подчеркнуть, что отечественная когнитивная лингвистика развивалась самостоятельно, не копируя западные образцы. В ее рамках развивалось ономастологическое направление, теория речевой деятельности, представляющая собой ранний вариант когнитивизма. В настоящее время когнитивная лингвистика изучает широкий комплекс проблем, связанных с языковой репрезентацией ментальных процессов и

их результатов, оформленных в голове человека в виде знаний. Объект когнитивной лингвистики может быть назван так: знаковая репрезентация ментального мира, соотношение языковых форм с их когнитивными (познавательными) аналогами.

С точки зрения докладчика, когнитивная лингвистика не должна превращаться в нейролингвистику. Она не ставит своей задачей изучение структуры мозга и тем паче мозговых патологий. Цель ее устремлений – разум, интеллект. В этой связи следует различать познание как способ изучения конкретных проблем, решения простых задач и когницию как непосредственный опыт человека в мире.

В дискуссии приняли участие Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, Н.Н. Казанский, Т.М. Николаева, В.А. Виноградов, В.З. Демьянков, А.А. Кибрик, В.М. Лейчик, Т.Е. Янко. Выступавшие отмечали тесную и неразрывную связь собственно языковых феноменов и картины мира, данной в языке. Основная цель когнитивной лингвистики – найти адекватную языковую репрезентацию для мыслительных операций. Т.М. Николаева подчеркнула, что на теорию когниции накладываются ограничения, заданные социальным контекстом. А.В. Бондарко отметил необходимость изучения языковой формы, которая становится тем насыщеннее, чем больше мы изучаем когницию. В.А. Виноградов обратил внимание собравшихся на то, что каждое направление в науке проходит этапы развития от идеологии к собственно теории. Когнитивная лингвистика прошла этап идеологии, ее сегодняшняя задача – построение собственной теории. Доклад Е.С. Кубряковой содержит много важных идей именно для теории. Подводя итоги дискуссии, академик А.Б. Куделин указал на важность работы в этом направлении.

К.Г. Красухин (Москва)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1 **Рукописи** представляются в двух экземплярах – текст и подстрочные примечания *должны быть набраны* через два интервала *на машинке или* через полуторный интервал *в электронном виде*. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон, E-mail адрес.

1.1 Редакция также принимает электронную версию материалов, полностью идентичную напечатанному оригиналу. В состав электронной версии статьи должны входить файл, содержащий текст статьи, и файл(ы) содержащий(е) иллюстрации. Если текст статьи вместе с иллюстрациями выполнен в виде одного файла, то необходимо дополнительно представить файлы с иллюстрациями. На дискете желательно продублировать материалы в разных каталогах (на случай брака дискеты). Во избежание технических неполадок запись на дискете рекомендуется тестировать и проверять на вирусы.

1.2 **Подготовка электронной версии основного текста**

Желательно представление основного текста статьи в формате Microsoft Word for Windows. При наборе используйте стандартные Windows True Type шрифты (например, Times New Roman, Courier New, Arial и т.п.). Все использованные в статье шрифты с нестандартными знаками желательно сохранить как отдельные файлы на дискете. Размер шрифта – 12.

Обращаем Ваше внимание на то, что строки текста в пределах абзаца не должны разделяться символом возврата каретки (обычно клавиша Enter). Тексты с разделением строк в пределах абзаца символом возврата каретки не могут быть использованы.

1.3 **Подготовка электронной версии графического материала**

При подготовке графических файлов мы просим Вас придерживаться следующих рекомендаций:

- для растровых рисунков использовать формат TIF с разрешением 600 dpi, 256 оттенков серого;
- векторные рисунки должны предоставляться в формате программы, в которой они сделаны: CorelDraw (до версии 8.0), Adobe Illustrator (до версии 8.0), FreeHand (до версии 8.0) или в формате EPS.

- для фотографии использовать формат TIF не менее 300 dpi.

Если программа не является распространенной, то желательно дополнительно сохранить файлы рисунков в формате WMF или EPS.

Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы был понятен порядок их расположения. Каждый файл должен содержать один рисунок.

2 **Примеры** в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

3 **Библиография** в журнале оформляется следующим образом:

3.1 Список использованной литературы дается в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так:

- Код работы (фамилия, год выхода цитируемой работы) – тире, инициалы и фамилия автора, название работы. В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражение типа и др. only "et al".

- Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например: Успенский 1994 – Б.А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.) М., 1994.

- Если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например:

Трубецкой 1990 – Н.С. Трубецкой. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ 1990 № 2. 3.

- Если это сборник или иное аналогичное издание, то кодом является одно из двух:

- а) фамилия редактора (или редакторов, допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу – см. выше) и год, тире, инициалы и фамилия редактора с указанием ред. (для других языков – ed., hrsg. и т.п.)

- б) сокращенное название и год.

Greenberg 1978 – J. Greenberg (ed.) Universals of human language. V. I. Method and theory. Stanford (California) 1978.

Universals 1978 – Universals of human language. V. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

3.2 **В тексте ссылки на литературу** даются в квадратных скобках, фамилия (и инициалы автора, если это необходимо во избежание недоразумений), год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно). Например: [В.В. Иванов 1992: 34] [W. Jones 1890]. Если в библиографии упоминаются несколько работ одного и того же автора и года, используются уточнения типа [W. James 1890a].

4 **Подстрочные примечания** имеют сквозную нумерацию.

5 Непринятые рукописи не возвращаются.

6 Статьи, опубликованные или направленные в редакцию других журналов, не принимаются.

7 Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).

Статьи, оформленные не в соответствии с указанными выше правилами, к рассмотрению в журнале "Вопросы языкознания" не принимаются.

CONTENTS

Yu.D. Apresjan (Moscow) On the semantic "non-emptiness" and motivation of verbal lexical functions Yu. Kaneko (Tokyo), E.V. Petrukhina (Moscow) Aspect semantics in the verbal systems of Russian and Japanese languages (comparative analysis of fragments of the linguistic image of the world); G.E. Kreidlina, E.B. Morozova (Moscow). Interlinguistic typology of non-verbal units the everyday nodes; Yu V. Nikolaeva (Moscow). Functional and semantic features of the illustrative gestures in oral speech (based on the materials of the Russian language), A.D. Košelev (Moscow). On the conceptual meanings of the prefix *o-/ob-*; J B a g a n a (Belgorod). Morphosyntactic interference from the point of view of French-Congolese bilingualism; O V Hanina (Moscow) The desire: a cognitive-functional study, **Reviews:** T Ya Elizarenkova (Moscow) *M Mayrhofer* Die Personennamen in der Rgveda-Samhitā Sichereres und Zweifelhafes, I B Itkin (Moscow) *D Q Adams* A dictionary of Tocharian B, V.M. Alpatov (Moscow) *V Uspenskij* Works on non-mathematics, N Yu Zaiceva, K R Piotrovskaja (St-Petersburg). *MA Marusenko, B L Bessonov, L M Bogdanova, MA Anikin N.E. Miasojedova.* In search of the lost author, V Yu Gusev (Moscow) *Z Frajzyngier* A grammar of Lele **Chronicle features**

Сдано в набор 20 04 2004	Подписано к печати 15 06 2004	Формат 70 × 100 ^{1/16}		
Офсетная печать	Усл. печ л 14,3	Усл кр-отт 21,9 тыс	Уч-изд л 17,0	Бум л 5,5
	Тираж 1509 экз	Зак 8478		

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредитель Российская академия наук

Адрес издателя 117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции 119019 Москва, Г-19 ул Волхонка, 18/2 Институт русского языка,
телефон 201-25-16

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
Отпечатано в ППП "Типография Наука", 121099, Москва Шубинский пер., 6